

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Наталья КОРОВИЦЫНА

**КАК ЖИВУТ ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙЦЫ
ПОСЛЕ «БАРХАТНЫХ» РЕВОЛЮЦИЙ
*ПОЛЯКИ, ЧЕХИ, СЛОВАКИ***

Москва
ИЕ РАН
2019

УДК [323:316.3/.6](43)»1989/201»

ББК 66.3(44),41+60.524(44)

К68

Рецензенты:

Данилова Елена Николаевна, кандидат социологических наук

Шанишева Лариса Николаевна, кандидат философских наук

Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 17-07-00016 «Россия и Центральная Европа:
проблемы и перспективы взаимоотношений в условиях
мирового политического кризиса»

Коровицына, Наталья В.

Как живут центральноевропейцы после «бархатных» революций. Поляки, чехи, словаки / Наталья Коровицына ; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской академии наук. – М.: ИЕ РАН, 2019. – 256 с. – ISBN 978-5-98163-136-8.

В работе рассматривается широкий спектр социальных сдвигов, изменений ценностей и ориентаций населения «к востоку от Эльбы» главным образом на примере Польши, Чехии, Словакии во временной динамике после 1989 г. Результаты созданной социологами региона панорамы центральноевропейского бытия и сознания периода общественной трансформации рубежа XX–XXI вв. – времени перехода от социализма к капитализму – способствуют пониманию параллельной отечественной реальности. Представленные процессы комплексно отражают базисные черты социокультурного перехода, практически неизвестные российским исследователям после «бархатных» революций.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙЦЫ	6
1.1. «Бархатные» революции как феномен массового сознания	6
1.2. Итоги первого десятилетия реформ	22
1.3. Социально-классовые сдвиги	35
1.4. Европейский Восток и Запад: социокультурная конвергенция?	48
Глава 2. ПОЛЯКИ	67
2.1. Первая в регионе революция сознания	67
2.2. Четыре десятилетия спустя	94
2.3. Восточноевропейский путь развития на примере Польши	110
Глава 3. ЧЕХИ	130
3.1. Восприятие людьми событий национальной истории	130
3.2. Социально-политическая динамика	147
3.3. Процессы трансформации семьи	167
3.4. Ценности в изменяющемся мире	187
3.5. Чешский человек: портрет на фоне смены систем	199
Глава 4. СЛОВАКИ	220
4.1. Социально-структурные изменения	220
4.2. Общество на пути либеральной модернизации	235
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	253

ВВЕДЕНИЕ

В ноябре 2019 г. истекают три десятилетия после падения Берлинской стены и «бархатных» революций, предшествовавших распаду Советского Союза и окончанию холодной войны. 1989 год символизирует начало новой эпохи, особенно для стран бывшего Восточного блока. Установившиеся тогда новый строй и курс общественного развития в восточноевропейских странах ознаменовали собой тектонический сдвиг в мировой геополитике и жизни населения региона.

С переходом тридцать лет назад к демократии в России и Восточной Европе, как ни парадоксально, интерес историков к изучению общества в различных его измерениях снизился. Одновременно распались связи социологов и историков нашей страны и стран бывшего социалистического блока. В данной работе с помощью историко-социологического подхода восполняется упомянутая ниша в исследованиях современной социальной действительности, существующая на протяжении 30 лет. Приоритет отдается общим для региона процессам и явлениям перед национально-особенными. Открывается практически неизвестная прежде панорама динамики жизнедеятельности центральноевропейцев после 1989 г. – изменения в их социальном, демографическом статусе и системе ценностей, т.е. бытии и сознании.

С течением времени расширился горизонт понимания этапов и особенностей периода социализма, когда сформировался объединивший нас и наших западных соседей восточноевропейский путь развития. Его специфическая общность на пространстве осуществивших социалистический модерн-проект народов, как выяснилось, сохранилась и после смены систем в условиях евроинтеграции. Нынешний период общественного развития стал лишь новым, либерально-демократическим этапом восточноевропейского пути развития. Субъектами «бархатных» революций явились группы, сформированные предшествующим строем, стремившиеся к его совершенствованию, но не уничтожению. Можно даже говорить о «коллективных жертвах», принесенных этим «нежным» революциям основными группами населения. Сами революции 1989 г. явились романтически окрашенным феноменом массового сознания восточноевропейцев – нынешних центральноевропейцев.

В поле зрения исследования находится 30-летний процесс либерально-демократического строительства. Рассматриваются судьбы восточно-

европейского человека в ходе этого исторического этапа через цивилизационные и формационные категории. Плодотворно также сравнительное изучение комплексного, многогранного (социально-структурного, партийно-политического, гражданского, ценностного, религиозного, морального, семейного, трудового, досугового, национального и др.) опыта общественных преобразований преимущественно в центральноевропейском или западнославянском регионе Европы. Речь идет о богатейшем, малоизвестном отечественному читателю опыте – польском, чешском, словацком. В центре внимания книги находятся культурные, то есть смысловые эффекты западноориентированного цикла системной трансформации, последовавшие за восточноориентированным циклом. На этом фоне вопрос о приоритете конвергенции или дивергенции путей социокультурной динамики восточной и западной частей европейского континента становится одним из приоритетных для социогуманитарных наук стран региона. Другое важное направление исследований связано с внутрирегиональной спецификой. Особенность региона, прошедшего во второй половине XX в. путь форсированной модернизации, заключается в том, что здесь сохранялось и усиливалось характерное несоответствие «продвинутых» социальных и «отстающих» культурных параметров общественного развития и маргинальный – постсельский, посткрестьянский – тип личности.

После исторического рубежа 1989 г. успело смениться целое поколение, и можно говорить о завершенных этапах современного послевоенного развития стран региона – раннесоциалистическом, позднесоциалистическом и раннекапиталистическом – как процессе смены поколений 1930-х, 1950-х и 1970-х годов рождения. Результаты конкретных исследований второго десятилетия нового века – по окончании поколенческого цикла перемен – позволяют понять социокультурное содержание и итоги перемен периода капитализма в регионе. Это уникальные данные, основывающиеся на фундаментальных академических разработках в странах региона, крайне важные для углубления представлений о нынешней отечественной реальности. Возвращение к идеалам социальной справедливости, равенства и сплоченности, нового синтеза гуманизма и традиционализма спустя 30, в Польше – 40 лет после начала перехода от социализма к капитализму для стран центральноевропейского региона не менее характерно, чем для России. Очередной исторический поворот рубежа второго и третьего десятилетий XXI в. открывает перспективу нового этапа в развитии наших народов и их взаимоотношениях.

Глава 1.

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙЦЫ

1.1. «Бархатные» революции как феномен массового сознания

Наиболее мощным фактором, вызвавшим произошедшие на наших глазах радикальные сдвиги в общественном развитии Восточной Европы как политического региона, оправданно считается «психологический»¹. Речь в данном случае идет о надеждах и ожиданиях, сложившихся в неповторимой атмосфере 1980-х годов под воздействием «демонстрационного эффекта» западных стандартов жизни. Это воздействие в полной мере смогло проявиться после завершения эпохи индустриализации региона, достижения высоких социально-образовательных параметров населения, формирования у него устойчивой ориентации на рост уровня потребления.

К началу 1960-х годов компартиями декларируется создание основ социализма, что фактически означает появление фундамента индустриального общества в регионе. К этому времени процессы социально-экономического развития в различных странах Восточной Европы и СССР, стартовый уровень которых был далеко не однородным, относительно синхронизируются. Коммунистические режимы встают перед необходимостью определения дальнейшего пути развития – постиндустриального. В новых условиях о необходимости пересмотра базисных принципов действующей модели общественного устройства настоятельно свидетельствовали события Пражской весны 1968 г.

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996, с. 184.

Произошедший спустя два десятилетия отказ от существующей системы как неспособной обеспечить адекватный западному уровню жизни последовал за периодом так называемого потребительского или «домашнего», «гуляшного» социализма. В этот период совершалось последовательное отступление от принципов советской морали, тяготеющей к восточноевропейской и особенно российской культурной традиции с ее приоритетом духовно-нравственного начала человеческой жизни над началом материальным. Власти постепенно стали отходить от норм аскетической трудоцентристской морали первых пятилеток и пытаться превратить материальное потребление в «мотор» экономического роста и политической поддержки. Однако потребительские ожидания в условиях политики «пропаганды успехов» и госпатернализма росли быстрее, чем возможности их удовлетворения. Социокультурные предпосылки «бархатной» революции складывались на протяжении всего второго этапа истории восточноевропейского социализма, в течение которого формировалась массовая основа смены режима в 1989–1991 гг. Речь идет о возникновении нового типа социальности, в котором решающее значение сыграла серия бескровных революций рубежа 1960–1970-х годов.

Важнейшая среди этих революций – научно-техническая, открывшая эпоху технократического социализма. Для человека этой эпохи характерна вера в будущее, прогресс, технику, экономический рост и крупногородскую культуру, сформировавшуюся в те годы в странах региона. Эта вера находит наиболее полное проявление в начале 70-х годов – непродолжительного «золотого века» стран восточноевропейского региона, когда происходит ощутимое повышение уровня жизни населения, а вслед за ним явное смягчение репрессивности системы везде за исключением, может быть, Чехословакии, где осуществлялась политика «нормализации».

В середине 1970-х годов окончательно завершается переход ко всеобщему среднему образованию, который открывает дорогу в высшие учебные заведения практически всей молодежи соответствующих возрастных групп. Но еще десятилетием раньше возникает массовая ориентация на поступление в вуз как практически единственную возможность восходящей социальной мобильности в данной общественной системе. В странах, принадлежавших к числу менее экономически развитых на старте социомодернизации (СССР и Болгария, а также Польша и словацкая часть ЧССР) рост высокообразованных контингентов населения идет опережающими темпами по сравнению, например, с Венгрией и Чешскими землями.

Демографически мощные когорты молодежи, родившейся в начале 50-х годов, со временем становятся главным объектом подлинной образовательной революции. В результате формируются многочисленные контингенты высококвалифицированных специалистов, в основном технического профиля. В 1970-е годы в Восточной Европе появляется новая социальная категория – массовая интеллигенция, или образованный класс, своеобразный аналог западноевропейского среднего класса. Эта социальная группа становится «лицом» и авангардом молодого поколения тех лет, обладающего огромным потенциалом умственного труда. Выросшее в обстановке экономической безопасности и надежных государственных гарантий, это поколение считает науку наиболее престижной сферой профессиональной деятельности.

Послевоенное поколение – рожденные в 1950-е годы – в противовес родителям, но аналогично западноевропейским сверстникам отдает приоритет постматериалистическим ценностям. Для него особенно значимы идеалы личностного развития, гуманизма и мира, взаимопонимания между народами. В отличие от «отцов» – преимущественно материалистически ориентированного поколения 1930-х годов рождения – «дети» предпочитают так называемые высшие ценности.

Послевоенная модель социализации дала миру совершенно новый тип личности. В соответствии с теорией межгенерационного культурного сдвига, или «тихой» революции Р. Инглхарта, по существу впервые в истории появилось поколение, не озабоченное угрозой суровых экономических лишений и воспринимавшее экзистенциальную безопасность как должное. Речь идет о субъективно благополучном поколении с ослабленным чувством уязвимости по отношению к внешнему миру, строящим свою судьбу на основе свободы индивидуального выбора¹. Для Восточной Европы перестройка мироотношения, обозначаемая как постмодернизация, была так же реальна, как и для Западной Европы.

Подъем благосостояния формировал новую общепринятую систему ценностей, обращенную внутрь человеческой личности, его повседневной жизни. Пресловутые «безыдейность» и «нигилизм» молодого поколения как носителя этой системы были реакцией на жесткость и рационализм старшего поколения. Ориентированные на общественные изменения

¹ Inglehart R. The silent revolution in Europe: intergenerational change in post-industrial societies // American political science review. 1971. № 4; Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. – Полис. 1997. № 4.

молодые постматериалисты рекрутировались из наиболее экономически обеспеченных семей, в основном из среды улучшивших свое материальное положение слоев населения, в прошлом малообеспеченных¹. Для сторонников новой системы ценностей культурно-политическая ориентация была гораздо важнее их социальной принадлежности и служила объединяющим началом протестной активности. Эта активность характеризовалась исследователями как сугубо «постматериалистический феномен». В конце 80-х годов в обстановке гласности, обеспечившей возможность выражения массовой неудовлетворенности существующим режимом, этот феномен сыграл решающую роль в национально-политической мобилизации народов Восточной Европы на его ниспровержение. Противодействие авторитаризму стало главным проявлением фундаментальной ценностной переориентации населения региона. Речь идет не просто о борьбе с коммунистическими порядками, а о полном отказе от совокупности ценностей прежнего режима, важнейшими среди которых были аскетизм, уравнительность, коллективизм, общественное служение.

Сфера частной и личной жизни для второго послевоенного поколения гораздо более значима, чем для «отцов». Характерные для последних вынужденные пуританские наклонности во время перехода стран региона к обществу массового потребления все более явно уходят в прошлое. Ростки малого предпринимательства, появившиеся в 70-е годы в Польше и Венгрии, предоставляли населению этих стран дополнительный источник доходов, открывая реальную возможность роста стандартов потребления.

К началу 80-х годов XX в. восточноевропейское общество приобретает социокультурный облик, совершенно видоизмененный по сравнению с периодом не только сорока-, но и двадцатилетней давности. Именно в эти годы происходит очередная смена поколений, и так называемая средняя генерация вместе с ее ценностями и установками становится преобладающей среди социально-активной части общества. Усилия власти по созданию технократического потребительского социализма в конечном счете приводят к ослаблению политического режима при росте значимости позиций образованного класса – специалистов средней и высшей квалификации, занятых главным образом в промышленном производстве. Их

¹ Scott C.F. Changing values in advanced industrial societies. – Comparative political studies. 1982. № 4, p 422.

стремление избавиться от сложившейся «статусной несогласованности» – превышения уровня образования над доходами или культурного статуса над статусом экономическим – видится на пути «конверсии» имеющегося культурного капитала в капитал экономический. Предпринятая средним поколением образованного класса Восточной Европы попытка закрепить и усилить свои позиции в обществе, окончательно освободившись от административных пут и зависимости от «чужой воли», в конечном счете привела к отторжению им общественной системы в целом.

Процесс смены базисных социальных ориентиров восточноевропейцев, непосредственно предшествовавший «нежной» смене власти в 1989–1991 гг., и получил название революции сознания. С начала 1980-х годов, как показывают материалы социологических исследований, разрушается сложившаяся в 1950-е годы и все эти десятилетия сохранявшая относительную стабильность и гомогенность система ценностей. Девальвируются ценности труда и образования. Последнее теряет свою функцию стержня процессов социального структурирования послевоенного восточноевропейского общества. В создавшейся обстановке гласности критицизм по отношению к существующему режиму, особенно со стороны молодого образованного класса, нарастает лавинообразно. Тридцатилетняя крупногородская интеллигенция выступает в роли прямой наследницы «шестидесятничества».

У восточноевропейской интеллигенции традиционно преобладало стремление исправить общественную систему «изнутри». Еще у ее первого поколения партийность никогда не противоречила критичности. Попытка системной трансформации, предпринятая чешскими коммунистами-реформаторами, получает общерегиональный размах во втором поколении теперь уже массовой интеллигенции.

Интеллигенцию обоих поколений объединяет высокий уровень образования и политизированности, который порождает амбициозность планов, тягу к антиэгалитаризму, модернизму, открытости миру. Стремление «в Европу» и связанные с ним иллюзии о скором национальном и индивидуальном процветании выполнили роль мобилизующей интегрирующей идеологии, в основе которой лежала оптимистическая и наивная риторика по поводу скорейшей конвергенции двух частей Европы. Эта идеология дала ее сторонникам новую конструктивную перспективу, альтернативную социалистической, породив мощный всплеск духовной энергии народов региона.

«Демонстрационный эффект» западных стандартов создал движимый ожиданиями интеллигенции мощнейший психологический фактор

потребности радикальных общественных перемен. Под воздействием этого фактора произошло тотальное смещение массовых пристрастий «от равенства к свободе», подразумевавший в первую очередь капитализацию экономики и свободу потребительского выбора. Стремление к такого рода свободе было ответом на вызов индустриального общества. Молодая интеллигенция, испытывавшая дефицит самореализации, обрела ее кратчайший путь в сфере удовлетворения материальных потребностей.

Раньше, чем в других странах, революция массового сознания началась в Польше, где последовательность решения отдельных задач этой революции была выражена наиболее ярко. Уже к середине 1980-х годов важнейшие цели радикальной идеологической переориентации образованного класса были здесь решены. Так называемый польский общественно-политический кризис 1980-х годов оказался растянутым на целое десятилетие, став прообразом серии «бархатных» революций в остальных странах региона. Многие принципиальные стороны этого кризиса, последовательно развивавшегося и разрешавшегося в Польше, позже нашли свое концентрированное проявление в других странах (хотя перемены там произошли намного стремительнее). Иницилирующую роль в процессе перемен в 1980-1981 гг. сыграло движение «Солидарность», получившее название «лебединой песни польского романтизма». На основе идеалов эгалитарной справедливости оно сплотило оппозиционные общественной системе силы, всколыхнуло массовое сознание, политизировало его.

В 1980 г. равенство и справедливость были самыми важными социально-политическими ценностями польского общества¹. Справедливость ассоциировалась, прежде всего, с адекватным вознаграждением за труд и равными для всех возможностями доступа к материальным благам. Установка именно на социальную справедливость в конечном счете и явилась важнейшим моральным императивом, проложившим дорогу фундаментальным социальным сдвигам конца 1980 – начала 1990-х годов. Движение «Солидарность» возникло на волне осознания молодым поколением заблокированности традиционных путей социального и материального продвижения через рост уровня образования и квалификации. Наиболее остро воспринявшие подобную реальность и наиболее ориентированные на восходящую мобильность группы возглавили это первое и последнее

¹ Koralewicz-Zębiak J. The perception of inequality in Poland 1956–1980. – *Sociology*. 1984. № 2, p. 422.

массовое организованное движение периода перехода «от социализма к капитализму» в восточноевропейском регионе.

Авангард и социальный костяк движения «Солидарности» составляли наиболее критично настроенные тридцатилетние – главный адресат пришедшего к власти в Польше в 1970 г. герековского руководства. Эти люди выросли в атмосфере экономического подъема и роста уровня благосостояния, отхода от норм аскетической морали и реабилитации материального потребления как важнейшего фактора личной и общественной жизни. Уровень запросов и устремлений поколения, сформировавшегося в обстановке полной занятости, значительно превышал объективные возможности их удовлетворения, тем более в условиях сокращения потребностей в высококвалифицированном труде во второй половине 70-х годов.

Процесс неуклонной смены эгалитарного типа сознания на антиэгалитарный – при принятии меритократических принципов оплаты труда – выступал как основа трансформации всей системы мировоззрения восточноевропейца. Польские исследователи фиксируют дату начала этой смены – конец 1981 г. К этому времени эгалитаризм уже утерял свой решающий – политический – аспект. На глазах очевидцев протест против прошлого, выражавшийся в лозунгах эгалитаризма, уступил место взгляду в будущее, отождествлявшееся с антиэгалитаризмом. Это проявилось в существенном увеличении количества сторонников углубления социальной и экономической дифференциации общества за счет, прежде всего, образованных слоев населения. Материальные ожидания молодого образованного класса в конечном счете и предрешили победу революций, одним из многих названий которых позже стало и такое, как «революция потребителей».

Как установил польский социолог К. Загурский, функциональный антиэгалитаризм, который сформировался в польском обществе к середине 80-х годов и по существу «прорубил окно в демократию», возник под влиянием только двух главных факторов: высшего образования и ожидания роста уровня жизни¹. Этот вывод нашел многочисленные подтверждения в более частных социологических исследованиях, проведенных и в других странах региона, в том числе в России². Однако можно утверждать, что

¹ Zagórski K. Hope factor, inequality and legitimacy of systemic transformations. – Communist and post-communist studies. 1994. № 4.

² См. например: Софронов В.В. Массовые экономические представления: исторический аспект: Теоретико-эмпирическое изучение экономического сознания на пути типологизации. М., 1992.

потребительские ожидания сформировали антиэгалитарный настрой интеллигенции как движущей силы радикальных преобразований прежде всего именно в Польше. Высокий уровень образования предопределил здесь степень поддержки приватизации и в целом системной трансформации, предоставляющей независимость от государства и неограниченные возможности получения дополнительных доходов. Всякие другие характеристики социального статуса и даже членство в политических организациях не оказывали такого, как наличие высшего образования и связанные с этим материальные ожидания, влияния на формирование революционного настроения поляков.

Решающими для них оказались в сильной мере нереалистические ожидания повышения благосостояния. Субъективные оценки материального положения были гораздо более значимы для образованного класса Польши, чем его фактические заработки. Аналогичный феномен был зафиксирован в Восточной Германии, где переход к демократии особенно благожелательно встретили те, кто считал свои заработки незаслуженно заниженными¹.

Ориентированные не на относительно недавнее доиндустриальное прошлое, как «отцы», а на близкие к западным стандарты потребления, молодые восточноевропейские технократы пережили «революцию растущих ожиданий» – не просто материальных, но и политических. Только повышения уровня жизни для поддержки правящего режима было уже недостаточно. Всплеск потребительских ожиданий привел молодых обладателей «культурного капитала» к идее смены системы. Центральным пунктом этой идеи была явно завышенная оценка возможностей, открывавшихся для них новой общественной системой, а также уверенность в равенстве этих возможностей, детерминированных только образовательным фактором. Ожидания перемен аккумулировались в предшествующие революционным событиям годы – период польской «Солидарности» или советской перестройки. Революции 1989–1991 гг. явились апофеозом сверхоптимистических надежд второго поколения интеллигенции стран региона, порожденных его поздней гражданской зрелостью, политической наивностью и неискушенностью.

По оценке американских социологов, в годы революционных перемен восточноевропейцы в целом относились к капитализму как обществен-

¹ Dalton R.J. Communists and democrats. – British journal of political science. 1994. № 4, p. 486.

ной системе более благоприятно, чем респонденты в странах Запада. На понятие же «коммунизм» более негативно, чем поляки, реагировали только западные немцы¹. Радикализация идеологии нового – либерального – витка модернизации в странах региона происходила под лозунгом деидеологизации и ценностного шока, вызванного отождествлением общечеловеческих ценностей с западными.

Идеология неуклонного восхождения к вершинам материального и культурного потребления, сложившаяся у молодежи 1970-х годов, высокая степень экономической и социальной безопасности объясняют толерантность ее образованных кругов к переживаемым радикальным системным трансформациям. В обществе возобладала атмосфера допустимости и даже благотворности – как непрямого условия продвижения по ступеням цивилизационного роста – материальной дифференциации общества, появления массовой безработицы и закрытия предприятий.

Проблема неравенства доходов в 1990 г. волновала советских граждан ненамного больше, чем американских, сформировавшихся в совершенно иной социокультурной среде. Наши соотечественники не менее, а даже более американцев декларировали тогда тягу к материальному благополучию. Большинство наших сограждан высказались за необходимость значительной разницы в оплате труда как стимула повышения его качества. Ориентированные на достижение экономического успеха любой ценой, они стали сторонниками «идеологии эмиграции», получившей широкое хождение в регионе. Характерно, что «средний восточный немец», пересекавший границу Западной Германии, убегая от коммунистического режима, был накануне революционных перемен 30-летним инженером или техником².

Рыночная экономика рассматривалась не просто как форма социально-экономической организации общества, а как реализация мечты о достижении западного уровня жизни «здесь и сейчас». Уровень благосостояния при этом превращался в главный пропагандистский символ общественного прогресса. Идеализация этого символа и формировала так называемый «фактор надежды», или ложное, мифологизированное сознание. Именно оно порождало нереалистические социальные и эко-

¹ *Mason D.* Public opinion in Poland's transition to market democracy. – Social policy, social justice and citizenship in Eastern Europe. Aldershot etc, 1992, p. 193.

² *Bauman Z.* Dismantling a patronage state. – From a one-party state to democracy: transition in Eastern Europe. Amsterdam; Atlanta, 1993, p. 149.

номические ожидания образованного класса, его уверенность в своем преобразовательном потенциале, заставившую выступать вразрез со своими собственными социальными интересами. К тому же обладатели «нематериалистического» мировоззрения были склонны поддерживать предполагавшиеся властью общественные изменения и из чисто «теоретических» соображений.

Практически же до середины 1980-х годов принципиальные черты существовавшей общественной системы находили широкую социальную поддержку в странах региона. Эта система принималась без энтузиазма, но и без значительной оппозиционности со стороны всего общества, в том числе молодежи, о чем свидетельствовали многочисленные исследования. Так, вплоть до самого 1989 г. большинство населения Словении придерживалось мнения, что политика компартии отвечает его интересам¹.

Возраст и образование становятся проводниками политики «нового мышления», приведшей к коллапсу коммунистического режима в Восточной Европе. Результатом этой политики является изменение мировоззрения людей, которое, по оценке социологов, для российских граждан, переживших перестройку и «бархатную» революцию, было не менее радикальным, чем последствия революции 1917 г.² Всеобъемлющий нигилизм по отношению к традиционным ценностям – патерналистскому государству, пренебрежению благосостоянием, эгалитаризму, конформизму, коллективизму, антизападному настрою – составили специфику мировоззренческого слома рубежа 1980–1990-х годов.

Одним из проявлений завышенных ожиданий, связанных со сменой системы власти в регионе, следует рассматривать веру восточноевропейцев в свою идентичность с Западной Европой. Причем эта вера встречалась в горах Албании даже чаще, чем на улицах Праги³. Мифологизированным сознанием революционных лет «Восток» воспринимался лишь как почва для воспроизведения отсталости, векового равенства и империализма. Тяга к Западу постепенно становится главным фактором участия людей в событиях 1989–1991 гг. Правда, само это участие

¹ Bernik I., Malnar B., Tos N. Paradoxy instrumentálního pojetídemocracie. – Sociologický časopis. 1996. № 1, s. 28.

² Filatov S., Voroncova L. New Russia in search of identity. – Remaking Russia: voices from within. Armonk (N.Y.); L., 1995, p. 277.

³ Mitev P.-E. European integration and young people in Eastern Europe. – Europe. The young. The Balkans, Sofia, 1996, p. 17.

изначально имело характер скорее пассивный. Восточноевропейец, сформировавшийся в атмосфере «уклонения» от идеологизированных норм и «ухода в себя», проявился в событиях революционных лет главным образом как наблюдатель, исполненный надежд на перемены, идущие «сверху», т.е. полагаясь в этом на государство. Он одобрял, даже подчас испытывал энтузиазм по поводу происходящих событий, но активно на них не влиял. Общественная трансформация совершилась не столько при участии, сколько за счет рядовых граждан, составлявших «молчаливое большинство» ее сторонников¹. Венгрия 1956 г., Чехословакия 1968 г., Польша 1980–1981 гг. не повторились в 1989–1991 гг. Революционный подъем и оптимизм проявились тогда на очень короткое время и на ограниченном пространстве².

Эта констатация – лишь подтверждение значимости для событий 1989–1991 гг. предшествовавшей им революции сознания, в результате которой ценности либеральной демократии приобрели особую привлекательность для поколения, поверившего во всемогущество рынка. Возникшее у этого поколения еще в 1970-е годы стремление к «лучшей жизни», характерное для всех стран региона, в конце 1980-х годов проявилось с новой силой. Сочетание негативных ретроспективных оценок общественного развития с позитивными перспективными оценками собственных судеб дало взрывной эффект, в конечном счете приведший к коллапсу коммунистического режима как итогу подвижек в культурно-политической сфере и пришедшему в состоянии хаоса массовому сознанию.

Потеря мировоззренческих ориентиров и ценностных критериев проявилась и в резких колебаниях уровня религиозности и изменениях в содержании самой веры. Носителем этих сдвигов выступали высокообразованные слои населения. В СССР в течение только 1989 г. доля признающих себя религиозными поднялась почти вдвое – с 20 до 40% населения, в дальнейшем этот показатель вырос до 50% и более³. В Польше возврат к вере и церкви нарастал уже с середины 70-х годов, ускорившись в начале следующего десятилетия.

¹ Tymowski A. The unwanted social revolution. – East European politics and societies. 1993. № 2, p. 194; Hartl J. The economic and political transformations in Czechoslovakia. Praha., 1991, p. 31.

² Szakolczai A. Types of mayors, types of subjectivity: continuities and discontinuities in East-Central European transitions. Badia Fiesolana, 1993, p. 112.

³ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. М., 1993, с. 43.

Революции 1989–1991 гг. приносят на смену распространявшимся до этого традиционным религиям – православию, католицизму – квазирелигиозные мифологемы, нетрадиционные верования, суеверия. В России за три года удельный вес людей с аморфным эклектичным типом сознания – «христиан вообще» – возрастает в 2,5 раза, достигая в 1992 г. 52% населения при снижении количества православных втрое¹. В Польше, где позиции католицизма традиционно весьма прочны, этот процесс находит проявление в резком спаде его влияния, значительном уменьшении доверия церкви².

Польской нации, в течение десятилетия находившейся в состоянии, близком к ценностному вакууму, в наибольшей степени был присущ эмоционально-иррациональный характер восприятия происходящего. В противовес ей романтический период «бури и натиска» для чешской нации оказался самым непродолжительным, занявшим всего 10 дней. Парадоксально на первый взгляд, но прагматичные и скептические чехи присоединились к протестному движению Восточной Европы против коммунистического режима за «экономическую и политическую рациональность» лишь на самой последней, продолжавшейся всего около 10 дней стадии его развития. На фоне большинства других стран региона в Чехии в силу особенностей ее национальной психологии, проявляющейся в эгалитарных и атеистических наклонностях, менее всего была выражена массовая основа социального конфликта, заключавшаяся в разрыве между ожиданиями людей и действительностью. Характерно, что в Чехословакии существовал минимальный накануне 1989 г. разрыв в шкале зарплаток в регионе. При коммунистическом режиме стаж работы определял здесь уровень доходов в большей степени, чем уровень образования и квалификации. Для среднего поколения чешского образованного класса и на рубеже 80–90-х годов большее значение сохраняли факторы профессиональной самореализации, участия в управлении экономической и общественной системой. Положение во власти по-прежнему детерминировало социальный статус чеха. Примерно у пятой части всего мужского населения существовали нереализованные амбиции карьерного роста.

¹ Воронцова Л.М., Филатов С.Б. Религиозность и политическое сознание в постсоветской России. – Религия, церковь в России и за рубежом. М., 1994. № 2, с. 12.

² Luxmoor J. Eastern Europe 1994: a review of religious life in Bulgaria, Romania, Hungary, Slovakia, the Czech Republic and Poland. – Religion, state and society. 1995. № 2, p. 218.

Дело в том, что процесс культурно-образовательного подъема совпал в Чехословакии с периодом «нормализации» 1970–1980-х годов, когда в наиболее благоприятном положении оказалась получившая широкий доступ к высшему образованию словацкая молодежь, особенно по отношению к инициировавшей события «Пражской весны» чешской интеллигенции старшего поколения. Участники этих событий в следующие два десятилетия имели ограниченный доступ к общественной жизни. Их позиции нередко занимали представители следующего поколения, ощутившие на себе негативные последствия политики «нормализации» в гораздо меньшей степени, чем их «отцы». У молодежи того времени лишь укреплялась эгалитарная система взглядов. Высокообразованные специалисты в Чехословакии делали ставку скорее на карьерный рост через демонстрацию политической лояльности, чем на получение дополнительных доходов, легальные возможности которого практически отсутствовали. Молодые специалисты занимались общественной работой гораздо больше, чем обладатели профессионально-технической подготовки – основной контингент занятых сверхурочной работой и работой по совместительству¹.

Появление во второй половине 80-х годов дополнительных источников доходов не обострило здесь, как в Польше, а, напротив, сгладило остроту проблемы материального потребления. К тому же в конце этого десятилетия в системе управления в Чехословакии произошла смена поколений, в результате которой номенклатурные позиции перешли к средней генерации, хотя во главе иерархии власти все еще находилась старшая. В 80-е годы ощущение кризиса не было свойственно среднему поколению в Чехословакии в такой степени, как в Польше². Поэтому социальная основа «бархатной» революции в Чехословакии включала, прежде всего, неудовлетворенную своим положением культурную элиту и радикально настроенное студенчество. В этой среде к протесту были склонны обладатели не высшего, как в других странах региона, а скорее среднего профессионального образования, не имевшие широких перспектив карьерного роста³.

¹ Дубски В., Франек Р., Вечерник Й. Трудящаяся молодежь: роль образования в условиях социализма. – Рабочий класс и современный мир. 1979. № 3, с. 50.

² Žatkuliak J. Slovakia in the period of “normalization” and expectations of change. – Slovak sociological review. 1998. № 3, p. 257–258.

³ Machonin P., Tuček M. Historical comparison of social stratification. Types in Czechoslovakia in 1967–1984–1991. Pr., 1994, p. 9.

Традиционно склонное к эгалитаризму, чешское общество оставалось таким и в 1980-е, и в начале 1990-х годов. Процесс дифференциации доходов, т.е. деэгалитаризация, начался здесь, по оценке социологов, лишь в 1992 г.¹ Причем уже тогда 75% опрошенных чехов считали достигнутый уровень экономической дифференциации существенным, а 60% видели необходимость принятия государственных мер по ее сокращению². Что же касается высокообразованных слоев населения, то они еще интерпретировали процесс трансформации в категориях прогресса распределительной справедливости, увеличения шансов на продвижение по ступеням социальной иерархии с соответствующим материальным вознаграждением. Таким образом, с точки зрения рыночных реформаторов наиболее прагматичную в регионе чехословацкую интеллигенцию рубежа десятилетий можно было бы считать по степени «развитости» ее сознания «отстающей» от польской как минимум на пятилетку.

Сохраняющаяся склонность более образованных слоев населения Чехии и Венгрии к социалистическим взглядам, в частности, в оценке содержания социальной политики, контрастировала с преимущественно либеральной ориентацией в этой и других сферах польской и – особенно приумножившей свои ряды в ходе образовательной революции периода «нормализации» – словацкой интеллигенции³. Еще не склонные в 80-е годы к радикальным рыночным реформам чехи, традиционно не тяготевшие к «правым» взглядам и ориентациям, и, напротив, уже вкусившие к этому времени плоды либерализации экономики венгры не стремились отказываться от роли государства. Гораздо более предпочтительным для них было усиление эффективности этой роли, справедливое соизмерение трудового вклада.

Ориентация, прежде всего, на социальный рост, общественное служение, а не на увеличение доходов и проявление экономической инициативы присутствовала в столь же «недемократических», как чехословацкое, лишенных не только частного сектора, но и значительной теневой экономики, обществах СССР, Румынии, Болгарии и Албании. «Новое мышление» в этой группе стран формировалось первоначально в политической сфере. Исследованием 1991 г. в Румынии, Болгарии и Албании, где традиционно

¹ Machonin P., Tuček M. Geneze nové sociální struktury v České Republice a její sociální akteř. Praha, 1993.

² Tuček M. Popular attitudes towards the transformation of Czech society. Praha., 1993, p. 23.

³ Ibid. P. 16.

преобладал крайне авторитарный опыт правления, зарегистрировано наибольшее среди стран региона количество демократов, как и людей, ощущающих свою «европейскую идентичность»¹. Для большинства из них такая ориентация означала лишь отказ от старого режима, стремление всемерно дистанцироваться от него. В 1987 г. необходимость перестройки стабильно признавало не менее 80% населения СССР. Причем подавляющая часть москвичей ратовала за радикальное обновление общества более быстрыми темпами². Уже несколько позже квазидемократические политические воззрения дополнялись и соответствующим набором рыночно-демократических представлений³. Поддержка интеллигенцией группы стран с наиболее ортодоксальными режимами ценностей демократии служила двигателем формирования свободно-рыночной ориентации. В Польше же, как еще раньше в Венгрии, где формы правления были менее авторитарными, скорее, наоборот: антиэгалитарные взгляды проложили путь к идее роста политического плюрализма; здесь соотношение материальных и социальных мотивов нарастания революционности масс было, пожалуй, противоположным.

Первая группа стран с господствующими накануне революции преимущественно «уравнительными» и «социально-достижительскими» устремлениями населения представляла собой, таким образом, идеологически-ориентированный тип общественной трансформации, а более «материалистически-окрашенная» вторая – прагматически-ориентированный. Правда, материалистические устремления поляков и венгров были разного рода: первые меньше всех остальных наций региона в 1989–1991 гг. хотели равенства доходов, а вторые, напротив, больше. Различие опыта жизни в условиях либеральной экономики, его продолжительности давало прямо противоположное видение своей материальной выгоды, как и видение политических реалий. Так, в Словакии понятие «демократия» семантически ассоциировалось со свободой и человеческими правами, тогда как в Венгрии – со справедливостью, а также законом и порядком⁴. Большинство венгров выступало, кроме того, за ответственность государства в

¹ Rose R., Mishler W. Mass reaction to regime change in Eastern Europe. – British journal of political science. 1994. № 2, p. 170.

² От тоталитарных стереотипов к демократической культуре. М., 1991, с. 40.

³ Gibson J. Political and economic markets. – The journal of politics. 1996. № 4, p. 980.

⁴ Plichtová J., Eros F. Meaning of some political and economic terms in relations to experience of two Slovak and Hungarian generations. – Sociológia. 1997. № 5, p. 734.

области обеспечения занятости и уровня жизни. В этом вопросе поляки с их амбивалентными в отличие, например, от чехов представлениями мало уступали венграм.

В целом же различия в массовых политических и экономических взглядах населения отдельных стран Восточной Европы, по оценке западных социологов, не превышали 10-процентного отклонения от «нормы»¹. В 1990 г. семь из десяти восточноевропейцев определяли демократию «инструментально» – прежде всего в экономических категориях, как путь максимизации индивидуального и общественного благосостояния².

Так или иначе, но смена режима произошла практически одновременно во всех странах региона независимо от продолжительности подготовительного этапа к ней – времени перестройки, как и от последовательности отдельных этапов трансформации экономического и политического сознания. Ожидание эффекта смены власти на положение населения некоторое время обеспечивало стабильность нового режима в первый послереволюционный период.

В конечном счете рынок и демократия явились своеобразной причудой или фантазией массовой интеллигенции, порожденной ее открытием для себя западного мира. Критическую роль в данном случае сыграла произошедшая за два десятилетия до этого образовательная революция, сформировавшая второе поколение восточноевропейской интеллигенции. В странах, где ее рост был наибольшим, – принадлежавших к числу менее развитых на старте модернизации, – по прошествии лет сильнее проявился и революционный пафос населения. Ценности и эмоции «нематериалистического» поколения сыграли определяющую роль в формировании его подлинно религиозной тяги к абстрактно-теоретическим построениям либерально-демократической модели. Недостаток или даже полное отсутствие практического опыта жизни в условиях иной общественной системы не останавливали сверхоптимистически настроенных сторонников радикальных реформ, а, напротив, давали почву для гипертрофированных и по сути утопических ожиданий, касающихся введения свободного рынка труда и товаров, триумфа демократии. Достигнув своего «пика» в период осуществления «бархатной» революции, позднее

¹Rose R., Haerpfer Ch. Mass response to transformations in post-communist societies. – Europe-Asia studies. 1994. № 1, p. 25.

²Terry S.M. What is right, what is left and what is wrong in Polish politics? – Democracy and right-wing politics in Eastern Europe in the 1990s. N.Y., 1993, p. 39.

эти настроения стремительно идут на спад. Уже в 1991–1993 гг. доля ожидавших повышения уровня жизни сокращается в Польше с 35 до 20%, одновременно увеличивается в те же годы с 20 до 35% доля сторонников экс-коммунистических партий¹.

К новой геополитической реальности народы региона – вольно или невольно – шли на протяжении целых двух десятилетий постиндустриальной «догоняющей» модернизации. Глобальной тенденцией этого периода явился переход к обществу информационного типа. Именно в 70-е годы электронные СМИ широко внедряются в повседневную жизнь людей, а просмотр телепередач становится основной формой проведения досуга. В Восточной Европе этот процесс совпал с формированием крупногородской цивилизации и массового высокообразованного класса, ставшего в 1980-е годы главным объектом воздействия современных информационных технологий, использование которых сыграло важнейшую роль в революции сознания, вылившейся в «бархатную» революцию – первый крупнейший политический акт эпохи информационного общества.

1.2. Итоги первого десятилетия реформ

Завершение первого десятилетия постсоциалистического развития широко освещалось в научной и публицистической литературе как круглая дата в «новой истории» Центральной и Восточной Европы. Правда, оценки произошедшего были преимущественно формальными: подсчитывалась сумма потерь и приобретений народов региона в этот переломный период, определялось соотношение «проигравших» и «выигравших» от проведения реформ общественных групп и слоев. Вместе с тем социально-исторический смысл случившегося как правило оставался вне поля зрения обществоведов – как социологов, так и историков.

Важный шаг в изучении реального содержания и закономерностей радикальных рыночно-демократических преобразований в бывших социалистических странах сделан венгерскими, немецкими, польскими и чешскими специалистами. На протяжении всех 1990-х годов ведущие социологи постсоциалистической Центральной Европы совместными усилиями пытались воссоздать объективную картину происходившей

¹ Zagórski K. Op. cit. P. 374.

здесь общественной трансформации. В серии исследовательских программ был собран огромный массив эмпирических данных, совершенствовался теоретический и методологический инструментарий, шло освобождение от идеологических стереотипов рубежа 1980–1990-х годов. Расширяющаяся европейская интеграция стран региона сопровождалась интенсификацией научного сотрудничества центральноевропейских социологов с западными специалистами, что проявилось в регулярных встречах и конференциях, издании совместных трудов¹.

Национальные доклады, прозвучавшие на конференции под названием «Структурные изменения в постсоциалистической Центральной Европе и новые модернизационные вызовы» (Прага, май 2001 г.)², содержат конкретный сравнительный опыт смены общественной системы в четырех странах: Венгрии, Польше, Германии и Чешской Республике. Они дают импульс к углублению познания процессов, непосредственными свидетелями которых мы являемся.

Нельзя не отметить, что научный аппарат публикуемых материалов включает литературу и источники, малоизвестные отечественному специалисту. Очень высок уровень математической обработки опростых данных, в целом социометрическое направление исследований. Однако еще важнее содержательная сторона данных социологических исследований, позволяющих по-новому взглянуть на череду «тектонических сдвигов» в жизни обширного региона Центральной и Восточной Европы в целом.

Авторы статей не ограничиваются хронологическими рамками одного десятилетия. Как видно из результатов анализа, характерные для этого периода социальные процессы зарождались и постепенно развивались на протяжении двух предшествующих краху коммунистического режима десятилетий. В докладах показан эволюционный тип общественной динамики в странах региона, меняющийся, в частности, наши представления о смысле и значении «бархатных» революций. События 1989 г. явились не столько началом новой эпохи в судьбах народов региона, сколько завершением прежней. Общественное развитие 1990-х годов значительно отличалось от ожиданий этих народов, покончивших с коммунистическим

¹См.: System change and modernization. East-West in comparative perspective. Warsaw, 1999.

² Материалы этой конференции – страновые доклады – опубликованы в журнале «Социологические исследования» в №№ 5–9 за 2002 г.

режимом. Осознание расхождения желаемого и действительного началось на массовом уровне лишь в середине прошедшей декады.

Тогда же обнаружилась научная несостоятельность интерпретации происходящих перемен через призму транзитологии, т.е. как чисто механического заимствования западной модели развития. Поиск новой парадигмы изучения постсоциалистической трансформации и модернизации шел по пути углубления междисциплинарного характера исследований, постепенного перехода от традиционной отраслевой социологии к сквозному направлению обществоведения, возникающему на стыке трех наук – истории, социологии и культурологии. Данное направление, переживающее в настоящее время в Центральной и Восточной Европе период своего активного становления, можно определить как историческую социологию культуры.

Исходя из этого, процесс либерализации общества восточноевропейского типа следует рассматривать в контексте общей траектории его полувекового развития и модернизационных вызовов середины и конца XX века.

Модернизирующие трансформации 1950-х и 1990-х годов: социокультурные параллели

Послевоенное восточноевропейское общество демонстрирует своеобразный путь следования основным тенденциям эволюции современного мира. Оно явилось объектом воздействия двух волн форсированной – по темпам и способам – модернизации и трансформации, следовавших за революционными переменами в системе власти конца 1940-х и 1980-х годов. Совершался ускоренный переход от преимущественно крестьянского, аграрного, сельского общества к индустриальному, городскому, а от него – к обществу постиндустриальному, информационному.

Общественные сдвиги цивилизационного масштаба открыли простор для социально-политического экспериментирования. Был апробирован сначала лево-, а затем праворадикальный вариант общественного развития в виде перехода «от капитализма к социализму», а затем «от социализма к капитализму». Напомним, что завершение строительства «основ социализма» повсеместно продекларировано в самом начале 1960-х годов, когда восточноевропейское общество по социально-экономическим параметрам превратилось в индустриальное: занятость в промышленности превысила долю населения, работающего в сельском хозяйстве.

Процессы экономической и культурной модернизации, как социалистического, так и либерального типа, оказались неотделимыми от процессов общественно-политической трансформации. Модернизирующие трансформации составили содержание двух «больших скачков» в истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, пришедшихся на периоды 1949–1953 и 1989–1993 гг. Для обоих этих периодов ключевым является вопрос о том, что же было в них приоритетным: стратегии создания новых общественно-политических структур, социальных основ завоевания и удержания власти или же стратегии движения по пути общественного прогресса, повышения материального и духовного благосостояния человека. Ответ на этот вопрос имеет решающее значение для объективной исторической оценки обоих политических режимов – коммунистического и демократического.

Решающая фаза цивилизационного перехода и утверждения нового общественно-политического строя в случае социалистической и либеральной трансформации охватывала время, равное одной «пятителке». Весь же период системных изменений продолжался в течение первого послереволюционного десятилетия. Применительно к нынешнему историческому этапу можно по аналогии с предшествующим говорить о завершении строительства «основ капитализма» в Центральной и Юго-Восточной Европе и о переходе стран региона к этапу консолидации сложившейся общественной системы. Уже возникла институциональная основа экономики смешанного типа и новое соотношение форм собственности, осуществились коренные перемены в структуре занятости и иерархии ценностей населения, широко развернулись процессы западноевропейской интеграции, вхождения в Европейский Союз и НАТО.

Завершению переходного периода несколько не противоречит кризисное в большинстве стран региона состояние экономической и политической сфер жизни. В 1990-е годы повсеместно сложилось разделение на занятое и резко возросшее незанятое население. Отличительными чертами новой общественной системы явилась поляризация доходов и жесткая социально-имущественная иерархия. В политике произошло ослабление роли партий, сблизившихся с элитарными структурами и дистанцировавшихся от массовых слоев и общественных групп. Достаточно вспомнить, что сами революции, получившие название демократических, в большинстве случаев не опирались на организованные политические движения с систематической идеологией. Обратной стороной всех этих процессов стала массовая деполитизация, особенно ярко проявившаяся в

среде молодежи. Нынешние молодые восточноевропейцы характеризуются как «пассивные, но зачастую сердитые»¹. Показателен вывод, сделанный польским социологом *Анджеем Рихардом* еще в начале рассматриваемого десятилетия о том, что завершение массовой поддержки новой власти совпадает по времени с окончанием массовых протестных выступлений.

Эти и многие другие явления современной жизни, свидетельствующие о прогрессирующей социально-психологической адаптации общества к изменившейся реальности, подтверждают относительную завершенность либерально-демократических преобразований в странах региона.

Напрашиваются аналогии между процессами форсированных общественных сдвигов 1950-х и 1990-х годов. Это по существу два симметричных по своему социальному содержанию этапа в современной истории Центральной и Юго-Восточной Европы. Обоим им предшествовали процессы демократизации общества в виде периодов народной демократии 1945–1948 гг. и перестройки или революции сознания 1985–1988 гг., наполненные ощущением освобождения от внешней зависимости, решительным отказом от наследия предшествующей эпохи и массовыми сверхоптимистичными ожиданиями. Демонстрационный эффект достижений в одном случае Советского Союза в строительстве социализма, в другом – Запада в повышении качества жизни, прежде всего уровня материального потребления, воодушевил народы региона на радикальные общественные преобразования. В их осуществлении, безусловно, главную роль сыграл «фактор надежды» (*“hope factor”*)² на решительные перемены в жизни каждого отдельного человека при условии заимствования советской (западной) модели развития. В этой ситуации смена власти приобрела мирный, в подавляющем большинстве случаев бескровный, даже «нежный» характер всеобщей эйфории. Впоследствии и социалистическая, и демократическая революции трактовались специалистами как политические перевороты, по содержанию соответственно антибуржуазный и антикоммунистический.

За «бархатной» сменой власти немедленно следовала действительно революционная «шоковая терапия», как и первые пятилетки, – образец

¹ *Робертс К.* Молодой человек начала нового тысячелетия в Восточной и Западной Европе. – Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Центральной и Восточной Европы. М., 2002.

² *Zagórski K.* Hope factor, inequality and legitimacy of systemic transformation. – *Communist and post-communist studies*. 1994. № 4.

использования административно-директивных методов управления, прямого и всеохватывающего государственного вмешательства в общественную жизнь. Стержень их составляла политика форсированной приватизации и перехода к рыночным отношениям (индустриализации на основе обобществления собственности), а роль классowego «гегемона» отводилась предпринимателю (рабочему). Это делало невозможной реставрацию прежнего строя. Кроме того, утверждалась практически односторонняя геополитическая ориентация на Запад (Восток), начинались процессы вестернизации (советизации). Среди других дихотомий периодов перехода к капитализму и социализму: массовая безработица – полная занятость; приоритет сферы услуг (в целом потребления) – производства; доминирование ценностей свободы – равенства; индивидуализма – коллективизма и др.

Осознание глубоких перемен, произошедших в социальном и экономическом положении населения в результате либеральной трансформации, датируется уже второй половиной 1990-х. Проведенные тогда опросы показали, что это десятилетие воспринимается его свидетелями в Польше, Венгрии, Словакии как худший период в их жизни даже чаще, чем 1950-е годы. Одновременно лучшим десятилетием еще более единодушно признавались исполненные надежд 1980-е годы¹.

Однако в эпоху информационного общества с эффективными политтехнологиями, к тому же в новой геополитической ситуации, общественное недовольство не нашло выражения в массовых выступлениях, напоминающих события 1956 г. в Венгрии или Польше. Тем не менее результаты анализа тенденций развития центральноевропейского общества свидетельствуют о нарастании такого недовольства. Причем нельзя забывать, что речь в данном случае идет о стабильно наиболее благополучных из рассматриваемой группы странах, относящихся к региону Центральной Европы. В странах же Юго-Восточной Европы, как и постсоветских республиках, ситуация во всех отношениях гораздо более напряженная.

Начало второго десятилетия «строительства капитализма» отмечено попытками пересмотра итогов политики форсированной либерализации. Эта политика доказала свою неадекватность некоторым традиционным ценностям народов данного региона: семьи, неформальных межчело-

¹ Ferger S. The perils of the welfare state withdrawal. – Social research. 1997. № 4, p. 1392.

веческих отношений как механизмов национального самосохранения, склонности к социальному равенству и справедливости, к возвышенным, нередко утопическим идеалам. В начале 2000-х годов вновь, как и после успешного завершения индустриализации и перехода к социализму в начале 1960-х годов – преддверии Пражской весны, – усиливается требование гуманизации общественного строя, теперь уже «капитализма с человеческим лицом».

**От идеи реформированного социализма
к реальности государственного капитализма
в странах Центральной Европы**

Страновые материалы интересны не только с точки зрения сильно оскудевшего после распада социалистического содружества знания о регионе Центральной Европы. Знакомство со сравнительным опытом переходных процессов в этих странах, учитывая существующие различия в географическом положении, уровнях социально-экономического развития и национально-культурных традициях, необходимо для воссоздания образа второй (после социалистической) Великой трансформации в отечественной истории прошлого столетия.

Вторая половина XX века тесно переплела исторические судьбы России и большой группы стран региона, расположенных к западу от нее. Две Великих трансформации – социалистическая и либерально-демократическая, начавшись в нашей стране раньше, чем у соседей по европейскому континенту, в послевоенный период происходили в большинстве своем параллельно и нередко даже синхронно.

«Национальные доклады» не подчинены единой схеме или плану. В каждой из них высвечиваются те грани общественного перехода, которые наиболее значимы для данной страны и составляют ее специфику; анализ осуществляется с помощью соответствующего решаемым задачам исследовательского инструментария. Акцентируются национально-особенные аспекты социально-исторического феномена либеральной модернизации, создавая в совокупности ее общую картину.

Польша¹

Общественная поддержка фундаментальных основ рыночного строя и демократических институтов в Польше во второй половине 1990-х годов, напротив, претерпела спад. Вместе с тем процессы трансформации польского общества, как и венгерского, начались не в 1989 г., а гораздо раньше. Системные изменения шли здесь на протяжении двух десятилетий, считая от массовых выступлений 1980–1981 гг., инициированных профсоюзом «Солидарность». Но если в Венгрии трансформация приобрела характер углубляющейся экономической реформы, то в Польше – затяжного политического кризиса, который сопровождался ростом несогласия с монопольным положением компартии, ее руководящей ролью в обществе. При этом оппозиция власти состояла не только из сторонников движения «Солидарность», но и самих польских коммунистов, терявших к ней доверие. Политический кризис 1980-х годов в конечном счете и привел поляков к принятию новой – незнакомой по практическому опыту – модели общественных отношений.

Этот кризис польские исследователи связывают не только с общим кризисом социалистической системы, но прежде всего с национальной спецификой страны, где могло возникнуть столь острое противостояние общества и власти, опирающееся на исторические традиции борьбы поляков за независимость. Целью сторонников движения «Солидарность» была не либерализация экономики, а переход к более справедливому, равноправному обществу, т.е. скорее улучшение социализма, чем его разрушение. Составляющие социальную основу этого движения квалифицированные рабочие и интеллигенция стремились главным образом к расширению возможностей социально-профессиональной реализации, особенно получению доступа к властным позициям и сопутствующим им привилегиям, а не к смене системы на рыночную.

Получившая всемирную известность польская социологическая школа внесла огромный вклад в изучение процессов трансформации социалистического и постсоциалистического общества. Ученым этой страны удалось детально и систематически зафиксировать течение этих процессов.

¹ См.: Доманьский Х. Появление в Польше меритократии. – Социологические исследования. 2002, № 6, с. 29–49; Адамский В., Заборовский В., Пелчиньска-Налэнч К. Динамика структурного конфликта в ходе смены систем: Польша в 1980–2000 гг. – Там же, с. 49–62; Рихард А., Внук-Липинский Э. Источники политической стабильности и нестабильности в Польше. – Там же, с. 62–73.

Здесь осуществлена уникальная серия опросов под названием «Поляки» 1980, 1981, 1984, 1987/1988, 1990, 1995 и 2000 гг. Полученные данные, документирующие историю либерально-демократического перехода, составили эмпирическую основу целого ряда вышедших в Польше в 1980–1990-е годы блестящих философско-социологических трудов. Эти работы еще ждут своего внимательного и заинтересованного читателя прежде всего в России, которой польский путь общественного развития тех двух десятилетий особенно близок.

К России в той же мере, как и к Польше, относится данное *Владиславом Адамским* определение 1980-х годов как периода «избирательного отрицания социализма», а 1990-х – «избирательного одобрения капитализма». Общее для рассматриваемой группы стран значение имеет и заключение этого автора о роли поколенческого фактора в их современной истории.

В условиях ускоренной модернизации, преодоления основных ступеней цивилизационного роста на протяжении полувекового периода особенно отчетливо проступают межпоколенческие различия. Тем больше эти различия в ситуации социокультурной эволюции, сопровождающейся полной сменой общественных систем. В данном случае фактор возраста становится единственной, по оценке *Вл. Адамского*, детерминантой отношения к происходящим преобразованиям, значимость которой со временем только возрастает. Поколенческий подход он считает наиболее эффективным в объяснении социокультурной дифференциации постсоциалистического общества. Действительно, в портретах последовательно сменяющихся поколений предстает живая картина трансформации Центральной и Восточной Европы.

Центральной фигурой 1980-х годов и движущей силой революционных преобразований стала генерация 30-летних, у которой, как признают польские специалисты, коммунистический режим сформировал завышенные социальные ожидания. В предшествующее кризисному десятилетие именно это поколение сформировало особый слой государственных служащих, занявших вместе с квалифицированными рабочими доминирующее положение в обществе. В этой среде и возникло оппозиционное существующей власти движение, получившее впоследствии название «лебединой песни польского романтизма». *Вл. Адамский* показал, что массовую основу общества либерального типа составила уже следующая генерация – «дети» поколения «Солидарности», т.е. рожденные после 1970 г.

Наиболее выраженные в Польше перепады общественного мнения 1980-х годов отражают ситуацию хаоса и смятения, царившую во всем регионе Центральной и Восточной Европы в то время. Но еще более неоднозначна динамика массового поведения и сознания 1990-х. Как и в 1980–1981 гг., которые действительно явились для поляков революционными, в конце 1990-х эгалитаризм вновь стал массовым феноменом. Взаимоисключающее сочетание эгалитарных и антиэгалитарных ценностей объясняют «двойственностью» или «расколом» сознания, характерным для всех постсоциалистических стран. Это кажущееся противоречие можно трактовать и как проявление социокультурной специфики пограничного между европейским Востоком и Западом региона, обладающего выраженными чертами переходности. Прозэгалитарный, проэтатистский, антилиберальный сдвиг второй половины 1990-х годов стал в этом регионе «эхом» предшествующего эмоционально окрашенного всплеска рыночно-демократических пристрастий, создавших психологическую почву очередной системной трансформации.

Время «межсистемья» социологи *Анджей Рихард* и *Эдмунд Внук-Липиньский* связывают с господством утопического мышления как фактора общественного подъема в условиях смены власти. Польские социологи, явно акцентирующие социокультурную составляющую либеральных преобразований, считают их важнейшей стороной переход от преимущественно романтического к прагматическому типу сознания. Этот переход сопровождался социально-психологической демобилизацией населения и предпочтением бурным переменам предшествующего периода обретаемой, наконец, стабильности существования.

Как установил ведущий польский социолог *Хенрик Доманьский*, социальную структуру постсоциалистического общества с точки зрения уровня межпоколенной мобильности нельзя назвать открытой. В прошедшее десятилетие сохранялись – в отличие от периода социалистической трансформации – значительные классовые барьеры. Не был реализован и символ западной демократии – принцип равных возможностей. Напротив, усилились тенденции межпоколенного наследования социального статуса, а также самовоспроизводства интеллигенции, сложившиеся в 1970–1980-е годы.

В 1990-е годы, как и во времена социалистической модернизации, образование считалось главным условием успешной социально-профессиональной карьеры. И сама молодежь, и родительская генерация по-прежнему связывали с ним наибольшие ожидания. На фоне продолжающейся

«инфляции» среднего образования, ставшего всеобщим, происходил стабильный рост числа обладателей университетских дипломов, уже не гарантировавших высоких социальных позиций. Высшее образование оставалось не только для Польши, но и для остальных народов Центральной и Восточной Европы, в том числе российского, непререкаемой ценностью.

Главным отличием 1980–1990-х годов от предшествующего периода был не только рост экономической стратификации, характерный для всех бывших социалистических стран, но и описанное *Х. Доманьским* распространение меритократических принципов дифференциации доходов: начиная с 1982 г. в Польше возрастала материальная оценка высшего образования. Правда, надо заметить, что экономический статус, как и социальный престиж, интеллигенции в этой стране традиционно выше по сравнению с другими странами региона. Кроме того, образование нельзя считать в условиях либерализации единственным фактором экономического успеха и у наших западных соседей. Нарушение существующих общественных норм воспринимается, например, большинством венгров как не менее важное условие материального преуспевания. Аналогичные данные существуют и по другим странам региона.

Конечно, для нас неожиданно, что на решающем этапе общественных преобразований в Польше интеллигенция заняла более высокие позиции в общей иерархии доходов даже по сравнению с предпринимателями. Пик материальной привлекательности свободного предпринимательства пройден здесь в самом начале 1990-х годов. Хотя желание иметь «свое дело» остается по-прежнему высоким, но вероятность успеха в бизнесе резко сократилась уже в 1992–1993 гг. Более доходным наемный труд в частном секторе по сравнению с государственным был при коммунистическом режиме – в 1980-е годы. А в следующее десятилетие либерального перехода многие польские собственники, оказывается, всерьез задумались о поиске работы в госсекторе. В наибольшей же степени от смены системы в экономическом отношении выиграли управленцы.

Итак, на смену государственному социализму пришел государственный капитализм. Это общественный строй с резко возросшим экономическим неравенством, но сохранившимся и даже усилившимся привилегированным положением административно-управленческих слоев. Идея реформированного социализма, в борьбе за которую в Польше народ пошел на жесткое противостояние властным структурам по формуле «мы и они», не смогла реализоваться здесь, как и в Венгрии. Переходный период между госсocialизмом и госкапитализмом пришелся скорее не на

1990-е, а на 1980-е годы. Это, безусловно, было характерно не только для двух рассмотренных выше стран.

Однако в государствах с более жесткими, репрессивными формами проявления коммунистического режима системный переход подготавливался, главным образом, в сфере общественного сознания. К числу таких стран принадлежали прежде всего бывшие ГДР и Чехословакия, где прежний строй пал в течение нескольких дней или недель.

Чешская Республика¹

Своеобразие чешского опыта системных трансформаций определяется уже тем, что речь идет о единственном – наряду с Восточной Германией – в рассматриваемом регионе случае, когда переход к социализму осуществлялся на основе индустриально развитого общества. Пережив в 1950-е годы форсированную реиндустриализацию, чешское общество в лице наиболее высокообразованной и активной части компартии в следующее десятилетие инициировало процесс пересмотра философских основ существующего строя. Попытка реформирования социалистической системы в направлении прежде всего ее «очеловечивания» была подавлена в августе 1968 г.

Но и пройдя через все коллизии последовавшего за этим периода «нормализации» общественной жизни, во время смены власти осенью 1989 г. лишь 5% населения хотело утверждения капиталистического строя в стране, а подавляющее большинство (90%) предпочитали реформированный социализм либо смешанную экономику.

Характерные для чехов рассудительность и реализм обусловили их толерантность к очередной смене общественной системы. Эта толерантность сохранялась у них дольше, чем в остальных постсоциалистических странах. Специалисты же, анализирующие очередную попытку модернизации жизни этой «старой» нации, отличались скептицизмом: «переход к современности» начался в Чешских землях еще в середине XIX в. Именно чешские социологи наиболее последовательно отвергали поверхностный транзитологический подход к интерпретации процессов развития восточноевропейского общества в период его либерализации.

¹ См.: Махонин П., Кухарж П., Мюллер К., Тучек М., Гатнар Л., Червенка Я. Трансформация и модернизация чешского общества. – Социологические исследования. 2002, № 7, с. 32–48; Келлер Я. Модернизация – гуманизация общества или коррозия бытия? – Там же, с. 48–53.

Российскими политологами в 1990-е годы насаждался образ Чешской Республики как «оазиса реформ» в противовес прежде всего неудачному отечественному опыту, объяснявшемуся цивилизационной отсталостью русского народа. Статья большого коллектива чешских социологов под руководством давно и хорошо известного нам *Павла Махонина* разрушает серию идеологических стереотипов переходного периода. Так, общий для наших двух стран тип приватизации сами чехи – его создатели – оценивали негативно. В искаженном свете представал, как считалось, образцовый вариант «бархатного развода» Чехословацкого государства, состоявшегося 01.01.1993 г., не говоря о «самой бархатной» здесь демократической революции¹.

Примерно с 1996 г., как определяют чешские специалисты, началась массовая переоценка результатов либеральной трансформации в ЧР: ухудшилось отношение населения к состоянию социальной справедливости и возможности самореализации, уровню законности и общественной морали даже по сравнению с периодом до 1989 г.

Неудивительно, что по истечении первого десятилетия либеральной модернизации именно в чешской среде, как и четыре десятилетия назад, возник вопрос о смене парадигмы теории и практики теперь уже постсоциалистического развития. Чешский философ *Ян Келлер* ставит под сомнение само понятие общественного прогресса на базе модернизации. Данный подход акцентирует экономическое развитие и рост материального благосостояния, принципы меритократии, частной собственности, индивидуальной свободы и явно недооценивает не менее значимые социальные аспекты эволюции общества – идеи равенства, ответственности, солидарности, «вечные» традиционно-консервативные ценности. Действительно, такие категории, как доброта или доверие, составляющие основу человеческого существования, остаются за пределами объяснительных возможностей концепции модернизации. Более того, сама модернизация в современных ее формах, по *Я. Келлеру*, разрушает социальную сферу общественной жизни, мир семьи, организаций и неформальных отношений.

Фактически заявлялось о необходимости гуманизации существующих концепций развития современного общества, о предпочтении «третьего

¹ *Коровицына Н.В.* Самая «бархатная» революция: «чешский человек» на фоне общественных перемен. – *Славяноведение*. 2000. № 3.

пути». Этот путь отвергает отрицательный опыт и государственного социализма, и западного неолиберализма. Нынешние общественные системы стран Центральной и Восточной Европы, процесс либеральной трансформации которых можно было считать состоявшимся, тем не менее нельзя отнести к классическому рыночному типу. Очевидны неоднозначность, своеобразие типа общества, сложившегося в Центральной (Средней), а тем более в Юго-Восточной Европе и постсоветских республиках в результате двух циклов ускоренной модернизации на социалистической и капиталистической основе.

Две последовательно сменившие одна другую радикальные модернизирующие трансформации существенно преобразили общество восточноевропейского типа в экономическом и социальном отношениях. Однако его культурная специфика оказалась неподвластна усилиям реформаторов обоих направлений. В начале нового века и нового тысячелетия элементы сохраняющейся традиционной культуры по-прежнему сосуществовали в этом обществе с культурой постиндустриальной, опирающейся на высокий, с рациональной точки зрения – даже избыточной интеллектуальной потенциал. Стремление к равенству шансов и предпринимательской инициативе, к высшим стандартам потребления неотделимо здесь от ориентации на социальную однородность и даже уравнивательность, как неотделимы прагматические ценности от романтических идеалов, а принадлежность к западноевропейской цивилизации – от славянских, восточноевропейских корней национальной истории и культуры.

1.3. Социально-классовые сдвиги

До 1989 г. у каждого восточноевропейца имелась классовая принадлежность, которая предопределяла его жизненную судьбу. Включение индивида в определенный класс с 50-х годов XX в. структурировало его жизненные шансы в намного большей степени, чем раса, род или национальность. Мобилизация социалистических обществ в период «бархатных» революций происходила под влиянием «идеальных», а не материальных интересов. Революции осуществлялись в духе идеалов гражданского общества, а не классов. Во время крушения коммунистической власти люди говорили о «демократии», «переходе», о надеждах и опасениях, но никто не употреблял понятие «класс».

Посткоммунистическая «атака на класс» инспирировалась гражданским и демократическим, но не классовым дискурсом. Квалифицированные рабочие испытали временный общий интерес с либералами против совместных интересов с остальными рабочими. Недостаток серьезного мышления и классового беспокойства оказал вредное влияние на политику. Реформы проводились «во имя класса, который пока не существует». В результате коллапса обществ советского типа была утрачена последняя идеологическая опора прежних классов¹.

После 1989 г. классы исчезли не только из общественной жизни, но и из академического дискурса Восточной Европы с быстротой, адекватной их частому использованию в период социализма. Одновременно прекратила свое существование официальная идеология, в которой классы играли решающую роль. Тема класса в 1990-е годы однозначно утратила доминирующее положение в постсоциалистических странах и в мировом обществоведении в целом. Антикоммунистические установки, делегитимизирующие все, что связано с прошлым, воспроизводятся в течение всех 1990-х – 2010-х годов.

До начала либеральной трансформации единая доминирующая идеология декларировала, что социалистические общества развиваются под руководством коммунистических партий как авангарда рабочего класса. И это не была только идеология, классы идентифицировались и в правовом отношении. Социалистические общества конституционно основывались на двух классах – рабочем классе и классе кооперированного крестьянства – и одном слое – интеллигенции. С 1950-х до 1990-х годов социальные изменения интерпретировались везде в классовых понятиях, и чаще всего предметом исследования был рабочий класс. В последующем, когда классовая парадигма радикально меняется и происходят общественные изменения, в массовом сознании восточноевропейцев складывается впечатление, что единственный класс, консолидировавшийся после завершения периода социализма, это нарождающийся средний класс. К нему привлечено большое внимание. Читатели регулярно информируются о потребительских предпочтениях среднего класса и дилеммах этого класса в достижении воспроизводственных стратегий (например, получении университетского образования его потомством). Сегодня понятие «класс» больше не является табу среди

¹ Buzík B. Triedy a stratifikácia v sociálnej zmene Slovenska. Bratislava, 2008.

нового поколения левых интеллектуалов стран региона, использующих его для указания на социальные антагонизмы и конфликты, игнорируемые официальным политическим течением¹.

Вопросы связи класса и классового сознания, классовой идентичности и политической репрезентации классов были предметом бурной дискуссии о «смерти классов» в начале 1990-х годов. До последнего времени относительно гомогенное бывшее социалистическое общество начало переживать процессы нарастающей дифференциации в результате демократизации, перехода к рыночной экономике, появления частной собственности, либерализации рынка труда, приватизации. Спор о классах в обществоведении посткоммунистических стран был вытеснен на периферию новыми темами: трансформация, модернизация, гражданское общество, гражданственность. Возникали новые социальные классы и слои, складывалась новая система стратификации. Решающими детерминантами этого процесса явились политические и экономические перемены предшествующей четверти века.

Перспективу понимания социально-классовых сдвигов в Восточной Европе в период смены систем открывает сравнительный анализ стран региона. Эта группа стран, одновременно совершивших переход от социализма к капитализму, представляет собой идеальную социальную лабораторию для изучения классовой динамики, в частности, развития классового голосования в период глубоких общественных перемен. Это развитие контрастирует с относительно стабильным послевоенным социально-политическим ландшафтом стран Запада.

Если многие западные страны испытали снижающиеся или стабильные связи между классом и избирательным выбором, тенденция классового голосования в посткоммунистических странах совершенно отлична. В частности, Чехия переживает процесс рестратификации – процесс, в котором основанные на классах деления и идентичности в рыночной экономике возвращают себе значения после длительного периода дестратификации в период социалистической эгалитарной политики: в стране происходит рост классового голосования. Анализ также подтверждает, что классовое голосование, появившееся в начале 1990-х годов, возросло в ЧР в период со второй половины этого десятилетия, особенно

¹ *Drahokoupil J. Class in Czechia: The legacy of stratification research – East European Politics and societies and cultures. 2015. № 3.*

в 1998–2010 гг.¹. Источником рестратификации чешского общества является возрастающее социальное неравенство². Оно вело к появлению конфликтных линий, предопределяющих выбор политических партий.

Ряд исследований избирательного поведения классов показывает, что чешский электорат голосует в соответствии с классовой принадлежностью или «голосует своим карманом»³. Более высокие классы как правило участвуют в выборах чаще, чем более низкие классы⁴. С низшими классами больше идентифицируются квалифицированные, полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие. К низшему среднему классу чаще всего относят себя рутинные нефизические работники и низшие профессионалы. Средний высший и высший классы образуют крупные предприниматели и высшие профессионалы.

Избирательное поведение чешских граждан зависит прежде всего от классовых характеристик, социальный класс в чешском случае является главной конфликтной линией в обществе. Влияние социального класса со временем лишь усиливается: после 1989 г. не произошло ослабления связей между партиями и избирателями, основанными на классах. Уровень классового голосования за левые партии постепенно возрастает у всех социальных классов, особенно рабочих и пенсионеров, но кроме самостоятельных предпринимателей. В целом, нарастание классово обусловленного голосования ассоциируется прежде всего с низшими социальными классами. Для низших специалистов, самостоятельных предпринимателей и рутинных нефизических работников не существует определенных тенденций развития классового голосования. Классовая поддержка политических партий у высших социальных классов более менее постоянная⁵.

Помимо социально-классового, существуют другие, менее значимые факторы голосования. Это старший возраст или поколенческая принадлежность, тяготеющие к левой части политического спектра. Эффект

¹Smith M., Matějů P. Restratifikace české politiky. Vývoj třídně podmíněného volebního chování v letech 1992–2010. – Sociologický časopis/Czech sociological review. 2011. № 1, s. 33–59.

²Linek L., Lyons P. Dočasná stabilita? Volební podpora politických stran v České republice v letech 1990–2010. Praha, 2013, s. 106.

³Vlachová K., Häuberer J. Volební chování sociálních tříd. – Voliči a volby 2010. Praha, 2012, s. 152,

⁴Vlachová K., Řeháková B. Sociální třída a její vliv na volební chování. – Voliči a volby 2006. Praha, 2007, s. 136.

⁵Linek L., Lyons P. Op. cit., s. 121.

религиозности со временем также будет снижаться, поскольку верующие концентрируются в старшей возрастной группе. Еще одна конфликтная линия – лево-правая ориентация. Ее значимость со временем также постепенно ослабевает. В этом случае произойдет ослабление связи между избирателями и партиями, а выборы будут так называемыми. Социальный класс отражает различные интересы в области общественной политики: рабочие и пенсионеры предпочитают равенство, высший класс и предприниматели, наоборот, хотят больше экономической свободы, меньше общественного перераспределения и регулирования экономики, а также по-разному относятся к прошлому и роли компартии в политической системе. Таким образом, со временем избирательное соперничество может стать одноразмерным: на избирательное поведение будет влиять прежде всего социально-классовая принадлежность.

Интересное исследование процессов «возвращения и ухода от социального происхождения» в период 1990–2011 гг. провели также чешские социологи¹. Оказалось, что социальная изменчивость в обществе сократилась в период с 1989 г. до 2000 г. Это результат «эффекта периода», а именно межпоколенческих перемен, который и получил наименование возврата к социальному происхождению. Эти перемены относятся к процессам рестратификации общества после 1989 г. В этот – первый постреволюционный – период стартовая позиция человека, обозначаемая как социальное положение отца на рынке труда более сильно определяет статус сына. Иными словами, перемены в профессиональных позициях между 1990 и 2000 гг. в чешском обществе привели детей ближе к позициям их отцов.

Период возврата к социальному происхождению завершается примерно в 2000 г. После этого наблюдается обратная тенденция, и социальная изменчивость, напротив, постепенно нарастает. Период возврата к социальному происхождению замещается периодом отхода от него. Этот сдвиг – эффект образовательной экспансии, случившегося после 1989 г. замещения возрастных когорт². Таким образом, возникла уникальная возможность анализа влияния институциональных перемен рубежа веков

¹ Katrňák T., Fučík J. Návrat k sociálnímu původu: vývoj sociální stratifikace České společnosti v letech 1989–2009. Brno, 2010, s. 189–198.

² Katrňák T., Fónadová L. Return to and departure from social origin: trends in social fluidity in the Czech Republic between 1990 and 2011. – Sociológia. 2014, № 6, p. 655–687.

на избранные аспекты общественной жизни в период трансформации от социализма к капитализму.

Социальные изменения, вызванные «бархатными» революциями, идентифицируются как ключевой фактор, ведущий к неравенствам, характеризующим современное центрально- и восточноевропейское общество¹. Неравенства были здесь и раньше, но они основывались на политическом капитале, а не экономическом. Природа их отличалась фундаментально от известной по капиталистическому миру².

Отрицая прежний режим в 1989 г. многие бывшие диссиденты – ныне новые элиты – симпатизировали идеям равенства и были мотивированы идеями гуманизма. Новые неравенства были вызваны безработицей – главной причиной бедности в посткоммунистических обществах. Быстрый рост самозанятого класса, практически не существовавшего до 1989 г., в конце 2000-х достиг 10% населения. Работа для высококвалифицированных рабочих драматически сократилась в Словакии с 28% занятых в конце 1980-х до 14% в 2009 г. Молодое поколение словацких обществоведов сейчас регулярно критикует культ рынка и предлагает альтернативную политическую экономию, хотя неолиберальная гегемония в общественном дискурсе мешает им быть услышанными.

В период социализма самым известным было широкомасштабное уникальное изучение социоэкономической стратификации «Чехословацкое общество» под руководством известного чешского социолога П. Махонина³. Оно вышло в свет в Братиславе в 1969 г. В книге показана роль образования и сложности труда как ключевых, детерминирующих доход, стиль жизни и параметры потребления факторов. Продемонстрированы острые неравенства в доступе к принятию политических решений, открытые преимущественно для «номенклатуры».

Противоречивая смесь механизмов стратификации привела к появлению так называемого статусного несоответствия или недостатка связи между образованием, «трудовой ситуацией» (включая профессию и сложность труда) и доходом. Обществом статусно-консистентным считается

¹ Bunčák J., Dzambazovič R., Hrabovská A., Sopóci J. On some questions of social stratification in Slovak society. – Slovak sociological review. 2011, № 5, p. 506.

² Fabo B. Rediscovering inequality and class analysis in post-1989 Slovakia. – East European Politics and societies and cultures. 2015. № 3, p. 590.

³ Machonin P. Československá společnost: sociologická analýza sociální stratifikace. Bratislava, 1969, 369 s.

то, где образование, сложность труда и доход коррелируют. Статусное несоответствие в 60-е годы XX в. в Чехословакии было характерно для трети населения, особенно неквалифицированных и квалифицированных рабочих в тяжелой промышленности. Они получали больше, чем соответствовало их образованию и сложности труда. В то же время стиль жизни рабочих в тяжелой промышленности не отвечал их высоким заработкам, имея в виду, что они были неспособны использовать дополнительные доходы для финансирования более высококачественного образа жизни. Относительно проигравшими была группа образованных, занятых нефизическим трудом, доходы которых были похожи на заработки представителей низшего слоя неквалифицированных.

После публикации книги «Чехословацкое общество» в период кризисного развития в стране в 1968–1969 гг. коллектив П.Махонина был распущен, а исследование социальной стратификации в регионе завершилось. Оно было возобновлено в начале 1990-х годов при активном участии самого Махонина. В период после 1990 г. в Чехии проведено более 30 исследований классовой структуры, обычно как составной части международных сравнительных проектов.

Критика государственного социализма и правящей идеологии указывала на политическую дискриминацию и привилегии номенклатуры и других групп, которым отдавалось предпочтение распределительными механизмами старого режима. Целью было выявление противоречия интересов номенклатуры и остального общества¹.

Вопрос статусного несоответствия продолжал оставаться ключевым – не только как критика несправедливости и неэффективности прошлого, но также как устремленный в будущее подход. Доход и образование в конце концов стали главными принципами стратификации². Неравенство доходов возрастало как результат поляризации между небольшой группой с очень высокими доходами и большей частью бедных³. Как указывалось выше, около четверти населения Чехии, переживших восходящую или нисходящую мобильность в период социализма испытало возврат к со-

¹ *Večerník J.* Czech society in the 2000s: a report on socio-economic policies and structures. Praha, 2009.

² См: *Zprava o vývoji české společnosti 1989–1998.* Praha, 1998; *Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomu tisíciletí.* Praha, 2003.

³ *Tuček M.* Sociální nerovnosti v ČR a jejich vývoj za posledních 10 let. – Soudržnost v diferencující se společnosti. Praha, 2009.

циальному классу, в котором они родились и выросли. К концу 1990-х годов треть экономически активных все еще имело более низкие доходы по отношению к их образованию, что прежде всего относилось к женщинам-рабочим со средним образованием, а также обладательницам университетских дипломов¹.

Социологи не отказались от концепта класса в отличие от носителей массового сознания. Однако в целом была характерна тенденция рассматривать вертикальную социальную дифференциацию в категориях слоев больше, чем классов. Наблюдения показали «сжатие» рабочего класса, экспансию сектора услуг и увеличение численности мелких предпринимателей. Среди капиталистических классов только мелкие предприниматели рассматривались как класс².

Один класс играл выдающуюся роль в социологическом дискурсе – средний класс. Он заменил ценность и материальную гегемонию рабочего класса, став критерием оценки развития социальной структуры. Сила среднего класса ассоциировалась с социальной сплоченностью, политической стабильностью и экономическим ростом. Средний класс определялся больше как состояние сознания, чем как профессия, доход и потребление. Различался старый средний класс, «занятый в производстве и распределении материальных товаров и услуг», и новый средний класс, «занятый в производстве и распределении символического знания»³.

Ключом к анализу социальной структуры была и остается классовая структура как основа общественных неравенств⁴. Важнейшим является тезис об углублении различий между классами общества, формирование в результате процессов системной трансформации «разорванной» социальной структуры, что особенно ярко описано польскими обществоведами. Речь идет о нарастающей разнице, даже глубокой пропасти между выигравшими в результате трансформации, к числу которых относятся предприниматели, менеджеры и эксперты, и теми, кто проиграл – большинством общества, включающем рабочих, особенно низкоквалифицированных, пополняющих ряды длительно безработных или периферийных

¹ *Drahokoupil J.* Op. cit., p. 580.

² *Machonin P., Tuček M., Nekola M.* The Czech economic elite after fifteen years of post-socialist transformation. – Czech sociological review. 2007, p. 537–540.

³ *Drahokoupil J.* Op. cit., p. 585.

⁴ *Słomczyński K., Janicka K.* Pęknięta struktura społeczeństwa polskiego. – Polska. Ale jaka? Warszawa, 2005, s. 163.

сегментов частного сектора, часто теневой экономики, крестьян (по выражению польского социолога *К. Горлаха*, «последних крестьян Европы»), переживающих процессы массовой пауперизации и упадка¹, мелких служащих. Важным сдвигом социальной структуры обществ восточноевропейского типа явился массовый переход рабочих из категории квалифицированных и мастеров в категорию низкоквалифицированных рабочих², а также мелких предпринимателей. Снижение численности рабочего класса в Польше сопровождалось процессами его «обуржуазивания» и «пролетаризацией» среднего класса³. Из всех классов общества при переходе к капиталистической системе рабочие понесли наибольшие потери – они перестали быть господствующим классом, ощутимо потеряли в заработках и социально-профессиональном престиже. В целом проигравшие возникли во многом за счет выигравших. Эти две основных группы общества различаются не только по объективным показателям социального положения, таким как образование, положение в обществе или заработка, но и по психологическим, поведенческим показателям в результате формирования у людей реального образа новой системы общества – капиталистической и демократической и ее институтов. Восточноевропейское общество сложилось в итоге как поляризованное и двумерное.

Наиболее выраженной вариацией дифференциации общества восточноевропейского типа является социальная структура болгарского общества. Еще в позднесоциалистический период в массовом сознании болгар, как и остальных жителей региона, образовался конфликт между «привилегированными партийными партфункционерами (или номенклатурой)» и «простыми людьми». Эта дихотомия преобразовалась в наши дни в моральный конфликт между политиками или «коррумпированными элитами» и «честными простыми людьми», когда первые рассматриваются как богатые, выигравшие от посткоммунистического перехода, а вторые – как обедневшие проигравшие.

Фокусом болгарских общественных наук в течение всего периода после 1989 г. было изучение бедности как самой важной социальной проблемы в стране. Более того, бедность трансформировалась в национальную траекторию, как жизненный путь, демонстрирующий неспособность

¹ Ibid., s. 169.

² Bunčák J., Džambazovič R. Statusové a príjmové nerovnosti ekonomicky aktívnych obyvateľov Slovenska. – Desafročia premien slovenskej spoločnosti. Bratislava, 2011, s. 221.

³ Domański H. Czy są w Polsce klasy społeczne? Warszawa, 2015, s. 205.

удовлетворить базисные человеческие потребности. Исследования бедности стали разновидностью стимулов изучения неравенства. Уже в 1996 г. данные отчетливо свидетельствовали, что неравенство доходов возросло. Оно углублялось все сильнее в следующие годы и сегодня в Болгарии высший уровень неравенств в Европе и в бывших социалистических странах. Исследователи обращают внимание на острую поляризацию общества с двумя крайностями – огромным, чрезмерным богатством (и властью), с одной стороны, и деградирующей, экстремальной бедностью, с другой стороны. Такое деление образует демаркационную линию в массовом восприятии, а не только в общественной науке¹.

Еще раньше, в 1993 г. общенациональное исследование «Социальные неравенства» зарегистрировало «определенный сдвиг» в восприятии делений, разломов в обществе. Если ранее большинство респондентов видело социальную и профессиональную дифференциацию как главный источник стратификации, то теперь они стали рассматривать дихотомию «богатство-бедность» как ключевое деление. В глазах простых людей в обществах восточноевропейского типа – болгарском, словацком и других – посткоммунистическая стратификация сформировалась не как классическая социальная пирамида, а, скорее, как груше-подобная с небольшим количеством людей в середине, большим – на дне и минимальным – сверху, как короткого узкого горлышка. В 1993–1994 гг. менее 1% населения Болгарии видели себя принадлежащими к верхнему классу, около четверти помещали себя в средний слой и явное большинство – 63% – идентифицировалось с низшим социальным слоем. Сложилась стабильная дихотомия общественного сознания между «богатыми коррумпированными политиками», с одной стороны, и «бедными простыми людьми», с другой, что долгое время не вело к массовым протестам.

Последующие болгарские исследования 2002 г., 2006 г. и 2007 г., продемонстрировали аналогичные результаты: люди рассматривали политиков, экс-номенклатуру, членов мафии, и преступников как выигравших от перехода, а простой народ, население, рабочих и пенсионеров как проигравших. Подавляющее большинство людей самоидентифицировалось с последними. Существующие неравенства не мобилизуют творческий потенциал и ресурсы индивидов и социальных групп. Более того, они главным образом соз-

¹ Boyadjieva P., Kabakchieva P. Inequality in poverty: Bulgarian sociologists on class and stratification. – East European politics and societies and cultures. 2015, p. 632.

дают чувство несправедливости и ненормальности, порождая массовое социальное исключение. «Наша страна прекрасна, но государство прогнило» – одно из самых распространенных мнений в стране. Неудивительно, что большинство людей предпочитает эмиграцию за рубеж в поисках лучшего будущего вместо того, чтобы остаться в стране и бороться за перемены.

Протесты, начавшиеся в Болгарии в 2013 г., явились столкновением между простыми людьми и мафиозными политиками, но меньше касались экономических вопросов, а больше – безнравственности власти и борьбы за перемены под лозунгом «Двадцать четыре года достаточно» и требования смены систем, замены представительной демократии на демократию прямую, налаживания функционирования государства.

Более успешно по сравнению со странами Юго-Восточной Европы развиваются страны Центральной Европы – Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, – хотя общие закономерности динамики после 1989 г., в том числе направления социально-классовых сдвигов, объединяют бывший социалистический регион.

Люди, занятые в рабочих профессиях Чехии, составляют лишь немногим больше трети экономически активного населения по сравнению с концом 1980-х лет, когда рабочий класс достигал 60% трудящихся. Эта группа общества уменьшилась практически на половину. Данному изменению способствовала и реструктуризация некоторых отраслей промышленности в период общественной трансформации, и значительное увеличение сферы услуг, и особенно возникновение класса предпринимателей – с наемными работниками и без них, быстрый рост которых в начале 1990-х годов продолжается и поныне. Возрастает также класс рутинных нефизических работников, в основном из рядов служащих. Наиболее стабильный социальный класс с точки зрения его численности представляет класс высших служащих, составляющих около 10% экономически активного населения, а также низшие служащие¹. Наиболее мобильными – в смысле нисходящих перемещений – стали сельскохозяйственные и квалифицированные рабочие.

Возникновение нового высшего класса, следующего из традиций и опыта номенклатуры и узкого слоя обогатившихся еще в период социализма, можно считать элементом новой капиталистической социальной

¹ *Tiček M.* Proměna představ o předpokladech úspěchu a změny v životních strategiích. – Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomu tisíciletí. Praha, 2003, s. 371–399.

структуры. Другой полюс классового устройства ЧР составляет экстремально бедная часть населения. К ней принадлежат не только бездомные, но и в целом социально неприспособившиеся, как их здесь называют. Обычно это члены семей с малолетними детьми и часть пенсионеров, особенно в сельской местности.

Поляризация классовых отношений происходила в среде сильно уравнилельных настроений населения, сложившихся исторически еще со времен национального возрождения и чрезвычайно усилившихся в период социализма, что следует из всех социологических исследований с 1993 г.¹ Около 80% населения убеждено, что государство должно снижать различия между бедными и богатыми. Даже в наиболее развитой в регионе Чехии большинство населения считает характер социальной стратификации похожим на упоминавшуюся выше «грушу» (многочисленные низшие слои и узкая верхушка политической и экономической элиты), тогда как стран Запада – на «перевернутую грушу».

После двух десятилетий общественных перемен в Чешской республике преобладает чувство несправедливости, отсутствия сплоченности, безнаказанности для определенных групп населения, зависти и клиентизма – крайне негативных оценок состояния чешского общества. Очень большие неравенства в доходах оцениваются людьми как несправедливые («слишком высокие»). В целом люди критически оценивают современную систему, остро негативно воспринимают ее главные принципы в условиях все более дифференцирующегося общества.

Польские социологи убеждены, что не существует демократии высокого качества без значительного равенства в структуре общества². Нынешняя ситуация крайне далека от модели равных шансов. В условиях, когда уже к середине 1990-х годов произошел сдвиг от общих ценностей к собственным интересам каждого индивида³, большинство восточноевропейцев оказались недовольными функционированием демократии.

¹ Tuček M. Sociální nerovnosti v ČR a jejich vývoj za posledních 10 let., s. 54, 75.

² Mach B.W. Jakość demokracji a struktura społeczna: uwagi koncepcyjne i ilustracje empiryczne. – Jakość naszej demokracji: społeczno-kulturowe podstawy polskiego życia publicznego. Warszawa, 2012, s. 25.

³ Matějů P., Řehaková B. Turning left or class realignment. Analysis of the changing relationship between class and party in the Czech Republic. 1992–1996. – East European Politics and societies. 1997, p. 597–547.

Сложилась система, которую никак нельзя назвать экономически и социально справедливой¹.

Чтобы понять современные социально-классовые сдвиги в Восточной Европе, важно помнить, что в довоенный период этот регион (кроме промышленно развитых Чехии и ГДР) обладал типично аграрной (страны Юго-Восточной Европы) или аграрно-промышленной (Венгрия и Польша) социальной структурой. В производстве валовой продукции преобладающим оставалось сельское хозяйство. Доля крестьянства в Польше находилась на уровне 60% общей численности населения², а в слабразвитых странах Юго-Восточной Европы в сельском хозяйстве была занята подавляющая часть экономически активного населения – свыше 70–80%. На старте строительства социализма в 1948–1950 гг. доля городского населения составляла всего 24,6% в Болгарии, 20,5% в Албании, 36,3% в Венгрии, 31,8% в Польше, 23,4% в Румынии, 16,2% в Югославии. Больше половины населения приходилось на горожан только в ГДР (67,3%) и Чехословакии (53,2%)³. Для социальной структуры стран региона на протяжении почти всего периода социализма была характерна категория крестьян-рабочих, совершавших регулярные, вплоть до ежедневных, поездки из села, где они жили, в города, где работали. Польша с точки зрения высокой доли крестьян и сейчас располагается на одном из последних мест в Европе. В начале XXI в. здесь сохранялся более высокий уровень неравенств, чем в Чехии, Словакии и Венгрии. В иерархии доходов выше всего в Польше находились собственники фирм, опережающие специалистов и служащих высокого уровня⁴.

Традиционное общество в той иной степени и поныне характерно для стран Центральной и Восточной Европы. Оно неотделимо от многочисленных низших – постсельских и посткрестьянских – слоев населения этих стран, крайне узкого слоя политической и экономической элиты, их углубляющейся социальной и культурной поляризации, взаимного недоверия «низов» и «верхов» общества восточноевропейского типа.

¹ Červenka J., Tuček M. Dynamika diferenciace příjmů a majetku. – Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomu tisíciletí. Praha, 2003, s. 147.

² Domański H. Społeczeństwa europejskie: stratyfikacja i systemy wartości. Warszawa, 2009, s. 25.

³ Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в конце 40-х годов: исходные рубежи на пути к социализму. – Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989, с. 48–49.

⁴ Domański H., Op.cit., s. 141.

1.4. Европейский Восток и Запад: социокультурная конвергенция?

После 1989 г. в Восточной Европе установился и довольно долго пре-
валировал дискурс вестернизации как прежде всего демократизации.
Обновление гражданского общества стало главной темой дискуссий не
только в общественном пространстве, но и в научных разработках. Эти
дебаты были завершены в годы, когда актуализировалось вступление
бывших социалистических стран в ЕС, т.е. символическое вхождение их
в западный мир. Впоследствии начала усиливаться рефлексия включения
в наднациональные европейские структуры и глобальные взаимодействия.
Предметом анализа стали кризисные тенденции в странах Запада. Насту-
пил период массовой критики существующей системы: время западноцен-
трической политики и экономики заканчивалось.

Еще в 60-е годы XX в. в моде была теория конвергенции, утверждав-
шая, что наилучшее из западного и восточного опыта развития можно со-
единить. Тем самым возникнет процветающее и одновременно социально
справедливое общество. Однако на практике после 1989 г. в Центральной
и Восточной Европе удалось синтезировать скорее худшее из обоих режи-
мов. Лейтмотивом восточноевропейских реформ стало разворачивание
и разложение государства¹. Неолиберальная идеология предпочитает
минимальное государство, которое наиболее выгодно тем мельчайшим
группам, которые ему не должны платить высокие налоги. Целью неоли-
беральных правительств в ходе приватизации поэтому было разложение
не только социального государства, но и государства в целом, гигантский
демонтаж его мощностей. Тем очевидней необходимость восстановления
государства, реабилитация понятия общественного интереса и культиви-
рование общественного пространства.

Перемены, происходившие в Центральной и Восточной Европе на
протяжении двух столетий могут быть описаны как попытка догнать
Запад. «Дорога на Запад» была во многом «путем в неизвестное». Еще
накануне «бархатных» революций не было разговоров об изменениях в ха-
рактере собственности или свободном рынке. А через несколько месяцев
была принята программа большого скачка в реалии свободнорыночного
капитализма. Программа, связанная с концепциями польской «Солидар-

¹ Odjištěná společnost. Rozhovory o potřebné společenské změně. Praha, 2015, s. 49.

ности», как считалось, отдалила бы страну от Запада. У оппозиции 1980-х годов не было реалистических программ перехода от социализма к капитализму. Либеральный проект не имел общественной опоры, а исходил из всеобщего мощного убеждения в необходимости реформ. Его принятие основывалось на скудости воображения, что использовали либеральные группы¹. Запад был особенно привлекателен посткоммунистическим странам именно в 1990-е годы – наиболее антиобщественное десятилетие, когда произошла маргинализация части населения и ослабевала общественная солидарность. Привлекательность Запада для жителей восточноевропейского региона, по оценке англо-германского социолога Р. Дарендорфа, была прямо пропорциональна степени их деморализации. В большинстве стран региона появилась группа людей деклассированных или закоренело бедных, исключенных из общества.

В 1989 г. восточноевропейцы только имитировали Запад, они не дали ему ни одной новой идеи, чтобы его обогатить, хотели только черпать отсюда и идеализировать его. Восточноевропейские элиты сформулировали постулат быстрой адаптации к западным политическим и экономическим институтам. Мало кто из восточноевропейцев понимал весь смысл экономических преобразований и имел представление о масштабах предлагаемых перемен, никто не предложил никакой альтернативы. Властные круги опасались экспериментировать с «третьим путем» между социализмом и капитализмом. Восточноевропейская экономика начала работать не на местные потребности, а на глобальную систему, определяемую интересами крупного наднационального капитала. Возникал капитализм, сконструированный «сверху», а не сформировавшийся исторически. Складывалась модель общества беднеющих потребителей, а не эффективных производителей². Идеальным гражданином являлись не буржуа, как в классической западноевропейской модели, или предприниматель, как в США, а интеллигент, как в постаристократической Польше или России³.

Под демократией половина индивидуалистически ориентированных восточноевропейцев понимает личную свободу и возможность выбора. Вторая по частоте интерпретация демократии – социально-экономиче-

¹ Różnorodność procesów zmian. Transformacja niejedno ma imię. Warszawa, 2004, s. 18.

² Ibid., s. 56.

³ Зарицкий Т. Могут ли договориться между собой польский «пан» и польский «хам»? Интеллигентские споры о наследии крепостного права и его символических остатках в Польше. – Новое литературное обозрение, 2016, № 6.

ская (27%). Речь идет об уважении социальных прав и достойном уровне жизни. Понимание демократии как равенства перед законом и справедливости – это еще 12% населения. Меньше всего людей связывают демократию с активным участием граждан в общественной жизни, как на Западе (10%).

Насколько важны для демократии отдельные права, гарантирующие ее, также продемонстрировал приоритет социальных прав над политическими и гражданскими правами. На первом месте оказалось в Словакии право на медицинское обеспечение для каждого и право всех граждан на достойный уровень жизни. Акцент на социально-экономических правах указывает, что наиболее важно для людей то, чего людям не достает. Исследование по случаю 25-летия событий ноября 1989 г. вновь подтвердило, что негативный баланс посленоябрьского развития касался именно социальных ценностей – трудовых возможностей, социальных гарантий, безопасности. Для каждой из этих ценностей около 70% населения констатировало ухудшение. Преимущественно негативно оценивается и медицинское обеспечение: 55% считает его хуже по сравнению с существовавшим до ноября 1989 г. Четкая разделительная линия таким образом проходит между социальными и остальными правами граждан. В последнее десятилетие восприятие важности «партиципативных прав», имеющих меньшую важность для восточноевропейцев, еще снизилось, как и относительно невысокий интерес к политике, способность ее понимать, а сильный акцент на социально=экономические права возрастает. 40% словаков считает, что было бы лучше перейти к другой политической системе, которая обеспечила бы в стране больший порядок, равенство и справедливость даже ценой ограничения некоторых свобод. Вместе с тем по мнению всего менее четверти граждан в стране было бы лучше развивать и улучшать либеральную демократию¹.

По сравнению с другими странами Чехия особенно отличалась приоритетом экономических интересов и материальных выгод при вступлении в ЕС². Гордость своим членством в ЕС не является преобладающим чувством в чешской среде. Почти четверть чехов не испытывает никакой

¹ Gyárfášova O. To sladké slovo demokracia. Spokojnosť s demokraciou a politické odudznenie na Slovensku. – Sociológia, 2015, № 4, s. 369, 386.

² Lyons P. "It's the economy, stupid". Popular support for EU accession in the Czech Republic. – Sociologický časopis, 2007, № 3; Proměny reprezentace, zajmů po vstupu do Evropské unie. Praha, 2008.

гордости за то, что получили европейское гражданство¹. При вступлении в ЕС чехи считали, что большую выгоду от их евроинтеграции получает сам ЕС, а не Чехия.

Интересные для темы статьи результаты содержатся в исследовании соотношения между религиозностью и социально-экономическими характеристиками, конкретно образовательной и экономической активностью на примере Чехии. Этот анализ исходит из известного тезиса М. Вебера об отношении между капитализмом и протестантской этикой. Полученные данные свидетельствуют, что традиционно протестантски ориентированные еще со времен гуситского движения чешские верующие не особенно прокапиталистичны. Напротив, у них выше ожидания от власти и государственной помощи. Что касается экономически активных людей, религиозность и посещение богослужений с экономическими взглядами в чешском обществе никак не связано. Люди, провозглашающие религиозное вероисповедание – неважно католики или нет – чаще убеждены, что власть должна позаботиться об их уровне жизни. Они ожидают большего от внешних сил, в данном случае от государства. Ожидания, чтобы власть позаботилась о трудоустройстве и уровне жизни не соответствуют «духу капитализма». Анализ не подтвердил, что верующие и неверующие как-либо отличаются в том, являются они наемными работниками или предпринимателями. Не подтвердилось и то, что протестантское вероисповедание чаще служит проявлением «духа капитализма», не обнаружено «веберовское» противоречие между католическими и протестантскими странами. Среди верующих дух государственного патернализма существует как среди католиков, так и не католиков. Таким образом, в восточноевропейской среде в отличие от западной отсутствует четкая, однозначная по Веберу связь между экономическим поведением и поведением религиозным. Если есть какая-либо связь, то чешские христиане (включая протестантов) демонстрируют даже довольно антисвободнорыночное отношение².

Чешские социологи обнаружили также, что общество и элиты разделяют амбицию догнать Запад, т.е. достичь экономического уровня наиболее развитых стран ЕС, но пока не преуспели в этом отношении. Отсутствует видение чешской догоняющей модернизации, отвечающее на вопрос «как» догнать Запад в действительности. Большинство населения

¹ České veřejné mínění: výzkum a teoretické souvislosti. Praha, 2006.

² Hamplová D. Náboženství v české společnosti na prahu 3. tisíciletí. Praha, 2013, s. 132–142.

и элит считает, что фактически отсутствует такого рода видение. Ни у общест­венности, ни у элит нет адекватной идеи, представления о современном обществе модерна, каково оно. Население обычно заинтересовано в материальном комфорте и продвинутых технологиях. И общественность, и элиты представляют их во многих отношениях напоминающими картину индустриального общества больше, чем постиндустриального, информационного. И те, и другие демонстрируют отсутствие интереса к гражданской активности и глобальному измерению. Предполагается существенный уровень дезориентации ключевых игроков модернизации или отсутствие понимания ее. Граждане признают, что вестернизация неизбежна, но страна должна переходить на западную модель по-своему, по-чешски. Так считает 67% общества и 63% элит¹. Большинство (62%) чешского общества хочет роста влияния государственной администрации на направления его развития. Проявляется склонность чехов к патернализму или модернизации «сверху вниз». Оба актора – общество и элиты – пытаются догнать скорее прошлое Запада, чем его настоящее или будущее. Таким образом, существует кризис стратегического мышления в ЧР в целом. Большинство населения соглашается с необходимостью конвергенции с Западом, но опять же чешским путем². В целом чешское общество сдержанно в вопросе следования западной модели и требует, чтобы элиты вышли с оригинальным, специфически чешским видением модернизации. От элит ожидается лидирующая роль в обществе без полагания на западную модель.

Глубокие изменения, происходившие в обществах восточноевропейского типа в последнюю четверть XX века, принято объяснять с точки зрения двух основных подходов – культурного или ценностного и структурного³. Сторонники преимущественно ценностных изменений обосновывают сходство социальных процессов в восточноевропейской и евроамериканской цивилизациях, когда посткоммунистические страны в ускоренном темпе догоняют Запад, т.е. вестернизируются. Напротив, сторонники структурных факторов развития обращают внимание на отличие не только в его скорости, глубине, но и в социальных и демографических последствиях в Центральной и Восточной Европе, с одной

¹ Popular opposition and support for different types of EU integration. Praha, 2007, p. 60.

² Czech elites and general public: leadership, cohesion, and democracy. Praha, 2010, p. 27.

³ Vlastní cestou? Životní dráhy v pozdně modern společnosti. Praha, 2014, s. 13–18.

стороны, и странах Запада – с другой. Этот, второй подход, на самом деле, раскрывает сущность восточноевропейского пути развития после 1989 г. Она, как оказалось, сводится прежде всего к стратификации жизненных путей и жизненных рисков (бедность, безработица, нестабильная занятость и др.) восточноевропейцев, результат которой – масштабное социальное исключение из участия в важнейших сферах жизни – трудовой, частной или семейной и общественно-политической.

Целый ряд социологических исследований показывает, что возникшая после 1989 г. организация общественного пространства значительно изменилась, например, в Чехии уже во второй половине 1990-х годов, а в Польше еще раньше, к 1993 г. Это было связано с начавшимся уже тогда кризисом либеральной, прозападной политики, не имевшей достаточной социальной основы и традиции в восточноевропейском обществе. Уже тогда успело сформироваться и нарастало деление людей на тех, кто в процессе демократического перехода и экономических реформ что-то приобрел, и тех, кто оказался в маргинализированном положении. В посткоммунистических странах не позже, чем с середины 1990-х годов, произошел важнейший сдвиг от восприятия и оценки системной трансформации с точки зрения ценностей (что правильно в новом режиме, а что нет) к восприятию перемен с точки зрения интересов (выгодно для меня и людей как я). Более того, с этого времени для народов региона стало очевидным, что программа экономической трансформации угрожает не только жизненным интересам определенных групп, прежде всего со слабым социальным потенциалом, т.е. низким положением в обществе, но и самому их существованию¹.

С этого же времени на передний план в развитии общества восточноевропейского типа все более очевидно выдвигается социально-классовый фактор. Если в Западной Европе с 70-х годов XX в. наблюдается ослабление общеклассового голосования, то, например, в Чехии влияние социально-классового фактора на голосование отмечено именно во второй половине 1990-х годов, и его эффект по мере консолидации социально-экономической линии как главной конфликтной оси политики усиливается. Принадлежность к классу в условиях растущей стратификации общества и углубляющегося неравенства стала ключевым фактором электорального поведения и со временем может превратиться в его единственный фак-

¹ *Kunštát D. Za rudou oponou. Komunisté a jejich voliči po roce 1989. Praha, 2013, s. 282.*

тор. Тезис о «смерти классов» не выдерживает эмпирической проверки и на польском материале. Конечно, главным результатом социальной динамики в посткоммунистических странах с появлением здесь после 1989 г. бедности и безработицы стало возникновение низшего класса. Он включает составлявших основу прежней системы рабочий класс и крестьянство, переживших в ходе трансформации процессы деклассирования и маргинализации. В странах региона удерживаются классовые барьеры, сохраняются классовые различия, а политические взгляды и поведение формируются на основе классовых интересов. В результате социальная структура общества восточноевропейского типа приобрела непохожий на структуру обществ западного типа характер пирамиды с многочисленными нижними слоями, довольно слабым средним слоем и крайне узкой группой богатейших, наиболее выигравших от реформ.

В основе этих процессов находилось резкое падение занятости населения, до 1989 г. практически всеобщей и обязательной. К числу профессионально активных в начале XXI в. в Польше принадлежало менее половины жителей, и этот уровень продолжает снижаться. Центральноевропейские социологи сейчас обращают особое внимание на ненадежность труда, осуществляемого по непродолжительным, серым договорам или вообще без договоров в теневой, нелегальной сфере, как у каждого третьего поляка. Польша оказалась на одном из первых мест в Европе по дестабилизации занятости. И это в ситуации, когда подавляющее большинство граждан продолжает считать, что государство обязано гарантировать их право на труд, а уравнилельные, эгалитарные традиции остаются глубоко укорененными в рыночной по своей сути экономической культуре восточноевропейцев. Для них предпринимательство, особенно в период экономического кризиса, все чаще является вынужденной, негативно мотивированной жизненной стратегией, к которой обращаются не в силу открывающихся возможностей, престижа или доходов, а как к альтернативе безработицы. Произошедшие перемены в сфере занятости, конечно, совсем не соответствуют изначальным ожиданиям о переходе к равенству возможностей социального продвижения на основе трудового участия в результате «бархатной» революции.

Ситуация в сфере занятости приобретает особую остроту потому, что, согласно исследованиям, важнейшей социальной идентичностью например чехов является профессиональная идентичность: люди смотрят на себя прежде всего как на представителей своей профессии. Приоритет этого вида идентичности свидетельствует о том, что труд в восточноев-

ропейском обществе не теряет значения в пользу свободного времени и частной сферы, как в современной Западной Европе. В то же время, в Восточной Европе труд постепенно перестает быть способом самореализации, а все больше воспринимается как источник существования.

Труд явился той сферой жизни человека в Восточной Европе, которая в последние 25 лет претерпела наибольшие перемены. Как и семья, труд – важнейшая жизненная ценность. Она «крайне важна» для 56% и «скорее важна» – для 35% поляков¹. 81% хотел бы привить трудолюбие своим детям. В международном сравнении с еще 35 странами мира чехи оказались на втором месте по значению, которое они придают труду в своей жизни². В то же время это ценность, которая на протяжении последних двух десятилетий скорее теряет, чем наращивает свое значение в странах региона. Ослабление значения труда в жизни восточноевропейцев считается очень важным процессом. Несомненные сдвиги в этой сфере тесно связаны с переходом к рыночной экономике и освоением людьми новых норм жизни. Примечательно, что оценка важности труда снижалась при значительном росте уровня безработицы, фактически ее появлении в странах региона после 1989 г.

Любопытна динамика оценок причин бедности. Тенденции ее различны для 1990-х и первого десятилетия 2000-х годов. В период осуществления рыночных реформ сокращалось убеждение, что бедность является порождением субъективных факторов (лени и недостатка силы воли) и росло – объективных, т.е. общественной несправедливости как главной причины социальных бед. Эта тенденция радикально изменилась в начале нового века, когда негативные общественные процессы периода реформ в условиях развернувшейся евроинтеграции оказались в значительной степени ослабленными или даже получали возвратную направленность. Народы региона, как правило, все больше видели причины бедности скорее в социальных факторах, а уже не индивидуальных, как в начале общественной трансформации³. По сравнению с западноевропейскими странами восточноевропейские остаются наиболее национально ориен-

¹Wartości i zmiany: przemiana wartości Polaków w jednoczącej się Europie, Warszawa, 2014, s. 63.

²Národní identity a identifikace. Česká republika. Visegrádská čtyřka. Evropska unie. Praha, 2015, s. 23.

³Strapcova K. Vnímání příčin chudoby na Slovensku. – Chudoba v slovenskej spoločnosti a vzťah slovenskej spoločnosti k chudobe. Bratislava, 2006, 265.

тированными в вопросе необходимости приоритетного трудоустройства населения перед иностранными рабочими и наиболее патриархальными в вопросе преимущественного трудоустройства мужчин перед женщинами при недостатке рабочих мест.

Выявлен еще ряд отличий обществ восточноевропейского типа от западных капиталистических культур. Так, уровень образования как критерий оплаты труда гораздо важнее в Восточной, чем в Западной Европе. Кроме того, если у западной популяции больше желание самостоятельного и интересного труда, у восточной – приоритет оплате труда и карьере. На Западе работники больше интересуются внутренними ценностями труда (инициатива, ответственность и др.), на Востоке более выражен интерес к его внешним ценностям (оплате, рабочему времени, отпуску и др.). Материально жители Восточной Европы меньше удовлетворены своим занятием, чем западноевропейцы, особенно что касается заработков¹. На Востоке больше людей хотело бы больше денег за большую работу по сравнению с западноевропейскими странами. Вместе с тем на Востоке гораздо более распространено убеждение, что «люди не должны работать, если не хотят» (до 90%), но полностью отрицается в ряде западноевропейских стран. Сторонниками труда ради денег являются 50–70% восточноевропейцев².

В сфере частной жизни догоняющие Запад процессы отчетливо проявились в виде демографического шока 90-х годов XX в. Однако несмотря на этот шок, когда беспрецедентно изменились все показатели естественного воспроизводства населения, не произошло снижения приоритетного значения семьи в жизни восточноевропейцев. Хотя и привело к распаду семейной организации и утрате традиционных жизненных ориентиров обедневших и опустившихся на социальное «дно» групп населения – «проигравших» от смены общественного порядка. Однако демографическое поведение высокообразованных слоев по-прежнему характеризуется как традиционное. Согласно оценкам социодемографов, несмотря на «догоняющие» эффекты, католические Словакия или Польша с их консерватизмом частной жизни, возможно, никогда не сравняются с демографическими параметрами Западной Европы. Существующее на протяжении веков

¹ Socioekonomické hodnoty, politiky a instituce v období vstupu České republiky do Evropské unie. Praha, 2006, s. 213.

² Večerník J. Work and job values in CEE and EU countries. Praha, 2003, p. 13.

деление на западную и восточную демографические системы и ареалы, как и два различных типа семейного поведения сохраняются и поныне.

Это связано не только со спецификой ценностной иерархии традиционалистических восточноевропейских народов, но и с сущностью либеральной трансформации Восточной Европы. Этот регион ускоренной, догоняющей модернизации с середины прошлого века прошел три ее четвертьвековых периода: индустриализация (1950–1960-е годы), урбанизация (1970 – 1980-е годы) и демографическая революция (1990-е – первое десятилетие 2000-х годов). Смена типа естественного воспроизводства населения и трансформация семьи по пути так называемого второго демографического перехода (на Западе начавшегося на рубеже 1960–1970-х годов, на Востоке – на два десятилетия позже) явились ключевыми процессами либерализации или демократизации Восточной Европы после 1989 г., ее вестернизации. По-польски это явление назвали формированием «нового сентиментального порядка» сферы семейной жизни.

Данные международного Европейского исследования ценностей (ЕИЦ) действительно свидетельствуют о произошедшей значительной модификации института супружества в регионе в последнюю четверть века. Так, например, с утверждением, что «брак является устаревшей институцией» в 2008 г. соглашалось 18% опрошенных в Польше, в то время как в 1990 г., т.е. 18 лет назад – втрое меньше. Кроме того, постепенно (с 73% до 65%) уменьшается доля людей, считающих брак необходимым условием счастливой жизни. Довольно много – 70% – опрошенных признают теперь незарегистрированные союзы, особенно с детьми¹. Формировались соответствующие времени образцы материнства, модифицирующие традиционный, особенно в XIX в. – эпоху шляхетской Польши, облик «польской матери», одновременно служащей благу Отчизны и преданной семье. Можно встретить представление о «менеджерском матриархате», существующем в этой стране, когда женщина, жертвуя собой, контролирует жизнь своей семьи. Подобную модель материнства называют «идеалистически-героической», а ее центральную фигуру – «суперженщиной» и «суперматерью», со времени социализма несущей двойную нагрузку – домашнюю и производственную. Изменился ли этот образ в период второго демографического перехода по-польски?

¹Wartości i zmiany, s. 51.

Польские социологи приходят к выводу, что семейная жизнь за два прошедших десятилетия претерпела значительные перемены в сторону прежде всего индивидуализации. Однако, по их мнению, это еще не означало «кризиса семьи». Имеющиеся данные опровергают тезис о движении польской семьи – по крайней мере в плоскости декларативной – в сторону западной модели с отличительным для нее «демократизмом» или «свободой» отдельных ее членов. И хотя сдвиги в представлениях людей очевидны, как свидетельствуют результаты чешских социологических исследований, заявления и реальное поведение могут не только расходиться, но и взаимно противоречить. Так, высокообразованные слои чешского общества со второй половины 1990-х годов все чаще действуют по принципу «передовые взгляды – традиционное поведение». Вербально соглашаясь с новыми, считающимися прогрессивными установками, они лично для себя предпочитают наиболее консервативные формы семейной жизни и оказываются в стороне от процессов трансформации демографического режима. Настоящим же объектом новых веяний (феномен матерей-одиночек и незарегистрированных союзов) являются в Чехии женщины с наиболее низким уровнем образования и социального положения, для которых смысл жизни, по их признанию, напротив, все больше сводится к семье. Однако 80% их первых детей рождается вне брака и в большинстве случаев даже вне партнерского союза с отцом ребенка, тогда как среди высокообразованных ровно столько же состоит в браке на момент рождения ребенка¹. Обнаруженная чехами сильная негативная зависимость нетрадиционных форм семьи от социально-экономического положения людей, значительно превосходящая влияние сдвигов в ценностных ориентациях, говорит не столько о сходстве общеевропейских тенденций развития, сколько о различиях в динамике демографического поведения западной и восточной частей Европы в самой их сущности.

Преимущественно негативные аспекты перемен выразились в появлении экономических барьеров при создании семьи и обзаведении потомством в условиях кризисного развития (чехи сравнивают происходящие в демографической сфере процессы с аналогичными процессами в стране в 1930-е годы). Это был период резкого роста социальных неравенств и формирования массовых слоев общества, длительное время существу-

¹Chaloupková J., Soukupová E. Postoje k manželství. Nesezdanému soužití a rodičovství mimo manželství. Mimomanželská plodnost v ČR. Praha, 2007, s. 47; Hamplová D. Úvod. – Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989: sociální a ekonomické souvislosti. Praha, 2006, s. 8.

ющих на социальные пособия. Демографический шок конца XX в. выразился в резком спаде рождаемости и заключенных браков, скачкообразном росте числа внебрачных рождений.

Несмотря на эти процессы значение семьи в жизни поляков остается «крайне важным» для 90% опрошенных. Понимаемая под семьей супружеская пара с детьми как традиционная модель брачного союза особенно широко признается в Восточной Европе, и прежде всего в Польше. По данным ЕИЦ, приводимым поляками, в Западной Европе и тем более скандинавских странах популярность этой модели гораздо меньше – 54% в 2008 г. Одобрение семьи из одного родителя как главный процесс современной семейной трансформации распространено прежде всего в скандинавской группе стран и практически не касается восточноевропейцев¹. Среди них свыше 80% опрошенных считает, что у женщины должны быть дети для ее самореализации в жизни, тогда как для западноевропейцев аналогичный показатель вдвое ниже – не превышает 40%. Очевидно, трудностями современного существования в целом восточноевропейской, и в частности польской, семьи объясняется тот факт, что, несмотря на большое значение в ней детей, жизненная удовлетворенность людей, имеющих их, чаще бывает ощутимо ниже по сравнению с бездетными. В Западной Европе, и прежде всего скандинавских странах, ситуация противоположная. Современных восточноевропейских женщин даже называют жертвами господствующих в обществе культурных норм, которые предписывают им иметь детей. Следование этим нормам в существующей ситуации не приносит им счастья. Еще одно наблюдение, касающееся только восточноевропейской семьи, – наличие ребенка при отсутствии партнера также снижает уровень удовлетворенности, особенно женщин. Дети не компенсируют им недостаток супруга, а, напротив, создают повод для недовольства².

Подводя итог анализу семейных ценностей, можно сделать вывод: нынешние представления жителей региона во многих отношениях по-прежнему гораздо больше похожи на восточно-, чем западноевропейские.

Не менее интересны выводы, полученные из анализа динамики моральных и религиозных ценностей людей после 1989 г. Эта проблематика традиционно является ключевой для польской социологии в силу ее

¹ Wartości i zmiany, s. 56.

² Hamplová D. Proč potřebujeme rodinu, práci a přátele. Šťěstí ze sociologické perspektivy. Praha, 2015, s. 99.

наибольшей значимости для католической страны. Во втором десятилетии системных сдвигов исследователями фиксировалось отчетливое ослабление нравственности как инструмента общественного контроля, политизация морального дискурса и быстрораствующая релятивизация моральных ценностей вплоть до определения существующей ситуации как «моральной паники» или «моральной революции» после вступления в Евросоюз. Оказывается, согласно данным ЕИЦ, на рубеже XX–XXI вв. в большинстве европейских стран свыше половины опрошенных высказывало мнение, что не существует установленных на все случаи жизни принципов, позволяющих отличить добро от зла, которые строго ситуативны. И лишь только Польша в 1999 г. была единственной страной в Европе, где преобладало (51%) убеждение о существовании четких и несомненных моральных принципов, касающихся каждого человека и в любой ситуации. Причем, к 2008 г. доля таких людей возросла до 53%¹, т.е. моральный релятивизм пока в Польше в отличие от других стран Европы не является преобладающим. По сравнению с соседними государствами (Чехия, Словакия, Венгрия) в целом уровень морального релятивизма в Польше, особенно в среде многочисленных верующих, самый низкий. А в среднем в Восточной Европе он ниже по сравнению с западноевропейским. Таким образом, конкретные данные опровергают миф об упадке морали и эрозии нравственного сознания в современной Польше, хотя постепенно в этой сфере в начале нового века наблюдались некоторые сдвиги. Польское общество, не прошедшее через глубокие культурные перемены, аналогичные обществам западного типа, демонстрирует и поныне выраженный консерватизм.

Хотя даже для большинства поляков костел уже не служит проводником по жизни, а религия теряет свое значение, они по-прежнему считают себя католиками и людьми религиозными. Это во многом обусловлено дефицитом альтернативных форм идентичности, укореняющих людей в общественной жизни. А религия по-прежнему остается единственной системой, структурирующей повседневную жизнь поляков и придающей ей смысл.

Совокупность сдвигов в сфере политики и гражданского общества, раскрывают их истинную сущность в посткоммунистическом мире.

¹Wartości i zmiany, s.165.

Данные 2009 г. демонстрируют крайне низкий престиж власти в современной Польше. Она характеризуется как некомпетентная, не заслуживающая доверия, не служащая людям и не воплощающая принципы равенства. По этим показателям в прошедшее 20-летие наблюдалась значительная понижающая тенденция. Так, доверие государственной власти сократилось с 78,8% в 1989 г. до 30,7% в 2008 г., в парламент – с 78,9% до 19,0%, в правительство – в 1995–2008 гг. с 38,7% до 21,8%¹. Вместе с тем доверие политическим институтам является основой легитимации политической системы. С показателями доверия коррелирует динамика оценок системы правления в Польше, систематически негативная. В то же время ожидания людей по отношению к государственной власти в период трансформации не сокращались, поддержка государственного интервенционализма оставалась сильной. Ответственность государства в сфере занятости трудящихся считается несомненной.

Ожидания в сфере уменьшения различий в доходах особенно показательны. По мнению поляков, как и их соседей по региону, государство должно обеспечивать равенство – абсолютную общественную ценность для безусловно эгалитарно ориентированного центральноевропейского населения. Решительная поддержка сокращения материальных различий в рассматриваемый период возросла в Польше на 20 процентных пунктов. И сам этот постулат не подвергался сомнению, его сторонниками являлись 61,5% населения в 1988 г. и 84,6% в 2006 г.² Необходимость ликвидации материального неравенства сочеталась в сознании людей с растущей ориентацией на равенство доходов. От решительного отказа от экономического эгалитаризма периода социализма в начале периода трансформации в последующем совершился переход польского общества – и не только его – ко все большему принятию принципов материального равенства. Это был сдвиг от широко распространенного сознания несправедливости довольно слабых различий в оплате низко- и высококвалифицированного труда к существованию в ситуации резкой дифференциации оплаты труда, далеко не всегда легитимной. Таким образом, польским обществом принимаются постулаты широкой сферы ответственности государства.

Как свидетельствуют данные ЕИЦ, не только Польша, но и Восточная Европа в целом «правее» Западной. «Парадоксальный человек», по опреде-

¹ Ibid., s. 215.

² Ibid., s. 221.

лению российского социолога Ж.Т. Тощенко, не так давно повернувшийся к рынку и свободе, выше ценит их, демонстрируя традиционно больший этатизм, доверие к государственной форме собственности и ожидание активной роли государства в общественных делах. Восточноевропейская модель гражданственности отличается от западноевропейской, скандинавской и американской также сочетанием сильного политического отчуждения, низкого доверия власти, с одной стороны, и ожиданием более широких функций государства, большей от них зависимости и низкой предприимчивостью – с другой. Негативный образ власти и политиков приобретает в посткоммунистическом мире все большее значение в условиях завышенных общественных ожиданий от государства. Но для Польши синдром «парадоксального человека», обнаруженный в России, наиболее характерен.

Особенностью политической самоидентификации поляков является соединение мировоззренческого традиционализма с левыми взглядами в экономической сфере, что сами они и называют консерватизмом. В противовес политическим взглядам западного типа польский консерватизм отличается соединением традиционных обычаев и религиозности с поддержкой государственной интервенции в сфере экономики. Любопытно, что самоидентификация поляков по право-левой политической шкале определяется исключительно степенью тяготения к мировоззренческому либерализму и не связана с экономическими взглядами. Даже сторонники партий левого толка в такой же степени исповедуют одновременно моральный консерватизм и экономический либерализм, как большинство общества. Таким образом, экономический либерализм негативно коррелирует с левыми политическими взглядами только в странах Западной Европы, тогда как в Восточной Европе отсутствует связь между декларируемыми левыми воззрениями и экономическим либерализмом¹. Отождествление себя с левыми или правыми зависит у поляков от выбора политической партии. В результате складывается ситуация, противоречащая классической политической теории, согласно которой политическая идентичность должна определять политическое поведение личности, а не наоборот. Особенность современной Восточной Европы заключается в предопределенности самоидентификации политическим выбором. Это соответствует тезису о том, что в постсоциалистических странах деле-

¹Ibid., s. 265.

ние на правых и левых не опирается на стабильные мировоззренческие представления. В этом регионе совершенно отличные от западных формы политической идентичности.

Жители Восточной Европы в целом меньше, чем западноевропейцы, интересуются политикой, она для них – даже членов политических партий и людей, активно в них работающих, – реже «крайне важна». На Западе более активны сторонники большей роли государства, недовольные своей жизнью, тогда как на Востоке – напротив, сторонники рынка, «правых», довольные своей жизнью и ситуацией в стране. Т.е. в первом случае люди недовольные своими действиями пытаются поправить положение, а во втором – с политикой связаны, скорее, бенефициары перемен. Аналогичная польской закономерность отмечалась чешскими и словацкими социологами¹. По их данным, люди высокообразованные и наиболее удовлетворенные развитием демократии проявляют почти вдвое большее, чем все население, стремление участвовать в разрешенных демонстрациях. Неудовлетворенность непосредственно не связана с протестным поведением, которое служит скорее выражением потребности дальнейшего улучшения собственного положения. Готовность участвовать в протестном движении демонстрируют люди образованные, толерантные, во всех отношениях либерально-ориентированные, наибольшие противники традиционных ценностей и сторонники – постматериалистических, релятивистских, наименее религиозные, но более склонные к оккультизму, продемократически настроенные и, наконец, особенно негативно оценивающие социализм и позитивно – перемены после 1989 г. и верящие в свободный рынок как их главное идеологическое содержание.

Так какой же социокультурный смысл скрывается за понятием конвергенция с Западом или «возвращение в Европу»? Провозглашавшийся универсальный характер так называемой «имитационной модели трансформации» основывался на идеализации капиталистического Запада, якобы представляющего из себя целостное пространство, куда до периода социализма будто бы входили Польша или Чехия. В постсоциалистический период сфера культуры действительно приобрела ключевое значение в жизни восточноевропейцев, став ареной противостояния национальных

¹ Kusá Z. Politika a spravovanie krajiny Výskum európskych hodnot. 1990–1999–2008: slovenská a česká spoločnosť: analitická publikácia. Bratislava, 2009, s. 120–160.

и импортированных с Запада ценностей. Событиями «культурной войны» можно считать изменение системы ценностей восточноевропейцев в период их вестернизации. В годы трансформации они входили с более важными ценностями семьи, труда и религии в их жизни и менее важными – друзей, знакомых, свободного времени. В последующем происходила унификация восточноевропейской системы ценностей с западноевропейской. Она выразилась в эрозии традиционного образа семьи, росте за счет семейных связей значения друзей и знакомых, снижении важности изначально намного более значимых для жителей посткоммунистического региона показателей трудовых ценностей. Причем уровень их удовлетворенности трудом и ощущение степени свободы в принятии решений в процессе труда стали ниже западноевропейских, а восприятие труда как ценности инструментальной – дающей заработок – значительно важней, чем в среднем по Европе. В основе этого процесса был распад существовавшей при социализме идеологии труда и переход к доминированию потребительской идеологии. С процессами секуляризации, хотя и медленными, дезинтегрировалось и единство церкви, религии, культуры и общества. Данные ЕИЦ 1990, 1999 и 2008 гг. свидетельствуют о снижении участия в политике и интереса к ней. Демократия признается, но ее функционирование воспринимается во всех посткоммунистических странах негативно. Европейская идентичность жителей региона в целом крайне низка, большая часть их считает, что она существует только для заинтересованных – тех, кто получают выгоду от ее существования. Вместе с тем общности европейской культуры и истории придается меньшее значение¹.

В посткоммунистических странах в 1990-е годы на первый план вышли самосохранение и безопасность. Там значительно реже, чем в Западной Европе, проявляется удовлетворенность различными аспектами жизни, потребность в общественно-политической активности, доверие и толерантность, поддержка демократии. Страны Центральной Европы – Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, а также Словения расположены на границе Западной и Восточной Европы не только в географическом, но и ценностном смысле: между преимущественно традиционалистической (наиболее сильной в Польше), светско-рационалистической (приоритетно – Чехия),

¹ *Nikischer R. Teritoriální identita obyvatel střední Evropy: komparativní analýza zemí Visegrádské čtyřky. Praha, 2015.*

материалистической (особенно в Венгрии) и постматериалистической (чаще в Чехии и Словении) культурами¹.

Важно подчеркнуть, что вопреки все еще бытующим в либеральной среде – и в России, и в странах региона – суждениям о прошедшей период посткоммунистической трансформации центральноевропейской действительности как эталонно-превосходящей и совершенно отличной от российских реалий, конкретные социологические исследования наших ближайших западных соседей демонстрируют многочисленные общерегиональные параллели и идентичности.

Неудивительно в этом контексте, что большая часть населения центральноевропейской четверки остается индифферентной по отношению к европейской идентичности, считая, что она существует только для некоторых – тех, кто получает от нее выгоду. Перманентный в постлиберальную эпоху кризис легитимности политической системы общества восточноевропейского типа, означающий кризис доверия в демократические институты, предельное отчуждение от политики и политиков, в сочетании с экономическим кризисом создает и воспроизводит критические взгляды и негативные чувства по отношению к Евросоюзу.

В целом, несмотря на интенсивную имитацию на рубеже веков западных идеалов и практик, сохраняется культурно-цивилизационное отличие стран региона. Как свидетельствуют объективные данные по Словакии, ее общественное развитие и до, и после евроинтеграции не только отличалось от тенденций динамики западного типа, но даже шло вразрез с ними. Поэтому можно говорить скорее не о смене после 1989 г. траектории развития Центральной и Восточной Европы на западную, а о новом, посткоммунистическом или либерально-демократическом этапе восточноевропейского пути развития.

Как утверждают социологи, даже наиболее западное чешское общество ни в коем случае не является однозначно «просистемным»: демократию здесь предпочитает менее половины населения. В польской среде господствует интуитивное или осознанное представление, что существующая система не соответствует национальным цивилизационно-культурным характеристикам.

В противовес «либеральным 90-м» в последнее десятилетие в Центральной и Восточной Европе, наблюдаются противоположные западным

¹Wartości i zmiany, s. 337.

странам процессы делиберализации общества¹ Национальная идентичность, характерная совокупность ценностей коллективизма, эгалитаризма, социальной справедливости и консерватизма, приоритет частной сферы над общественной, патриотические идеи, считавшиеся в конце XX в. «старым хламом, мешающим на пути региона в Европу», на наших глазах возрождаются². Более того, можно встретить мнение, что действительно европейскими страны региона были в период существования индустриального общества³. Не только в материальном отношении, но и в смысле человеческого достоинства и уважения рабочего класса крушение социализма и демократизация не привели к адаптации к европейским/западным ценностям, напротив, они еще больше дистанцировались от Европы. Сербский рабочий заключает: «Мы были в намного большей степени частью Европы при социализме, чем сейчас». Глубокое различие востока и запада Европы сохраняется в условиях их расходящихся исторических путей⁴.

¹ Individuals and households in the Czech Republic and CEE countries. Praha, 2010, p. 188.

² Plečtitá K. Národní identita a vztah k Evropské unii. Česká republika v zapadno-středoevropském srovnání. Praha, 2012, s. 14.

³ Petrović T. "When we were Europe": Socialist workers in Serbia and their nostalgic narratives: the case of the cable factory in Jagodina. – Oral history and anthropology. New York, 2011.

⁴ National and European? Polish political elite in comparative perspective. Warszawa, 2010, s. 12; Tożsamość. Zaufanie. Integracja. Polska i Europa. Warszawa, 2015.

Глава 2. ПОЛЯКИ

2.1. Первая в регионе революция сознания

Революции 1989 года в Центральной и Юго-Восточной Европе, а в еще большей степени их прообраз – польская революция «Солидарности» 1980–1981 годов – получили определение не только «бархатных» и «нежных», но со временем стали называться «символическими перформансами»¹, сконструированными протестными действиями с целью политической мобилизации людей. Движение «Солидарность», по оценкам польских обществоведов, вобрало в себя множество смыслов, но зарождалось оно, конечно, как рабочее движение, вырастая из традиции социалистических и коммунистических движений, опираясь на богатый практический опыт протестных выступлений польских рабочих в 1956, 1970, 1976 гг. Одновременно это было движение национально-освободительное, за деприватизацию религии, за восстановление человеческого достоинства, *non violence*, а также карнавал, ритуальное восстание. Коренная смена социокультурной идентичности народов региона стала их «путем к свободе». Сама эта смена, получила название Великой трансформации (К. Поланьи) или проявления глобального Великого разрыва (Ф. Фукуяма), – подразумевая в обоих случаях формирование новой системы базовых ценностей, мировоззренческих основ всей жизнедеятельности. Польский социологический архив позволяет

¹ Halas E. Symboliczna konstrukcja Solidarności: konflikt interpretacji i politika pamięci. – Oswajanie wielkiej zmiany. Warszawa: UW, 2007, s. 467.

представить смысл и сценарий этого исторического события наиболее достоверно и полно.

К началу 1980-х – спустя три десятилетия осуществления программы социалистической модернизации (понимая под социализмом «иное воплощение индустриализма») – завершается превращение преимущественно сельского и аграрного общества стран региона в промышленное, городское, высокообразованное. Однако только 15% польских семей, по данным *Я.Василевского*, имело тогда городские корни¹.

Польша, среди стран региона обладающая наиболее традиционалистическим типом культуры, тем не менее, первой вступила на путь подлинного переворота сознания. Революция сознания фактически состоялась здесь уже к середине 80-х годов. То, что Польша первой в восточном блоке отказалась от системы советского типа, *М. Жуковский* связывал не столько с приверженностью ее граждан к ценностям современного типа, сколько, напротив, со всплеском ценностей традиционных на исходе социомодернизации². Результативность движения «Солидарность» в немалой степени объясняется как раз тем, что оно на короткое время заполнило характерный для страны «вакуум» базисных идентичностей среднего уровня между семьей и нацией (польское общество *Ст. Новак* назвал «федерацией семей, объединенных в национальное сообщество»). Уже с середины 1970-х годов в Польше начинается период возрождения традиционного образа нации как культурного единства, главным носителем которого всегда выступала писательская интеллигенция. Идея этничности связана здесь с идеей демократизма, выражавшейся в стремлении высокообразованной молодежи расширить участие трудящихся в управлении.

К этому времени «домашний социализм» с его абсолютным приоритетом частной сферы жизни свел официальную, институциональную сторону существующего строя к внешним, ритуальным проявлениям. Лирическая и патриотическая модели польского социализма не противоречили важнейшим положениям социального учения церкви. На этой почве укоренялись близкие народам региона идеи солидарности, национального единства, патриотизма, самоуправления, из которых и возникло протестное движение «Солидарность». Характерно, что недо-

¹ *Wasilewski J.* Społeczeństwo polskie, społeczeństwo chłopskie. – Studia socjologiczne. 1986. N 1.

² *Ziolkowski M.* On the diversity of the present: suspended between tradition, the legacy of socialism, modernity and postmodernity. – Polish sociological review. 1998. № 1, p. 29.

вольство своим уровнем жизни долгое время не находило выражения в росте материалистических установок населения. Они были распространены в Польше даже меньше, чем в странах Запада с высоким уровнем благосостояния и стабильной экономикой. Дело было не в самой удовлетворенности поляков своим материальным положением, а скорее в их ощущении защищенности и безопасности – экономической и физической. Доля лиц с постматериалистическими ориентациями в Польше, по данным 1980–1984 гг., была одной из максимальных на фоне наиболее развитых стран¹.

Поколение восточноевропейских «бунтарей» вышло на общественно-политическую сцену уже не в 20 лет, как западные сверстники, участники «молодежной революции» конца 1960-х годов, или начала периода посткапитализма, а в 30–40 лет. В этой генерации восточноевропейцев, рожденных и выросших в условиях системы советского типа, было наибольшее количество и искренних сторонников идеи социализма, и приверженцев постэкономических ценностей. При слабой дифференциации заработков и отсутствии безработицы, когда экономическая сторона труда действительно в сильной мере утратила свое значение, молодое поколение было сориентировано на личностное развитие и творческое самовыражение. Уровень образования послевоенного поколения (1950-х годов рождения), выросшего при социализме, значительно, в Польше драматически превосходил образование его отцов и матерей. Высокообразованная часть общества молодого возраста остро ощутила дефицит возможностей самореализации, повышения качества жизни, участия в принятии решений. Этих людей, происходивших из благополучных слоев, объединила не социальная принадлежность или экономические интересы, а протестная культурно-политическая ориентация. Она характеризуется как сугубо «постматериалистический феномен». За ним стояло стремление тридцатилетних противопоставить себя «более материалистическому» старшему поколению с иным социальным происхождением. Молодая интеллигенция с ее нонконформизмом, нематериализмом, стремлением к демократизации общества больше не укладывалась в рамки «домашнего социализма» с его спокойным, достаточно обеспеченным, обывательским существованием. Что особенно отличало польских нематериалистов-романтиков, которых

¹Siemienska R. Społeczeństwo polskie wobec wartości materialistycznych i niematerialistycznych w perspektywie międzynarodowej. – *Studia socjologiczne*. 1988. № 4, s. 155–156.

сформировала историческая традиция борьбы за национальную независимость и высокий уровень религиозности.

Польский романтизм особый – политический. В основе его находится эмоционально окрашенный патриотический и героический этос, ценности свободы, справедливости, человеческого достоинства и национальной солидарности. Глубоко укоренившись в культуре, польский романтизм традиционно служил философией борьбы за независимость. В конечном счете, именно политический романтизм и составил доминанту социокультурного облика массовой, национально ориентированной восточноевропейской молодежи, прежде всего польской. В конце 1970-х годов в условиях экспансии неотрадиционализма как реакции на рационализм соцмодерна романтизм пережил время своего возрождения. Господство его в эти годы в жизни региона предопределило эмоциональный, образно-символический подтекст зарождавшихся политических процессов, идеалистическое восприятие общественных реалий и путей их изменения. Имматериальные механизмы и стимулы жизнедеятельности до конца XX в. оставались важной стороной поведения и сознания, что свидетельствовало о сохранении их мощных традиционалистических пластов. Фундамент традиционализма – религиозные и семейные ценности – возрождался в среде городского образованного класса. Новое «дыхание» получил сам традиционный этос интеллигенции, казалось бы, угасший в 1950-е годы. Под воздействием литературной классики, хранящей дух вольнолюбия, и кинематографа, получившего в Польше название «кино морального беспокойства», возрождалась историческая память о «старой» интеллигенции, о борьбе за независимость.

Нарождающемуся в рабочей и крестьянской среде в 1970-е годы буржуазному стилю жизни молодая интеллигенция противопоставила культуру нематериалистическую, ориентированную на идеалы высокой духовности. Утомленное жизненным укладом «домашнего социализма», первое массовое поколение национальной интеллигенции болезненно ощущало несовершенство жизни и воспринимало себя в роли первопроходца постматериалистического будущего человечества, пытаясь доказать, что между материальным благополучием и ощущением счастья нет прямой зависимости.

Сложившаяся на основе осуществления социалистического модерн-проекта система ценностей поляков оставалась относительно стабильной в течение четверти века – до начала 80-х. «Переворот сознания» произошел стремительно. Сформировалась генерация, ставшая выразите-

лем и движущей силой кризисных событий. «Поколение «Солидарности», как и, например, «поколение 1968 года», обладало общностью сознания и поведения, представлений о причинах и последствиях происходящих событий, характера участия в них. Парадокс заключался лишь в том, что речь шла о генерации «питомцев» социалистической системы – рабочем классе и интеллигенции, превратившихся в «бунтарей» против ее порядков. Именно они, получившие значительный, но нереализованный образовательный, духовный потенциал, при недостаточном социально-политическом опыте явились проводником в жизнь радикальных общественных перемен. Они остро ощутили возникший вакуум целей и ценностей в развитии общества и были открыты для восприятия любых альтернатив существующей системе.

Дезинтеграция ценностного фундамента общества подготовила великий перелом в сознании народов региона, процессы «перестройки», предшествовавшие смене строя на рубеже 1980–1990-х годов. Провозвестником антикоммунистических революций в странах Восточной Европы и явилась польская революция «Солидарности», которой завершился период консервативной (социалистической) модернизации во всем регионе. С нее же начинается длительный путь общественной трансформации по пути капиталистического развития и поворот к Западу. В авангарде перестроечных процессов, связанных с изменением системы представлений и ценностей восточноевропейцев, находилась Польша, народ которой характеризуется своей «нетерпеливостью»¹ и склонностью к «острым» формам протестной активности², а также всплеском значения именно традиционных, а не современных ценностей³.

Оппозицию коммунистическому режиму в Польше, как впоследствии и в других странах региона, составляли даже не конкретные социальные силы и не интересы отдельных групп общества, а эмоционально окрашенные идеалы и ценности. Приоритет ценностей над интересами отличает человека традиционного общества, как до известной степени и общества постмодерна, от материалистически и рационалистически

¹ Ziolkowski M. Pragmatyzacja świadomości i pluralizm strategii przystosowawczych polaków w latach 1988–1999. – Ruch prawniczy, ekonomiczny i sociologiczny. 1999. № 3/4, p. 267.

² Adamski W. Protest społeczny: aprobata – uczestnictwo – stosunek do represji – Polacy' 81. Postrzeganie kryzysu i konfliktu. Warszawa, 1996, s. 149.

³ Ziolkowski M. On the diversity of the present: suspended between tradition, the legacy of socialism, modernity and postmodernity. – Polish sociological review. 1998. № 1, p. 29.

ориентированного человека эпохи модерна. В движение «Солидарность» вошло подавляющее большинство квалифицированных рабочих, свыше половины интеллигенции и членов ПОРП. «Солидарность» изначально представляла собой культурно-политическое движение. Оно создало новую мировоззренческую общность на месте только что утерянной после распада системы ценностей периода соцмодернизации.

Польская «Солидарность» вошла в мировую историю как наиболее яркий пример противостояния общества и государства, воплощенного в «руководящей роли компартии». Стремление к самореализации личности, к получению «равных шансов для каждого» захватило умы граждан. Сплотившись в движение «Солидарность», они действительно ощутили себя коллективной силой. Особенно большое влияние оказал на страну с населением, 90% которого составляют католики, визит папы римского польского происхождения в 1979 г. Он способствовал укреплению чувства национально-религиозной идентичности и переходу к мобилизационному этапу общественного развития. Успех забастовочного движения усилил надежды на скорые перемены.

Непримиримое противостояние общества с властью началось после введения военного положения в декабре 1981 г. Оно предопределило последующее развитие событий, подготовивших поляков к радикальной смене всего уклада их жизни и системы ценностей. Противостояние имело неотрадиционалистский, ценностно-символический характер («мы и они»), было овеяно ореолом героико-романтическим – религиозным и патриотическим. «Нематериалистическим» был сам феномен «Солидарности», появившийся и фактически исчезнувший, выполнив свою историческую роль. Для понимания процессов перестройки общественного сознания в период между двумя Великими трансформациями анализ этого феномена имеет ключевое значение. По мнению польской исследовательницы Я. Станисзкис, культурная революция, обернувшаяся политической революцией состоялась под влиянием двух главных факторов – реанимации понятия «Центральная Европа» как альтернативного остальным геополитическим обозначениям региона и социалистической системы, во-первых, и феномена «Солидарности» – во-вторых¹. Последний активизировал массы, придав политический смысл чисто моральным категориям, близким и понятным каждому, таким как «борьба добра со злом».

¹Staniszczk J. Post-communism. The emerging enigma. Warszawa, 1992, p. 264.

Движение «Солидарность» в качестве моральной революции могло возникнуть только в стране с таким высоким уровнем религиозности, как Польша. Люди здесь яснее представляли себе, «какими они должны быть или должны хотеть быть», чем «кто они и кем хотят быть». Только у польского народа с его негативной социальной и национальной идентификацией мог возникнуть подобный «коллективный субъект». Польский социолог Х. Доманьский ввел понятие «солидарного коллективизма» как отличительной черты польской нации, связанной с признанием значимости «общего дела», готовности самопожертвования ради него. Поляки более склонны интегрироваться и объединяться против чего-либо, чем за достижение общезначимой цели¹. Широко известно изречение одного из лидеров движения А. Михника: «Мы отлично знаем, чего не хотим, но, чего мы хотим, никто из нас точно не знает».

Сама идея солидарности особенно близка польской культуре – и массовой, народной, и высокой, элитарной. Она отвечает духу и христианской теологии, и идее общественно-политического предназначения польского романтизма с характерным для него максимализмом. Движение «Солидарность», согласно утверждению В. Веселовского, «глубоко укорененное создание польской культуры». «Солидарность» посеяла иллюзию скорых, желанных для всей нации преобразований. Она морально подготовила большинство поляков к последующему развитию событий, приведя их к принятию идеи смены общественной системы в 1989 г. Но этим дело не ограничилось. Вся Восточная Европа, как и народы бывшего СССР, в результате оказались на пороге смены культурно-цивилизационного генотипа, сохранявшегося в условиях консервативной модернизации.

Все началось в Польше, а затем и других странах региона с дестабилизации массового сознания и системы ценностей. Возникло состояние, близкое к культурному шоку, выразившееся в хаосе и неопределенности жизненных основ, взглядов, установок, представлений по важнейшим вопросам бытия. Исследование 1984 г. показало, что ровно у половины опрошенных поляков в прошедший после 1980–1981 гг. период оценка и интерпретация этих событий не совпадали с представлениями их друзей и знакомых, нередко противоречили им. Различия в политических взглядах подрывали сплоченность малых групп, внутреннее единство которых

¹ Marody M. The political attitudes of Polish society in the period of system transition. – Escape from socialism. The Polish rout. Warszawa, 1992, p. 264.

у народов региона было особенно прочно. Уже данные 1981 г. свидетельствовали о падении значения таких важнейших для поляков ценностей, как личная и семейная жизнь, домашнее хозяйство и рост квалификации¹. Утеря жизненных ориентиров вызвала нарушение социокультурной идентичности людей. В этой ситуации движение «Солидарность» взяло на себя роль недостающей национально-культурной общности. Она воспринималась и как общность политическая, все более решительно противопоставляющая себя социалистическому строю. Произошла политизация национального сознания, и нация воспринималась теперь, прежде всего, как политическое единство.

Процессы политизации захватили именно тех, кому в начале 1980-х было от 25 до 35 лет, т.е. «поколение Солидарности». Они, став социальной основой этого движения и заняв многие ключевые позиции в его организационных структурах, превратились в движущую силу ускоренной политизации всего общества. Старшие видели в молодежи бескомпромиссных и отважных борцов за принципы и ценности, общие для разных поколений. Более образованным «детям» «отцы» отводили роль лидера движения обновления. В этом заключалось своего рода разделение семейных ролей, соответствующее восточноевропейскому представлению о народе как «большой семье». Объектом политизации служил весь ценностный мир человека. Распространилось убеждение, что «нельзя быть нравственным, не занимая определенной политической позиции, и каждая политическая позиция имеет определенную нравственную окраску».

Процесс политизации массового сознания и системы ценностей населения Польши имеет четкие хронологические рамки. Это конец 1970-х – середина 1980-х годов, когда аналогичные процессы начались в остальных странах восточного блока, в том числе в СССР. Польша первой продемонстрировала образец массовой политической мобилизации в условиях смены общественного строя. Возможности его тиражирования в регионе были обусловлены общим типом развития составлявших его государств во второй половине XX в., его социальными итогами и последствиями.

«Революция сознания», состоявшаяся в Польше в первой половине 1980-х годов, а в большинстве других социалистических стран во второй их половине, сформировала массовую оппозицию системе. И в этом заклю-

¹ Bialecki I., Sikorska J. Potrzeby i aspiracje życiowe Polaków w sytuacji kryzysu. – Polacy' 81. Postrzeganie kryzysu i konfliktu. Warszawa, 1996, s. 13.

чалось ее историческое значение для судеб народов восточноевропейского региона, всего современного мира. Самое поразительное, что все «бархатные», эмоциональные всплески сознания, составлявшие сущность этой революции, были инспирированы самой марксистско-ленинской идеологией, сформировались на ее основе и направлялись на ее обновление и развитие, но не на ликвидацию. Социальную основу движения обновления составили крупнопромышленные рабочие и высококвалифицированные специалисты, госслужащие, воспитанные системой советского типа, образованные ею и «буквально воспринявшие тезис о своей ведущей роли в обществе»¹.

Польские данные 1978 г. свидетельствовали о том, что рабочий класс этой страны на исходе соцмодернизации был настроен наиболее решительно. У него отмечалось заниженное ощущение страха, беспокойства и завышенная самооценка, рождавшие авторитарные наклонности и нонконформизм, а также сознание своей общественной значимости, ощущение единства и стремление преодолеть всякое социальное неравенство. В 1980 г. рабочий класс почувствовал вкус к спонтанно-организованным коллективным акциям. Лозунг на воротах Гданьской судовой верфи гласил: «Пролетарии всех предприятий, соединяйтесь!», на митингах звучал национальный гимн. Движение имело выраженный патриотический и социалистический характер. Рабочие требовали воплощения в жизнь фундаментальных принципов социализма, чувствительно относясь к любым отклонениям от его доктрины. Не только в 1972–1974 гг. или 1978 г., но и в 1990 г., участвуя в антиправительственных акциях, люди хотели закрепления равенства шансов и прав, справедливого распределения материального вознаграждения в зависимости от величины трудового вклада («каждому по труду»), ликвидации социальных барьеров, демократического контроля над действиями власти, экономической безопасности. Таким образом, именно равенство и справедливость оставались приоритетными. Эгалитарная идеология, господствовавшая в 1950–1960-е годы, в забастовочном 1980 г. вновь пережила кратковременный, но интенсивный всплеск, сменившийся вскоре спадом, который продолжался до конца десятилетия.

Наибольшее массовое недовольство вызывали представители элиты, которую в то время составляли активисты ПОРП. Именно они персо-

¹ Społeczeństwo polskie przed kryzysem w świetle badań socjologicznych z lat 1977–1979 / Warszawa, 1987, p. 54.

нифицировали так болезненно ощущаемое поляками неравенство. Материальные привилегии представителей властных структур вызывали негодование рядовых граждан¹. В исследовании «Поляки-81» приводится высказывание лидера ячейки «Солидарности» на одном из крупнейших заводов, в котором он противопоставил «людей, имеющих дачи, виллы, дома, машины и т.п., и людей, всего этого не имеющих». Он задавался вопросом, «как смогли они приобрести все это, добиться такой судьбы за 20–30 лет?»². Еще в 1984 г. считалось, что уравнилельный «тип отношений» так глубоко укоренен в общественном сознании, что радикальная рыночная реформа не встретит массовой поддержки³. Эксперты говорили о необходимости перехода к системе, обеспечивающей, напротив, большие гарантии труда и справедливого вознаграждения.

Дестабилизация системы ценностей социалистического общества произошла в Польше в конце 1970-х годов, но отказ от идеи социализма – только десятилетие спустя. И в 1987 г. среди молодежи 58% в целом одобрительно относились к социалистической модели развития. Противоположного мнения придерживались 28,9%. И лишь два года спустя взгляды зеркально трансформировались; соотношение сторонников и противников социализма составило 28,8% и 60,4%. Или: в 1987 г. 69,9% молодежи считали, что социализм принес больше приобретений, чем потерь, или, по крайней мере, столько же, а 23,3% думали иначе; в 1989 г. пропорция составила уже 39,7% и 55%⁴.

Мало кто в то время задумывался над реальными последствиями происходившего. Вся общественная жизнь была пронизана мифологизмом, а массовые протесты имели характер преимущественно символический. Для общественных конфликтов в Восточной Европе в целом характерна театральная, ритуальная атмосфера. Особенно это относится к Польше, где наиболее сильны традиции политического символизма⁵. Саму революцию «Солидарности» Я. Станисзкис считает попыткой создания молодым поколением новой утопии, когда сами радикальные оппоненты режима

¹ Wesolowski W., Wnuk-Lipiński E. Transformation of social order and legitimization of inequalities. – Escape from socialism. The Polish rout, p. 92.

² Цит. по: Kolarska-Bobinska K. Social interests, egalitarian attitudes and the change of economic order. – Social research. N.Y., 1988. № 1/2, p. 125.

³ Ibid., p. 112.

⁴ Marody M. On Polish political attitudes. – Telos. Fall 1991. № 89, p. 109.

⁵ Staniszkis J. Forms of reasoning as ideology. – Telos. Winter 1985–1986. № 66, p. 69.

одновременно принадлежали к числу приверженцев его фундаментальных черт. Этос романтического героизма и мессианства, сочетание религиозных мотивов и патриотических целей составляют политическую традицию Польши. Программа «Солидарности» производна от нее, как и от подсознательно воспроизведенных в современном облике национальных и христианских ценностей¹. Основу этой программы составила концепция коллективной социальной ответственности, автором и исполнителем которой стал образованный класс. Он сформировался по канонам польского романтизма, культа трагического героя, подчинения политической активности моральным требованиям и приоритета эмоций над рационалистическим типом поведения. Все это – результат огромного влияния художественной литературы на формирование политической традиции страны в XIX в. Это влияние усиливалось во время войн и общественных кризисов XX в. Оно характерно и для 1948–1989 гг., когда литература выполняла роль «невидимого правительства», а «польским героем» был, по выражению *И. Курчевской*, идеальный с моральной точки зрения представитель сообщества, католик, защитник наследия национальной культуры, но не гражданин в представлении западной демократии². Ценности революции «Солидарности» характеризуются как фундаменталистские, а сам этот феномен назван «красивым, но политически опасным». «Красивая болезнь» 1980–1981 гг., связанная с появлением и крахом «Солидарности», обернулась «польской драмой»³.

Борьба за национальное самоопределение одновременно с коллективной оппозицией компартии послужила мощным мобилизующим фактором. Как и в классических национальных движениях XIX в., дух самопожертвования во имя патриотических и гражданских символов объединил общество. Требование «Солидарности»: «Мы хотим, чтобы Польша стала Польшей», – оказало большое эмоциональное воздействие. Но непонятным оставался ответ на вопрос, о какой Польше идет речь. «Солидарность» представляла собой «ценностно-ориентированный монолит», а не сообщество заинтересованных в достижении конкретных целей групп общества. Разделительная линия между противоборствующими

¹ *Kurczewska J.* Democracy in Poland: tradition and contexts. – Democracy, civil society and pluralism. Warszawa, 1995, p. 73.

² *Ibid.*, p. 85, 87.

³ *Staniszki J.* The political articulation of property rights. – Crisis and tradition. Polish society in the 1980s. N.Y., 1987, p. 53.

щими сторонами пролегла не в социальной или классовой плоскости, а в ценностной, т.е. культурной, точнее культурно-политической или социально-психологической. Фактически общественная функция этого движения, как и последующих «бархатных» революций, свелась к разрушению коммунистического режима. Однако этос «Солидарности», провозглашавшиеся ею идеалы были бесконечно далеки от социокультурной реальности общества либерально-демократического типа, от рыночной экономики, частной собственности, политического плюрализма, западной демократии. Аналогом последней в Польше всегда служила шляхетская демократия, тесно связанная с понятиями «равенство» и «коллективизм». Для нее характерна вера, что «все возможно, но ничего нельзя сделать»¹. Солидарность как тип культуры, несмотря на свою антикоммунистическую направленность, тяготела скорее к предшествующему периоду консервативной модернизации с ее неотрадиционалистским заключительным этапом, чем к сменившей его эпохе прагматизма.

Уже в 1980-е годы начался переход от эмоционально-символической, ценностной основы жизнедеятельности к материалистической. В польском общественном сознании, пребывавшем в состоянии мировоззренческого хаоса, происходили важные сдвиги: шла адаптация к рыночным принципам экономической жизни. Изменения в ментальной плоскости получили название «перестройки», или «революции сознания». Они имели выраженный стадиальный характер, отработанный на польском опыте и затем распространенный на всю Восточную Европу. А именно. Процессы политизации сознания под влиянием культурного, психологического шока, вызванного революцией «Солидарности» и вызвавшего небывалый духовный подъем, вскоре сменялись процессами его экономизации, «приземления» нравов. Побеждало стремление к смене общественной системы, но уже не ради абстрактных идеалов морального обновления, а в ожидании роста личного благосостояния.

Ухудшение в самом начале 1980-х годов после «декады успехов» материального положения населения имело далеко идущие для судеб общественного развития последствия. Спад уровня жизни происходил одновременно с появлением новых, прежде не существовавших источников получения доходов. Открывая возможности дополнительных заработков на негосударственных предприятиях, люди приходили к идее смены си-

¹ Zająkowski A. Szlachta Polska. Warszawa, 1993, s. 57.

стемы, уже не удовлетворявшей их материальные потребности. Снижение жизненного уровня еще могло бы быть принято старшим поколением, которое в Восточной Европе составляли преимущественно выходцы из малообеспеченных слоев крестьянства, «эмигранты из бедности», готовые к новым лишениям. Однако падение благосостояния было неприемлемо для второго поколения образованных горожан, ориентированного на западные стандарты потребления. Они уже не ощущали «поступательности развития» и жизненной перспективы, которую в свое время давало «отцам» участие в восходящих социальных перемещениях.

Одновременно происходила девальвация труда в госсекторе экономики. Он стремительно терял свое значение детерминанты благосостояния индивида и его семьи. Большинство даже считало, что «мало чего можно достичь трудом» и «я теряю веру в возможность достичь чего-либо с помощью труда». Свыше четверти опрошенных, а среди высокообразованных слоев 42% констатировали снижение всякого желания трудиться¹. Параллельно шел рост занятости в частном секторе экономики, главным образом в торговле. Неожиданно общество приняло высокие доходы «частников», оправдывая их высокой степенью риска предпринимательства. Вместе с тем аналогичные доходы в госсекторе, особенно у управленцев, вызывали протест.

Революция «Солидарности» действительно была высшей точкой сплочения нации. В 1980 г. все группы общества обладали схожими взглядами и представлениями. А уже в 1981 г. начался процесс их социальной дифференциации. Первой жертвой его пал базисный для социалистического строя союз рабочих и крестьян, распался и альянс квалифицированных рабочих и интеллигенции. Духовное единство общества, существовавшее в 1980 г. на волне политизации массового сознания, исчезало. Основу единства рабочих и служащих составляли общие эгалитарные устремления. Однако с 1984 г. (польская социология может датировать этот процесс с точностью до года) взгляды и интересы интеллигенции и рабочего класса эволюционировали в противоположном направлении. Динамика их материального и социального положения уже тогда значительно различалась. Политизированная и стремящаяся к улучшению материального положения интеллигенция, госслужащие, сомкнувшись с реформаторским крылом компартии, привели Восточную Европу ко второй Великой транс-

¹ Sarapata A. Society and bureaucracy. – Escape from socialism, p. 104.

формации. Стремительная перемена социокультурного облика самой интеллигенции породила драму ее социальной деградации в условиях рыночных реформ следующего десятилетия.

Эгалитарная идеология господствовала в Польше в период социалистической модернизации. Именно в массовом эгалитаризме наиболее отчетливо проявлялись системные источники сохраняющегося традиционализма. Процесс неуклонной смены эгалитарного типа сознания на неэгалитарный или антиэгалитарный составил основу трансформации мировоззрения восточноевропейца. Именно поэтому он находился в центре внимания социологов Польши, первой осуществившей «бегство из социализма».

Ментальная революция, «польская перестройка» произошла, как и повсеместно в Восточной Европе, в условиях экономического кризиса и падения уровня доходов населения начала 1980-х, при снижении дифференциации заработков в зависимости от уровня образования и квалификации (пик нивелизации доходов, как и их падения, пришелся на 1982 г.). 1982 г., как и революционные 1989–1990 годы, отмечены беспрецедентным в истории Польши снижением показателей уровня жизни. Одновременно сложились условия перехода от идеи обновления системы к идее ее смены, т.е. осуществлению бескровной «революции сознания». Польское общественное сознание, пребывавшее в состоянии мировоззренческого хаоса, постепенно принимало рыночные принципы экономической жизни. На новом этапе продолжалось стремление к смене общественной системы, но уже не ради абстрактных идеалов «морального обновления», а в ожидании существенного повышения материального благосостояния. Не что иное, как массовые ожидания роста уровня жизни, в конечном счете, и послужили главной движущей силой смены систем на рубеже 80–90-х годов. Как установил *К.Загурский*, функциональный антиэгалитаризм, который сформировался в польском обществе в середине 1980-х годов возник под влиянием только двух факторов – высшего образования и ожидания роста уровня жизни. По наблюдениям польских исследователей, именно образование служило детерминантой идеологического выбора в пользу либерализма в широком его понимании¹. Открытие каналов рыночной экономики одновременно со снижением реальной зар-

¹ *Zagórski K.* Hope factor, inequality and legitimacy of systemic transformation. – Communist and post-communist studies. 1994. N 4.

платы в госсекторе и ростом доходов работников частных предприятий рождали мечты о быстром обогащении. Начался отток рабочей силы из госсектора в частный. Он послужил мощным импульсом к широкому распространению альтернативной модели поведения и стиля жизни, прежде практически неизвестной.

Духовное единство общества, существовавшее в 1980 г. и даже усилившееся на волне политизации сознания, распалось с началом его материализации и индивидуализации, т.е. включением в формирующиеся рыночные отношения. Группы, наиболее преданные общественной системе, сформированные ею, переходили в категорию ее противников, главным из которых в качестве результата восточноевропейского пути развития явилась интеллигенция. Политизированные и стремившиеся к западным стандартам потребления высокообразованные слои пришли к революционным подвижкам рубежа 1980–1990-х годов полностью уверенные в своей способности преуспеть в рыночном обществе, предпочитая свободу равенству и безопасности. Политика интересовала людей теперь лишь настолько, насколько она предоставляла возможности осуществления материальных потребностей и интересов.

В условиях разворачивающейся экономической либерализации эгалитаризм уже не служил проявлением оппозиции режиму, как в 1980 г. Концом 1981 г. исследователи датируют перелом от преимущественно эгалитарных взглядов польского общества к преимущественно неэгалитарным. Как и культурный или культурно-политический шок, вызванный революцией «Солидарности», последующий экономический шок, который повлекла реализация программы Бальцеровича, первыми среди народов восточноевропейского региона испытали именно поляки. Целое десятилетие прошло между этими двумя потрясениями в Польше, в отличие от остальных стран, где они случились почти одно за другим. Жесткий материализм эпохи либерализации зарождался в атмосфере всеобщего духовного подъема, вылившегося в эйфорию «бархатной» революции, какой была польская «Солидарность». После демократической революции «Солидарности» 1980 г. участие поляков в политической деятельности резко пошло на спад. Рост интереса к политической сфере не отмечался польскими социологами даже в решающий исторический период – 1988–1989 гг.

Происходившее уже с начала 80-х годов снижение поддержки «Солидарности» объяснялось тем, что именно 1981 г. стал временем дальнейшего углубления политического и экономического кризиса в Польше, сопровождавшегося ухудшением условий жизни и спадом производства.

Хотя доля сторонников этого революционного движения оставалась на уровне 70%, однако «решительно поддерживали» его уже не 58%, а всего 33%, втрое увеличилась доля не поддерживающих и затруднившихся с оценкой. Изменилась и социальная основа движения. Если в 1980 г., знаменующем конец предшествующего десятилетия, мощная поддержка шла со стороны квалифицированных рабочих, то в 1981 г. сильнее всего тяготели к «Солидарности» канцелярские служащие¹. Экономический кризис остановил распространение антиэгалитарных взглядов среди квалифицированных рабочих, сблизив последних с малоквалифицированной их частью и отдалив от интеллигенции. За «потолок» зарплат выступало в 1981 г. почти одинаковое количество специалистов (68,8%) и квалифицированных рабочих (71,6%), а уже в 1984 г. – соответственно 41,1% и 57,4%, в 1988. – 37,0% и 63,0%. В 1990 г. сторонников эгалитарных взглядов среди квалифицированных (60,0%) и неквалифицированных (59,0%) рабочих уже почти вдвое больше, чем среди специалистов (33,0%)².

Расхождение позиций двух «социальных столпов» восточноевропейского общества, происходившее на протяжении всех 1980-х годов, подготовило революционные перемены. Специалисты пришли к ним с выраженными либеральными, антикоммунистическими взглядами. В 1988–1990 гг. доля сторонников безграничной приватизации среди польской интеллигенции удвоилась³. Эта группа населения была уверена, что имеет наибольшие шансы преуспеть при новом строе, а молодая ее часть ценила свою свободу выше, чем экономическую безопасность. Совершался отказ от предпринятой «Солидарностью» попытки создания гражданского общества чисто политическими методами, не связанными с введением института частного предпринимательства. Итогом этого отказа было сближение интеллигенции с нарождающимся слоем предпринимателей.

Еще в начале 1980-х годов социально-политическая дифференциация польского общества не совпадала с социально-экономической. Политическая идентичность формировалась на организационно-институциональной основе (профсоюз, партия, движение), экономическая – на основе

¹ "Polacy '81. Postrzeganie kryzysu i konfliktu". Praca zbiorowa pod redakcją W. Adamskiego. W-wa: IFiS PAN, 1996.

² Kolarska-Bobinska L. An economic system and group interests. – Societal conflict and systemic change. Warszawa, 1992, p. 112.

³ Adamski W. Privatization and group interests. – Societal conflict and systemic change, p. 174–175.

общественных групп и слоев с соответствующим уровнем образования и доходов. В последующем политические ориентации наполнялись экономическим содержанием. Политическая система интересовала людей лишь настолько, насколько она предоставляла возможности осуществления материальных интересов и ожиданий.

Как установили польские исследователи, не социально-профессиональные категории, а скорее институциональная, организационная структура общества, прежде всего деление его на два сочетания – членов ПОРП, отраслевых профсоюзов, обладателей руководящих должностей, с одной стороны, и беспартийных, членов «Солидарности», не имеющих управленческих функций, с другой, служило детерминантой политических взглядов в разгар конфликта. Так, среди первых 60% поддерживали тезис о руководящей роли ПОРП, среди вторых – только 18,5%. Действительно две крайности во взглядах. Причем профсоюзная принадлежность в этих комбинациях играла ключевую роль, особенно одновременное членство в ПОРП и отраслевом профсоюзе, как и не-членство в ПОРП и принадлежность к «Солидарности».

Существующий вариант централизованной власти с руководящей ролью ПОРП одинаково слабо поддерживался всеми социально-профессиональными группами – никто уже не хотел сохранения *status quo*. А вариант полной децентрализации, напротив, всеми группами больше всего поддерживался. Наибольшее число сторонников последнего оказалось среди обладателей высшего образования, как и в случае с вариантом сильной власти, но без руководящей роли ПОРП (возможно, надеясь занять в условиях меритократии высшие уровни вертикали власти). Все же остальные группы общества, в том числе рабочие, а также управленцы и неуправленцы отдавали приоритет только варианту полной децентрализации власти. Т.е. можно было говорить о существовании в 1981 г. двух концепций изменения посредством реформ политсистемы в Польше.

Все группы польского общества позитивно относились к предстоящим реформам, имея, однако, совершенно разное представление об их сути, последствиях и считая, что они принесут преимущества и выгоды именно им, будет соответствовать их интересам. Часть общества – его беднейшие и малообразованные слои – считала даже, что реформы принесут выравнивание доходов и будут сопровождаться эгалитарными эффектами. Эти группы общества, а также квалифицированные и неквалифицированные рабочие в 1981 году имели наиболее позитивное представление о будущей реформе. Если обладатели уравнительных взглядов ждали от реформы

роста эгалитаризма, то «неэгалитаристы», – а это прежде всего высокообразованные, специалисты – рассчитывали на усиление дифференциации доходов. Неэгалитарных эффектов реформы, как ни удивительно, ожидали члены ПОРП и отраслевых профсоюзов. Коммунисты стремились к реформам, считая их важнейшим пунктом своей экономической программы. Принадлежность к этой партии не означала предпочтения определенной хозяйственной системы¹. Как установили польские социологи, члены ПОРП – наравне с наиболее «продвинутыми» высокообразованными контингентами – ждали неэгалитарных последствий реформ, предвидя в результате их дифференциацию доходов населения.

Польскими социологами уже не было обнаружено взаимосвязи между представлениями о социальной справедливости и партийной и профсоюзной принадлежностью. Таким образом, линии политической и экономической дифференциации общества не совпадали. Политические интересы, обусловленные организационной структурой, и экономические интересы, обусловленные структурой социальной, выступали как два несвязанных между собой фактора дифференциации интересов поляков.

Ситуация 1981 г. оказалась крайне специфической, не похожей на ситуацию предыдущего года. В 1980 г. социально-экономические характеристики предопределяли политические взгляды и взгляды на социальную справедливость, а факторы институциональные детерминировали представления политические и экономические. В условиях длительного отсутствия институций, с помощью которых различные группы общества могли выражать политические интересы, экономические лозунги имели политическое содержание, как институциональные структуры использовались для выражения интересов экономических. В 1981 г. началась открытая политическая дискуссия, и политические требования отделились от постулатов экономических. Принципы социальной справедливости утратили свой политический характер и остались лишь экономическими лозунгами. Одновременно произошло падение популярности эгалитарных принципов, а также дифференциация взглядов по экономическим вопросам, уже под давлением общественно-экономических факторов, а не институциональных.

¹ Kolarska-Bobinska L. Rychard A. Polytika i gospodarka w świadomości społecznej 1980–1990. Warszawa, 1990, p. 142.

Что же касается политических взглядов поляков, то они в 1981 г. предопределялись преимущественно местом, занимаемым в структуре организации общественной жизни, в структуре власти, выражаясь прежде всего в профсоюзной принадлежности, еще точнее – в принадлежности к профсоюзу «Солидарность». Иными словами, в 1980-е годы прошлого века идеология либерализма победила в преимущественно традиционалистической, эгалитарно ориентированной социокультурной среде. Она была достигнута в результате утраты таким ключевым для восточноевропейца понятием, как эгалитаризм, своего политического, протестного содержания – в Польше уже в самом начале упомянутого десятилетия – и превращения его в постулат прежде всего экономический. «Бархатными» революциями ноября 1989 г. эта подлинная «революция сознания», «моральная революция» во всех странах региона была лишь институционально, политически закреплена. Все здесь вдруг единодушно поверили в справедливость неравенства. Если в конце 1970-х годов эгалитарные постулаты служили выражением общественного протеста, несогласия с несправедливой системой распределения, то к середине 1980-х годов ту же функцию начали выполнять постулаты неэгалитарные. Что характерно, в обоих случаях речь шла о стремлении к равенству шансов, справедливости, к тому, чтобы заработки зависели только от индивидуального трудового вклада. Процесс неуклонной смены эгалитарного типа сознания на неэгалитарный служил основой трансформации мировоззрения восточноевропейца, его «бегства из социализма». Легитимация различных форм занятости, как и незанятости, расширение диапазона трудовых возможностей в конечном счете предопределили успех капиталистической революции. Польский опыт такого рода исторического перехода раскрывает логику или модель системных изменений в регионе в целом.

В последнее десятилетие XX века эгалитаризм как важнейший принцип справедливости пережил в Польше резкие колебания, став показателем, даже смыслом революционных перемен в общественном сознании, позволивших власти осуществить радикальные трансформации – политические и экономические (см. табл. 1). Эгалитаризм был чрезвычайно силен в 1980–1981 гг., последовательно снижался вплоть до 1991 г. и затем вновь возрастал, особенно после 1995 г. В целом динамика эгалитаризма после 1980 г. имела U-образную форму, а динамика объективного неравенства доходов – J-образную. Феномен польского восприятия неравенства определялся как «шизофренический», «двойственный»,

Таблица 1

**Динамика восприятия принципов социальной справедливости в Польше
в 1980, 1981, 1984 гг. (в %)¹**

		решитель- но да	скорее да	скорее нет	решитель- но нет	трудно судить
Ограничение «потолка» зарплаток	1980	70,6	19,1	5,1	3,4	1,8
	1981	50,7	28,0	9,1	4,8	7,4
	1984	29,6	26,5	22,7	12,5	8,7
Осуществление политики полной занятости	1980	50,6	27,2	9,8	5,4	7,0
	1981	29,1	24,5	22,6	11,3	12,5
	1984	25,3	28,3	22,9	10,9	12,6
Переход к значи- тельной дифферен- циации зарплаток в зависимости от квалификации	1980	25,8	28,1	25,1	14,2	6,5
	1981	30,3	31,6	21,4	5,5	11,2
	1984	43,6	37,2	10,9	2,9	5,4

феномен «расколотого сознания», поскольку характеризовался в рассматриваемый период парадоксальным сочетанием антиэгалитарных и проэгалитарных взглядов².

Скачкообразный спад в поддержке полной занятости произошел в Польше в 1980–1981 гг. в ситуации социально-политического хаоса незадолго до введения военного положения в декабре 1981 года. Одновременно люди отказывались от другого краеугольного принципа своей жизни, лежащего в основе общественного строя того времени – необходимости

¹ Załamanie porządku etatystycznego. Warszawa, UW. 2005, s. 154.

² Адамский В., Заборовский В., Пелчиньска-Налэнч К. Динамика структурного конфликта в ходе смены системы в Польше в 1980–2000 гг. – Социологические исследования 2002. № 6, с. 56.

ограничения «потолка» заработков. С идеей рынка стали ассоциироваться надежды на лучшее – более обеспеченное – будущее. «Революция сознания» произошла, когда в 1981–1984 гг. ориентация на неэгалитарные принципы овладела умами высокообразованных, уверовавших в свои материальные преимущества в условиях рыночной экономики и выступивших за значительную дифференциацию заработков в зависимости от уровня квалификации.

Таким образом, в Польше к 1984 г. – времени самого начала советской перестройки капиталистическая революция фактически состоялась. Хронологические рамки первой революции эпохи наступившего информационного общества – между августом 1980 г. (выступления «Солидарности») и декабрем 1981 г. (введение военного положения). В этот период эгалитаризм польского общества перестал служить протестом в отношении нарушения принципов социальной справедливости коммунистической властью. Открылась возможность свободно высказывать политическое недовольство, не связывая его с принципами равенства. «Дети Народной Польши» – рожденные после 1950 г. – в массовом порядке покидали ряды ПОРП уже в 1980–1982 годах, реализуя свою потребность политического участия в движении «Солидарность». 80% поляков в начале этого десятилетия уже составляли сторонники рыночной экономики, столько же связывали ее с увольнением или хотя бы переквалификацией, с ростом доходов одних групп людей и уменьшением – других¹.

Выдвижение на передний план политической борьбы интеллигенции и превращение фактора обладания высшим образованием в главную линию политического размежевания общества произошло спустя три года после революции «Солидарности», в 1984 г. Это предопределило не только победу демократической/капиталистической революции в стране, но и стабильность либерального порядка во всем регионе на протяжении более четверти века.

Следовательно, «Солидарность» как массовое движение, объединившее в 1980–1981 гг. общество, дестабилизировала «новую восточноевропейскую современность» и ее главное социальное творение – городскую «народную» интеллигенцию. На исходе социализма «высокообразованность» стала ключевым фактором смены систем. Вновь подтвердилась максима о «бескровной революции» – на этот раз революции, пожирающей своих детей.

¹ Załamanie porządku etatystycznego, s. 153.

Принадлежность Западу, капитализму, прогрессу разделила пережившее нравственный слом и последующую смену систем восточноевропейское общество на победителей и проигравших от «преодоления восточноевропейской отсталости» и «наследия коммунизма», на «цивилизационно-компетентных» и «некомпетентных», не адаптировавшихся к западным заимствованиям в экономике, культуре, повседневной жизни, сознании (*homo westernicus* и *homo sovieticus*). Межцивилизационная разделительная линия проходит в наши дни не между Западной и Восточной Европой (по Берлинской стене), как при коммунизме, не между Центральной Европой и постсоветскими государствами (по р. Буг), как в период антикоммунистических революций, а внутри самих центрально- и восточноевропейских обществ. Показательно, что бывшая коммунистическая номенклатура быстрее остальных обрела «цивилизационную компетентность».

Итак, фактически уже в результате «моральной революции» начала 80-х годов Польша, а вслед за ней остальные бывшие соцстраны вступили в период Великого разрыва с традиционными, коллективистскими ценностями, период формирования демократических режимов¹. Социальная дезорганизация традиционного порядка выразилась в упадке семьи, социальной сплоченности, доверия, в убывании социального капитала (межличностные связи), для восточноевропейцев традиционно заменяющего капитал экономический, финансовый.

Общественные преобразования Великой трансформации в Восточной Европе подразумевали разрыв со сложившимся в годы форсированной модернизации третьей четверти XX века, как и с досоциалистическим, социокультурным наследием. К этому наследию относятся не только традиционные социальные группы – крестьянство, посткрестьянский рабочий класс, интеллигенция, – но и тип их естественного демографического воспроизводства: как традиционный, так и модернизированный социализмом, получивший название «восточноевропейского». Наконец, важнейшим направлением перемен был отход от приоритета культурных, духовных ресурсов общества над экономическими, материальными, всегда отличавший Восточную Европу как досовременную периферию Европы Западной.

О динамике соотношения материального и нематериального в ценностной системе поляка можно судить по (довольно условным) данным,

¹ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2008.

опирающимся на теорию и методику американца *Р. Инглхарта*. В конце XX века эта динамика в Восточной Европе диаметрально противоположна западной. *Casus*, по выражению *Р. Шиминьской*, заключается в том, что в 1980-е годы ориентация на постматериалистические ценности в Польше была очень распространена.

В 1980 г. – году «Солидарности» как «лебединой песни польского романтизма», собравшей 10 млн. поляков, – доля постматериалистов достигала 16% при 22% материалистов. По доле первых Польша находилась на уровне развитых стран Запада, значительно опережая, например, Венгрию (3%). В 1984 г., одновременно с антиэгалитарным переломом, соотношение материалистов и постматериалистов «ухудшилось» до 15% : 33%¹. С переходом к рынку в 90-е годы – вопреки тенденциям в западных странах – количество польских постматериалистов резко падает. В 1990–2000 гг. Польша по рассматриваемому показателю находилась на уровне остальных бывших соцстран, все из которых (кроме Словении и традиционно стабильной Чехии) пережили рост материалистических ориентаций, особенно значительный в Восточной Германии, Болгарии, Белоруссии, России.

Исследования материалистических ориентаций по методике *Р. Инглхарта*, проведенные *Р. Шиминьской* на общепольской выборке, детализируют картину их динамики после всплеска материализации сознания. Уже к 1984 г. наступило относительное «насыщение» этого показателя. Тем не менее, до 1997 г. тенденция на материализацию продолжилась, достигнув 40%, постматериалистов осталось всего 5%. Только в 1999 г. ситуация начала выправляться, когда доля последних возросла до 8% (при 37% материалистов). Европейское исследование ценностей показало, что поляки стремились к увеличению материальных доходов, а не повышению качества жизни, они думали только о том, как больше заработать.

Политическую идеологию с ее делением на левых и правых, либерал-демократов и консерваторов-коммунистов сменила идеология экономическая. В ее рамках «линия фронта» проходила между нематериалистами (постматериалистами) и материалистами, прагматиками. Последние постепенно завоевывали господствующие позиции в обществе и его сознании. Кульминацией этого важнейшего социокультурного сдвига явилась «шоковая терапия»

¹*Siemińska R.* Od wartości postmaterialistycznych do materialistycznych – *casus* Polski. – *Oswajanie wielkiej zmiany*, s. 315.

начала 1990-х годов. Как и культурный или культурно-политический шок, вызванный революцией «Солидарности», экономический шок первыми испытали поляки. Между этими двумя потрясениями прошло десятилетие. Именно оно стало решающим для перехода «от социализма к капитализму». Не в 1990-е, а уже в 1980-е годы на руинах распадающегося в социальном и культурном отношениях польского общества началось формирование совершенно новых структур, соответствующих реалиям общества раннекапиталистического типа. Жесткий материализм эпохи либерализации зарождался в атмосфере всеобщего духовного подъема, вылившегося в эйфорию «бархатной» антикоммунистической революции 1989 г. Важным фактором этого подъема явился всплеск материальных потребностей населения, происходивший на фоне бурного роста частнопредпринимательского слоя и экспансии идеологии «индивидуальных возможностей».

В преддверии и сразу после революции 1989 г., получившей название демократической, само понятие «демократия» воспринималось на массовом уровне скорее в экономическом, чем политическом смысле. Утверждалось инструментальное представление о демократии как верном и эффективном пути к обеспечению экономического и социального благосостояния индивида и общества. Именно в силу отношения людей к демократии как единственной возможности значительно повысить уровень жизни, в кратчайшие сроки «догнать Запад» по уровню потребления процесс смены политического режима получил мощную массовую поддержку. Сравнительное исследование стран Западной и Восточной Европы 1990 г. показало, что на общем фоне у поляков было самое позитивное отношение к понятию «капитализм». В целом восточноевропейцы оценивали его преимущества выше, чем жители самих капиталистических стран¹. Таким образом, перестройка, или революция сознания, подготовившая смену систем в 1989–1991 гг. в Восточной Европе, прошла три последовательных этапа: «моральный», «политический» и «экономический».

Грядущая демократия породила массовые ожидания, по масштабу не уступающие, а возможно даже превосходящие ожидания, созданные коммунистическим режимом. Самое начало процессов либерализации, сопровождавшееся падением уровня жизни, принесло перемены, прямо противоположные ожидавшимся.

¹ *Mason D.* Public opinion in Poland's transition to market democracy. – *Escape from socialism*, p. 156.

Несмотря на значительность ментального переворота начала 1980-х годов, никто в то время в Польше не предвидел столь радикальных общественных перемен, которые случились в конце этого десятилетия, пишет спустя два десятилетия польский социолог *М. Зелиньская* (Зеленогурский Университет) в своей книге «Арьергард реального социализма. Социальные биографии поколения военного положения»¹, вышедшей в 2006 г. Книга содержит материалы социологического исследования 2000–2001 гг. взглядов поколения 1950-х годов рождения на события начала 1980-х годов: революцию «Солидарности» и военное положение. Это было время профессионального, общественного старта поколения. Оно сформированно «эпохой Герека» и «эрой Солидарности», пережило период социальной мобилизации через экспансию частного предпринимательства в 1990–1994 гг. с последующим «разочарованием капитализмом». Показаны изменения во взглядах этой генерации в ретроспективе пройденного ею жизненного пути.

Важнейшей сферой жизненной активности поколения, центральным событием биографии которого остались массовые выступления начала 1980-х годов («символ поколения и символ свободы»), оказалась сфера семейная; этому поколению присущ «эгофамилиоцентризм», стремление «делать свое дело, оставив политику политикам». Почти половина опрошенных считает, что политика никак не влияет на жизнь его и ему подобных. Главное для них теперь – материальное обеспечение семьи, жизненный успех для подавляющего большинства заключается в стабильности, подразумевающей, прежде всего, потребительский комфорт. Как показала жизнь, симпатия к профсоюзу «Солидарность» не стала пропуском в лучшую жизнь, соответственно менялось и отношение к событиям двадцатилетней давности. По мнению опрошенных, за 20 лет ухудшилась ситуация в сфере труда, здравоохранения, экономики и особенно межчеловеческие отношения, но улучшилось экономическое положение семей.

Судя по опросным данным, больше выиграли от перемен люди образованные и материально обеспеченные. Интересно, что среди наиболее благополучных («обреченных на успех») сейчас больше всего противников «Солидарности». Исследование показало: большинство респондентов после того, как прошли трансформационный шок, достаточно быстро

¹ *Zielińska M. Ariergarda realnego socjalizmu. Społeczne biografie pokolenia stanu wojennego. Zielona Góra, 2006, 300 s.*

нашли себя в капиталистической экономике, занялись зарабатыванием денег, профессиональными карьерами, расширением возможностей потребления. И это несмотря на то, что поколение, выросшее в условиях относительного покоя и процветания герековской «малой стабилизации» 1970-х годов, было предназначено для иной действительности, т.е. социализировано в системе ценностей, отличной от возникшей к середине 1980-х годов и установившейся после 1989 г. «Время реального социализма было их временем», – пишет *М.Зелинская*.

Исследование обнаружило зависимость между представлением о событиях 1980–1981 годов и отношением к прежней и новой общественной системе (см. табл. 2). Среди решительных сторонников «Солидарности», одновременно считавших ошибочным введение военного положения в стране, оказалось больше всего убежденных в правильности нынешней общественной системы и гораздо меньше – приверженцев Народной Польши. У сторонников «Солидарности», признававших, однако, правильность введения военного положения, меньше решительная поддержка

Таблица 2.

События 1980–1981 годов и их оценка 20 лет спустя (в %)¹

	Мнение о событиях 1980–1981 годов					Всего
	Решит. позитив.	Скорее позитив.	Неоднозначно	Скорее негативно	Решит. негатив.	
Революция «Солидарности»	54,0	11,0	5,5	17,9	10,8	100
Забастовки	62,0	14,6	0,6	15,0	6,1	100
Военное положение	36,0	15,0	11,4	30,0	5,7	100

¹ Ibid, s. 117.

существующего строя и больше – прежнего. Среди противников «Солидарности», соответственно, наивысший процент (свыше 70%) сторонников Народной Польши и минимальный – нынешней. У тех, кто радикально поменял мнение о событиях 1980–1981 годов, – наименьший процент решительных сторонников существующего строя (1,3%). Возможно, эта категория вообще избегает теперь однозначных оценок. Позитивное отношение к революции «Солидарности» остается у двух третей опрошенных. Пересмотрели отношение к ней, согласно полученным данным, в основном «проигравшие» от исторических перемен, вызванных «бескровным разрывом» в общественном сознании.

В целом же поколение «Солидарности», согласно *М.Грабовской* (в статье под названием «Как молния»)¹, в значительной мере остается социальной основой перемен на фоне слабеющей позитивной оценки трансформации, роста в отношении последней критицизма и разочарования ее результатами, когда господствует двойственное, амбивалентное представление об истории периода «пост-1989». Участники «Солидарности» по-прежнему обладают более продемократическими взглядами. Хотя избирательная активность в стране находится на относительно низком уровне и продолжает снижаться, эта категория отличается как правило большей активностью на выборах, голосуя за «своих» – партии и политиков от «Солидарности» или постсолидаристской направленности. Такое положение объясняется особенностью общественной жизни в стране, когда процесс кристаллизации партийных и электоральных предпочтений, как и в начале 1980-х годов, складывается не столько под влиянием социального и материального положения людей, сколько их идейного единства, политической позиции в системе лево-правых взглядов и религиозности, т.е., как и в период революции «Солидарности», факторов культурных, ментальных.

¹ *Grabowska M.* „Jako błyskawica” Problemy z polityczną instytucjonalizacją ruchu Solidarności. – Solidarność. Wydarzenie, konsekwencje, pamięć. Warszawa, IFiS PAN, 2006, s. 155–180.

2.2. Четыре десятилетия спустя

Польская революция «Солидарности» августа 1980 г. – центральное событие единственного в восточноевропейском регионе массового общественного движения эпохи дезинтеграции бывшего Восточного блока. Только в Польше интересы и ценности нового строя могли хотя бы отчасти благоприятствовать легитимизации «импортированной идеологии либерального капитализма»¹. «Солидарность» как субъект изменения ментальности поляков, импульс к его материализации совершила решительный прорыв от социализма к капитализму в первой из стран социалистического содружества. Этот важнейший исторический феномен изначально находился в центре внимания обществоведов страны, предопределив начало наиболее яркого периода развития польской социологии, вершина которого пришлась именно на 1980-е годы. Результаты проведенных за весь истекший период масштабных исследований – прежде всего серии опросов под названием «Поляки» за 1980, 1981, 1984, 1988, 1990, 1995, 2011 гг.² – позволяют понять не только анатомию социально-политического конфликта того времени, но и современную восточноевропейскую действительность, сформированную тремя с половиной десятилетий реального капитализма.

Поддержка польским обществом «социалистического строительства», начавшегося в середине XX в., основывалась прежде всего на надеждах людей на радикальное сокращение социального неравенства путем ликвидации крупной частной собственности, через переход к централизованному планированию экономики, обеспечение равного доступа к образованию и культуре. Первое исследование на тему эгалитаризма, проведенное в 1958 г. в Польше, выявило, что более половины опрошенных высказывалось за равенство доходов всех граждан страны. В 1961 г. половина жителей городов выступала за полную ликвидацию обществен-

¹ Adamski W. “Solidarność” jako kłopotliwy problem badawczy. – Fenomen “Solidarności” i zmiana ustroju. Polacy 1980–2011. Warszawa, 2014, s. 12.

² Под редакцией В. Адамского из Института философии и социологии Польской академии наук вышла целая серия крайне любопытных книг, освещающих результаты этих исследований: Polacy’80. Wyniki badań ankietowych. Warszawa, 1982; Polacy’81. Postrzeganie kryzysu i konfliktu. Warszawa, 1982; Strukturalno-pokoleniowe wymiary procesów konfliktotwórczych w latach osiemdziesiątych. Warszawa, 1985; Polacy’84. Dynamika konfliktu i konsensusu. Warszawa, 1986; Polacy’88. Dynamika konfliktu a szanse reform. Warszawa, 1989; Polacy’90. Konflikt i zmiana. Warszawa, 1991; Dynamika konfliktu społecznego. Polacy 1989–1988. Poznań, 1989; Polacy’95. Aktorzy i klienci transformacji. Warszawa, 1998.

ных различий. В целом в 1950-е и начале 1960-х годов поляки возлагали огромные надежды на рост социального равенства. Новый общественный строй, преодолевавший неравенства, оставшиеся в наследие от довоенной Польши, и бывший строем «социального аванса», считался справедливым, что легитимизировало существовавшую власть¹.

Соответственно, на протяжении послевоенных десятилетий тема выравнивания жизненных шансов оставалась главной в общественных дебатах и деятельности исследователей Центральной и Восточной Европы, особенно польских социологов. Уже первые их работы на эту тему, датируемые 1957–1959 гг., продемонстрировали возрастающую сложность реализации радикальной версии эгалитаризма как базисного принципа общественной жизни, существование расхождений между официальной идеологией и фактической структурой и интересами разных социальных групп. Исследования А. Малевского, А. Сарапаты, Ст. Новака, В. Веселовского однозначно свидетельствовали, что представления отдельных групп взаимно противоречат, каждая из них стремится приспособить движение к более справедливому строю к собственным потребностям. Усилия польских ученых, особенно интенсивные в 1960-е годы, были направлены на поиски государственных механизмов объединения общества, путей ликвидации структурно-классовых напряжений. Однако в 1967 г. ведущий польский социолог С. Новак сформулировал тезис о «противоречии постулата максимизации глобального производства постулату равной доли в ее распределении»².

В 1970-е годы значение идеалов общественного равенства в массовом польском сознании сильно возросло и наряду с ценностями справедливости составило наиболее предпочтительные черты «хорошей общественной системы». Однако в конце этого десятилетия наблюдалось ошутимое разочарование в вопросах социального выравнивания в стране: 67% людей в 1980 г. считало, что неравенства растут. Происходил отход от эгалитарных принципов – и в сфере научной мысли, и в политике правящей партии. Этот процесс развернулся с завершением первого этапа социалистической модернизации (1950–1960-е годы), результатом которой явился промышленный подъем преимущественно аграрных в

¹Koralewicz J., Ziółkowski M. Zmiany system wartości w Polsce. – O życiu publicznym, kulturze i innych sprawach. Warszawa, 2007, s. 204–205.

²Nowak St. Głos w dyskusji w: problemy przewidywania przyszłości a model kultury. – Kultura i społeczeństwo, 1967, № 4.

середине XX в. обществ восточноевропейского типа¹. На передний план в этой группе обществ вышла ценность образования. Большинство поляков считало бесплатное образование главным способом преодоления общественных неравенств, хотя в этот период появлялись иные факторы роста материального благосостояния, такие как «связи» или партийная принадлежность.

Как показали события Пражской весны 1968 г., уже тогда в наиболее развитой в восточноевропейском регионе Чехословакии четко обозначилась основная конфликтная линия периода социализма, связанная с его главным достижением, – появлением многочисленных слоев населения, возросший уровень образования которых не соответствовал их уровню доходов и положению в системе власти. В 1970-е годы это противоречие обозначилось и в остальных странах центрально- и восточноевропейского региона, где традиционно интеллигенция как своего рода культурная доминанта общества служила социальной альтернативой экономическому господству буржуазии в Западной Европе. Упомянутое противоречие достигло кульминации во время революции «Солидарности» в Польше и позднее – советской перестройки и «бархатных» революций на всем пространстве бывшего социалистического блока. Именно в предшествующее этим революциям десятилетие скачкообразно сформировался разрыв между быстрорастущими материальными потребностями возникших к этому времени ведущих общественных групп генерации «социального аванса» – рабочих (их материальные запросы и протестные настроения были выражены в Польше наиболее отчетливо) и интеллигенции – и возможностями общества их удовлетворить. Этот разрыв особенно проявился с середины 1970-х годов – в Польше «потребительский бум» времени Э. Герека, – когда везде в регионе завершился период относительного процветания и резко возрос уровень потребностей этих двух групп. Тем же временем датируются исследования назревавших «кризиса и конфликта», которые польские социологи оценивают как симбиоз классово-структурных и культурно-поколенческих противоречий².

¹ В довоенной Польше доля крестьянства составляла 60% в общей численности населения. Но и в наши дни на них приходится свыше 8% – один из наивысших показателей среди стран Европы. – *Domański H. Społeczeństwa europejskie. Stratyfikacja i systemy wartości.* Warszawa, 2009, s. 25, 40.

² *Adamski W. Strukturalno-pokoleniowo aspekty konfliktu społecznego. – Sisyphus III. Crises and Conflicts: the case of Poland 1980–1981.* Warsaw, 1982.

Польские события 1980–1981 гг. генетически связаны с молодым поколением, его специфическим на пороге 1980-х годов положением – демографической структурой и сознанием. Послевоенный демографический бум в регионе пришелся на рожденных в 1950–1958 гг.¹ В 1970-е годы в Польше произошло особенно резкое омоложение общества и наибольшая в современной истории страны смена поколений. Молодежь, не переступившая 30-летнего возраста, составила тогда около 40% занятых в стране – беспрецедентный для прошедшего столетия скачок. В то же десятилетие в Польше заканчивается фаза массового профессионального и образовательного перемещения сельского населения в города и превращения крестьян в рабочих. В начале 1980-х годов свыше трети квалифицированных и более половины неквалифицированных рабочих происходило из крестьян². Высокообразованные слои, в свою очередь, на 70% состояли из бывших рабочих и крестьян, образуя так называемую «новую» интеллигенцию. Классовая идентичность всех этих групп общества, возникших в первый период соцмодернизации, была неразвита и в сильной мере основывалась на образцах крестьянской или посткрестьянской культуры.

Однако в середине 1970-х годов социальная структура Польши, как и соседних с ней стран региона, явно «закрылась» по сравнению со временем жизни предшествующего поколения индустриальной модернизации³. В те же годы исключительно многочисленное послевоенное поколение и вышло на рынок труда, натолкнувшись на возникшие профессиональные и образовательные барьеры. Среди молодежи широкое распространение получило убеждение, что ее жизнь трудней, чем родителей⁴. Социализированные в духе принципов общественного равенства, справедливости и народовластия («дети Народной Польши»), обладающие более высокими, чем предыдущее поколение, материальными ожиданиями, западными стандартами потребления и завышенными представлениями о своих жизненных шансах, они образовали мощную возрастную когорту – мар-

¹ Второе послевоенное поколение, сформированное в Центральной и Восточной Европе в период социализма, сыграло решающую роль в смене систем в регионе в целом, но в Польше – в наибольшей степени. См.: *Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М., 1999.

² *Domański H.* O ruchliwości społecznej w Polsce. Warszawa, 2004, s. 35.

³ *Adamski W.* Dwa pokolenia pracowników przemysłu. Warszawa, 1980, s. 180.

⁴ *Adamski W., Staszyńska K.M.* Tożsamość wartości a konflikt interesów w relacjach pokoleniowych. – Fenomen “Solidarności”, s. 90.

гинальную, неприспособившуюся, наконец, нереалистически требовательную к государственной власти¹. Молодые разочарованные рабочие, особенно с новых крупных промышленных предприятий, уверовавшие в официальные лозунги о том, что им принадлежит передовая роль в обществе, начали спонтанный бунт, рожденный не оппозицией нуждающейся в трансформации системе, а прямо наоборот – инспирированный доминирующей идеологией во имя аутентичных гуманистических ценностей социализма. Эти ценности отождествлялись с моральными лозунгами, основанными на христианских идеалах, и были глубоко укоренены в польской национальной культуре². Эгалитарные лозунги 1970-х годов выражали протест против социальной дифференциации общества, которая воспринималась как неправомерная и несправедливая. Специфический квазикласс, виновный в польском коллапсе, характеризуется как поколение исторического конфликта. Однако его интересы больше находились в сфере «разделения благ», чем общественной трансформации, выражавшейся в «приватизации государственных средств производства»³.

В категории квалифицированных рабочих тяжелой промышленности, особенно молодого поколения, к движению, организованному профсоюзом «Солидарность», относилось почти 90%, среди крестьян – всего 20%. Преимущественная принадлежность к этому движению отличала специалистов с высшим и средним специальным образованием, не занимающих управленческих позиций. Члены правящей партии Польской объединенной рабочей партии чаще, чем беспартийные, вступали в «Солидарность». В целом социальный состав «Солидарности» был неоднородным, родившимся из требований рабочих повысить уровень жизни, улучшить условия труда, расширить социальные права⁴.

Польские социологи утверждают, что после Второй мировой войны меритократическая (вознаграждение за заслуги) аргументация была од-

¹ Ключевой проблемой для большинства рабочих и техников была жилищная. В 1980 г. в очереди на квартиру стояла ровно половина работников в возрасте старше 30 лет. – Ibid., s. 30.

² Зарицкий Т. Традиционные символические ресурсы интеллигенции перед лицом вызовов глобализации. – Восточноевропейские исследования. Международный журнал по социальным и гуманитарным наукам. 2008, № 8, с. 140.

³ Staniszkis J. Bunt nietransformacyjny, czyli o kilku paradoksach artykulacji politycznej w Polsce. – Gospodarka i społeczeństwo. Wartości i interesy załóg przemysłowych. Warszawa, 1986.

⁴ Zarycki T. Politics in the periphery: political cleavages in Poland interpreted in their historical and international context. – Europe – Asia studied. 2000, p. 862.

ним из главных инструментов критики государственного социализма¹. В основе делигитимизации существовавшей системы власти находилось представление о слабой связи заработка с квалификацией, отличающей социалистическую Восточную Европу от капиталистического Запада, где, как считалось в кругах «новой» интеллигенции, царила распределительная меритократия. Ожидание роста корреляции образования и вознаграждения явилось центральным пунктом «революции повышенных ожиданий», как называли в Польше движение «Солидарности». Это был не бунт отчаяния, а, напротив, революция, ставившая цель далекой модификации социализма, а не его краха. То, что эта страна оказалась в авангарде перемен, связано не только с особенно большой долей здесь представителей послевоенного демографического бума, сформировавшегося в период социализма, но также с традиционным романтическим и постромантическим компонентами польской политической культуры, что предопределило еще одно выразительное определение революции «Солидарности» как «лебединой песни польского романтизма». В основе ее находились разбухшие надежды и нереализованные интересы одной из групп общества, отличавшейся в 1980-е годы значительной изменчивостью в отношении к политике государства, предпочтением «хорошего общественного порядка», основанного на смешанных идеалах и принципах социально ориентированного эгалитаризма и рыночной эффективности.

Исследования 1970-х – самого начала 1980-х годов свидетельствовали о доминирующей склонности польского общества к эгалитаризму, но речь не шла о равенстве только материальном. «Равенство означает для поляков не что иное, как справедливость», а общественное неравенство рассматривалось в этот период прежде всего как незаслуженные привилегии со стороны власти². Социологи и антропологи, изучавшие «Солидарность», заметили тогда склонность людей отдавать абсолютный приоритет политическим вопросам над экономическими, которые не вызывали их протеста. Первоначально полякам показалось, что они обмануты политиками и находятся в атмосфере моральной фальши. Культивирование равенства, уменьшения дистанции между социальными группами воспринималось

¹ Jasielski K. Deficit merytokracji i legitymizacja władzy politycznej. – Legitymizacja w Polsce. Nieustający kryzys w zmieniających się warunkach? Warszawa, 2010, s. 89.

² Ciżewska E. Równość według ruchu społecznego Solidarność. – Strukturalne źródła napięć społecznych: wnioski z przeszłości. – Kulturowe aspekty struktury społecznej. Fundamenty, konstrukcje, fasady. Warszawa, 2010, s. 354–355.

как борьба за социализм с человеческим лицом. Этические постулаты приобрели глубоко революционный, политический смысл после 1989 г., потеряв свое значение в пользу смысла материального.

На основе эмпирических исследований, проведенных в Польше в разные годы, специалистами точно установлены отдельные этапы революционных социокультурных сдвигов, приведших в конечном счете к смене систем. Так, усиление расхождений статусных позиций (образование, доход, руководящая должность) или статусная неконсистентность (несогласованность) обозначились в 1965–1980 гг., но особенно отчетливо – в 1976–1980 гг.¹ В то же самое время представление о справедливом вознаграждении в обществе не росло, а только снижалось. Причем эгалитарные установки усиливались, а вместе с ними укреплялся антагонистический социальный дискурс². Обнаружено также, что ощущение страха и низкую самоуверенность в конце 1970-х годов предопределял высокий уровень образования и «плюрализм позиций» или их «декомпозиция», характерные прежде всего для первого поколения интеллигенции.

Смысл «революции сознания», моральной революции или «карнавала Солидарности»³ в преимущественно традиционалистской социокультурной среде, которая сохранялась в Польше в самом начале 1980-х годов, сводился к «реструктурированию восприятия социальных неравенств» (М. Буховский⁴) на фоне дестабилизации общественного сознания, прежде всего сознания горожан и «новой» интеллигенции сразу после эгалитарных по своей сути выступлений «Солидарности» в августе 1980 г. В основе их тогда находился протест против нарушения коммунистической властью принципа социальной справедливости. Но вдруг люди единодушно поверили в справедливость неравенства. Политический протест стал выражаться уже не в эгалитарных, а, наоборот, в неэгалитарных постулатах экономического либерализма. То есть в 1981 г. экономические взгляды

¹ Mach B. W., Sadowski I. Strukturalne źródła napięć społecznych: wnioski z przeszłości. – Kulturowe aspekty struktury społecznej, s. 129.

² Koralewicz J. System wartości a struktura społeczna. Wrocław, 1974; Zaborowski W. Postrzeganie społecznych nierówności. Z badań nad świadomością społeczności wielkomiejskiej. Warszawa, 1988.

³ Kultura Solidarności. Socjologiczno-antropologiczne analizy kulturowego dziedzictwa “Solidarności”. Pszczółki, 2011.

⁴ См.: Buchowski M. The making of the other in Central Europe. Poznań, 2001.

уже не отражали так, как в 1980 г., взгляды политические. Повышение жизненного уровня стало для людей гораздо более важной задачей, чем сведение счетов с компартией.

Точно установлено, что в период 1981–1984 гг. умами прежде всего высокообразованных слоев овладела ориентация на неэгалитарные принципы общественной жизни, на необходимость значительной дифференциации заработков в зависимости от уровня квалификации, возрос интерес к индивидуальной экономической деятельности. В среде «новой» интеллигенции возобладала уверенность в своих материальных преимуществах в условиях рыночной экономики. Этот феномен сыграл решающую роль в фактически свершившейся капиталистической революции в Польше ко времени начала советской перестройки, во многом предопределив ее сценарий. Если эгалитаризм, по оценкам польского исследователя *Я. Коралевич*, доминировал в стране до 1980 г., то уже 1980-е годы она называет временем господства в стране либерализма¹. Политические преобразования 1989 г. лишь институционально закрепили предшествующие им общественные перемены. Причем любопытно, что по сравнению с «бунтарским» периодом рубежа 1970–1980-х годов в условиях ухудшения материальной ситуации в середине 1980-х годов претензии людей к общественной системе резко сократились. Можно было говорить о наступившем радикальном изменении политической философии в стране.

Согласно последним оценкам, «Польский Август» стал критическим пунктом, исключаящим возможность поворота к прежнему строю. Социально-историческое значение движения «Солидарность» заключалось в мобилизации субъектов контркультурного движения, сумевшего организовать миллионы жителей страны вокруг символов преимущественно морального, аполитичного характера, ключевым среди которых оказалась необходимость возвращения утраченного человеческого достоинства². Возникла разновидность нового общественного движения, объединившего «протестантов» из социальных групп, сформированных самими процессами социалистической модернизации, которых можно считать

¹ *Koralewicz J.* O świadomości demokratycznej w Polsce w latach 1990–2010. – *Jakość naszej demokracji*, s. 140.

² *Kubik J.* Who done it: workers, intellectuals or someone else. Controversy over Solidarity's origins and social composition. – *Theory and society*, 1994, t. 23. Любопытно, нынешние события на Украине также получили название «революции достоинства». Вспомним также, что «стержень» советской перестройки составляло возвращение к общечеловеческим ценностям.

«выигравшими» от прежнего режима. «Горячие дни» августа 1980 г. явились случаем именно культурной революции, осуществленной исключительным поколением общественного протеста в стране, которая заслужила название «необычной макролаборатории проведения широкомасштабного естественного общественного эксперимента».

К 1989 г. в Польше произошло принятие обществом дифференциации доходов и заработков, приватизации госсобственности, частного сектора, ставшего для многих поляков оазисом благополучия. Последний воспринимался уже не как источник различий и несправедливости, а как панацея от всех материальных трудностей. Хотя большинство поляков в этот исторический момент не мыслило в системных категориях¹. Вновь, как в 1970-е годы, на первый план вышла частная, семейная жизнь и материальное потребление, возможности которого стали более ограниченными.

Эгалитаризм, чрезвычайно сильный в Польше во время революции «Солидарности» и сыгравший ключевую роль в ее победе, последовательно снижался здесь вплоть до 1991 г.: происходил процесс насыщения общественного сознания неэгалитарными представлениями. Затем, особенно после 1995 г., по мере столкновения людей с новой реальностью, резкого падения уровня жизни многих групп общества, их стремление к равенству социальных шансов вновь начало возрастать². Регистрировался существенный рост поддержки социального равенства и явное отвращение по отношению к богатым. Понятия «частный предприниматель» и «частный работодатель» обычно оцениваются позитивно, но если к ним добавляется прилагательное «богатый», эмоциональная нагрузка мгновенно меняется с позитивной или нейтральной на негативную. Польский народ, по утверждению его исследователей, – явный противник социального неравенства. Даже группы с высоким финансовым статусом считают нынешнее экономическое неравенство в Польше чрезмерным.

В начале XXI в. уровень неравенства в польском обществе был выше, чем в соседних центральноевропейских странах – Чехии, Словакии, Венгрии. Иерархию доходов возглавляли собственники предприятий, значи-

¹ Adamski W. Konflikt ogólnospołeczny: struktura – podłoże – wyzwanie systemowe. – Fenomen “Solidarności”, s. 298.

² Адамский В., Заборовский В., Пелчинска-Налэнч К. Динамика структурного конфликта в ходе смены системы: Польша в 1980–2000 гг. – Социологические исследования, 2002, № 6, с. 56.

тельно опережавшие специалистов и управленцев¹. В целом, существует мнение, что в Польше после скачкообразного роста имущественного неравенства установилась одна из наиболее несправедливых общественных систем в Европе второй половины XX века². Почти треть польского населения живет в бедности: это наиболее высокий показатель в Европейском союзе. Столько же находится в состоянии материальной депривации – ощущении социальной изоляции и потерянности, лишенности. В период революции поляки верили в лидеров «Солидарности», ожидая от них реализации призывов к свободе, самоуправлению, справедливости и человеческому достоинству. Люди из бедных регионов, рабочие теперь недоумевают: «Предполагалось, что наступит демократия, но у нас капитализм. И к чему это ведет?», «Нет справедливости и нет работы»³. Огромная разница в доходах свидетельствует о слабости современного «общества среднего класса» в Польше, более близкого в этом отношении странам «периферийного капитализма»⁴. Исторический парадокс – рабочий класс, бывший основой прежней системы, веривший в свою руководящую роль и не без оснований надеявшийся выиграть от инспирированной им резкой смены строя, больше всего от нее потерял⁵.

Произошло снижение и даже исчезновение рабочей солидарности, как и готовности участвовать в массовых акциях. Во время системного перехода в Польше в 1989 г. и позднее большинство рабочего сообщества дистанцировалось от их собственных организаций – органов рабочего самоуправления и профсоюзов – и не использовало их для утверждения своей коллективной позиции в борьбе за смягчение рыночной системы. Депролетаризация и фактическое вытеснение рабочего класса из структуры общества на начальном этапе возникновения польского капитализма не означали его ликвидации, но сопровождалась идеологической фрагментацией, экономической, политической и культурной деградацией этого класса. Поэтому хотя рабочие быстро разочаровались в реформах, это не повлекло за собой акций коллективной оппозиции. Кроме того, начало

¹ Domański H. Społeczeństwa europejskie. s. 141.

² Bukraba-Rylska I. Co nam zostało z «Solidarności»? – Kultura Solidarności, s. 36.

³ Jarosz M. Wstęp. – Polacy równi i równiejsi. Warszawa, 2010, s.10.

⁴ Jasiecki K. O nieznanym, z reguły nie badanych kręgach bogactwa. – Ibid., s 117.

⁵ Jarosz M. Władza. Przywileje. Korupcja. Warszawa, 2004, s. 29–30.

1990-х годов считают временем широко распространенного в обществе чувства «покинутости» политической элитой.

Неравенство доходов воспринимается польскими гражданами неизменно как «большое», даже среди людей самых молодых. В 1994 г. так считало 83% опрошенных, в 2010 г. – 87%. Лишь 6% усматривало снижение данного показателя в этот период. Подобные взгляды сочетаются с представлениями, что ситуация в стране далека от модели равных экономических шансов. Только 26% жителей Польши (2010 г.) уверены в подобном равенстве всех поляков независимо от их материальной ситуации, а 70% убеждены в неравенстве этих шансов¹. В настоящее время всеми восточноевропейцами наиболее остро осознается дефицит традиционно наиболее важных для них социальных прав и равных жизненных возможностей. Между тем выравнивание их является основой меритократической концепции. Беспокойство вызывает ухудшение условий социального продвижения по сравнению с периодом до 1989 г.: распространено представление, что «бархатная» революция не привела к ожидавшемуся равенству возможностей на основе трудового участия². Вместе с тем явно сократилась субъективная важность политических и гражданских прав, получение которых в 1980-е годы сыграло столь важную роль в ходе рассматриваемой революции или сдвиге в массовом сознании прежде всего молодой восточноевропейской интеллигенции. Демократия воспринимается в основном как личная свобода и гораздо реже – как активное гражданское участие в условиях отчуждения подавляющего большинства населения посткоммунистических стран от политики и политиков, недоверия им. Способность же простых людей влиять на политические решения, по массовым оценкам, скорее, сократилась по сравнению с периодом до 1989 г.

Польские ученые обращают внимание на тесную связь удовлетворенности уровнем развития демократии и социальным положением индивида. Неудивительно поэтому, что 26-кратно с 1993 до 2010 гг. повторенный опрос продемонстрировал недовольство поляков функционированием демократии. По этому показателю Польша оказалась на 6-м от конца месте среди 23-х европейских государств. Жители страны понимают под демократическим государством прежде всего сильное, обеспечивающее равен-

¹ Mach B.W. Jakość demokracji a struktura społeczna. – Jakość naszej demokracji: społeczno-kulturowe podstawy polskiego życia publicznego. Warszawa, 2012, s. 32.

² Данная закономерность характерна и для других стран региона.

ство и безопасность граждан, особенно его беднейших слоев, государство. Экономический и охранительный аспект государственности преобладал в стране с самого начала периода трансформации, что обусловлено в польском случае, кроме ее эффектов, 200-летней историей разделенного государства. В свою очередь, свыше трех четвертей граждан страны не хотят участвовать в управлении страной, в политической жизни (феномен банализации политики), давая ей низшие среди европейских стран оценки, а предпочитают, чтобы ими хорошо управляли. После смены систем поляки ориентируются преимущественно на характерные для них узкие неформальные связи среди родственников, друзей и знакомых¹.

В этом контексте особенно интересны ключевые процессы социокультурной динамики обществ восточноевропейского типа в период либеральной трансформации. На фоне значительного сокращения доли квалифицированных рабочих с 25% до 16% и крестьян – с 23% до 8%² образовательная компонента, что подтверждают польские данные, по-прежнему сохраняла ключевое значение в процессах развития обществ рассматриваемого типа. В условиях произошедшей на рубеже XX–XXI вв. экспансии высшего образования и значительного роста числа выпускников вузов происходило дальнейшее снижение значения образования как способа достижения высоких социально-профессиональных позиций – положения на рынке труда и карьерного механизма. Возросшее образовательное неравенство имело выраженную социально-классовую основу и продолжало усиливать общественную дифференциацию, препятствуя росту «открытости» социальной структуры.

Несоответствие сдвигов в социально-профессиональной структуре образовательным, впервые проявившееся во втором послевоенном поколении у «новой» восточноевропейской интеллигенции (рожденных в 1950-е годы), лишь усилилось и охватило весь образованный класс в следующей генерации (рожденных в 1970-х годы) – поколении времени

¹ Koralewicz J. O świadomości demokratycznej, s. 154–156.

² Положение польского села, пережившего после 1989 г. процессы деаграризации, декрестьянизации и дерурализации – не только финансовое, но также социальное и культурное – настолько тяжело, что его называют «другой Польшей». – *Tarkowska E.* Polish poverty in a broader context. – *Poland and its people in united Europe*, s. 62–63. Социокультурный портрет современного польского крестьянства – класса, в недавнем прошлом «кормившего и защищавшего», – достаточно мрачен: представители этой группы характеризуются повышенным недоверием, консерватизмом и материализмом. – *Halamska M.* Farmers: underprivileged, overprivileged? – *Ibid.*, s. 167.

рыночных реформ и демократизации. Для нынешней польской молодежи даже применимо определение «поколения неравных возможностей»¹. Неудивительно, что в последние годы регистрируется феномен возрастающего негативного отношения прежде всего молодых поляков к политическим партиям как часть более общего антипартийного синдрома, обнаруженного в 2001 и 2011 гг.: для людей, социализированных в период либеральной трансформации, политический режим в сильной мере утерял значение. Этот режим, как и предшествующий, создал поколение, отличающееся не только антипартийной культурой², но и еще более выраженной невозможностью профессиональной реализации образовательного потенциала – важнейшими предпосылками революции «Солидарности».

Переломные годы общественной трансформации рубежа XX–XXI веков ясно характеризовала специфика динамики сдвигов в иерархии престижа профессий как явлении общественного сознания – традиционной сфере социологических исследований в странах региона, прежде всего в Польше. Переход к капитализму и демократии должен был бы увеличить престиж представителей мира бизнеса и политиков. Однако на практике рассматриваемая иерархия в восточноевропейской среде отличалась относительной стабильностью на фоне знаковых для данного периода сдвигов в оценках отдельных социально-профессиональных категорий.

В общественных оценках совершилась деградация власти в лице министра, который с вершины иерархии престижа профессий опустился вниз, оказавшись рядом с неквалифицированным рабочим и уборщицей. Парадоксально, что во времена ПНР должность министра не опускалась ниже четвертой-пятой позиций, уступая лишь престижности профессора университета, врача и учителя, а также шахтера. После смены систем регистрировали значительное падение престижности управленческих позиций – министра, а особенно депутата парламента до низших уровней иерархии. Уже с начала 1990-х годов оценка министра снижается, и по

¹Domański H. Podstawowe tendencje w stratyfikacji społecznej: Polska 1982–2008. – Kulturowe aspekty struktury społecznej, s. 36–37.

²Польский электорат особенно демобилизован: после 1989 г. в выборах здесь участвует наименьшая среди посткоммунистических стран доля граждан. Поляки отличаются наибольшим по сравнению с другими европейцами недоверием к политическим партиям – в 2004 г. уровень доверия составлял всего 3%. По данным 2007 г., 44% опрошенных соглашалось с тезисом, что «в Польше было бы достаточно иметь одну хорошую, эффективную политическую партию». – Gendźwill A. Why do Poles (still) dislike political parties? Some survey insights into anti-party attitudes in Poland, 1995–2011. – Polish sociological review. 2013, № 4, p. 470–471.

данным 2004 г. депутат парламента и министр занимают соответственно вторую и третью от конца позиции, опережая лишь деятеля политической партии, располагающегося в списке из 36 профессий в Польше ниже всех (!). Не лучше оценивались и представители местной власти: воевода занял 25-е, а мэр города – 27-е место. Все это свидетельствует о значительной дистанции, отделяющей простых людей от власти, а значит – о состоянии демократии в стране¹.

В то же время, по результатам польских исследований 2004–2008 гг., стабильно, как и в период социализма, возглавлял иерархию престижа профессор университета, за которым следовали такие общественно значимые специальности, как врач, учитель, шахтер и медсестра. В первом десятке оказались также инженер и программист. То есть наибольшим уважением, несмотря на кардинальные системные – политические и экономические – сдвиги, продолжают пользоваться интеллигентские социальные категории, ценимые за высокий уровень образования, квалификацию и потенциал знаний. Речь идет о социальных категориях, традиционно выполняющих в сознании восточноевропейцев важную общественную миссию. Это означает, что сохраняется культурная доминанта общества восточноевропейского типа даже в условиях интенсивной материализации сознания, сопровождавшей процессы экспансии рынка и западной потребительской культуры.

Согласно последним исследованиям, в Польше особенно выразительным был рост престижности профессии врача (в более прагматичной Чехии эта профессия в последние годы самая престижная), который вернулся на высокую позицию, характерную для него в 1980-е годы. Сразу вслед за ним следовала профессия медсестры. Поляки не перестали высоко оценивать шахтера – главного «героя» периода социалистической индустриализации – за его труд и небезопасную деятельность. Вместе с тем регистрировался спад престижа профессора социологии, с которым общество очевидно связывает попытку искусственного «конструирования» общественного мнения, а также профессора искусствоведения.

Итак, если говорить об изменениях в общественном сознании за годы рыночно-демократических реформ, то главными оказались сдвиги в оценках профессий, связанных с властными, руководящими позициями, однако

¹ Domański H., Rychard A. O nature legitymizacji i jej kryzysów. – Legitymizacja w Polsce, s. 13–14.

в направлении, противоположном ожидавшемуся, как результат участвовавших коррупционных афер и распространения в обществе убеждения о низкой компетентности управленческо-политического класса.

Другая социальная категория, испытывающая дефицит общественного признания поляков (и, конечно, не только их в регионе), – представители бизнеса, что также служит ясным показателем неизменности культурной доминанты «нематериального» восточноевропейского человека, сохранившего специфический традиционный, досовременный тип сознания, сочетающийся с элементами постсовременности, после двух этапов модернизации – социалистической и либеральной. По завершении рыночных реформ собственник крупного предприятия оказался в нижней половине престижной иерархии, его опередил владелец небольшого магазинчика, что свидетельствовало об упоминавшемся выше глубоко укорененном недоверии человека восточноевропейского типа к людям богатым и в целом к рыночной экономике. Негативную оценку вызывал уже сам факт существования крупной частной собственности¹.

В целом, что касается носителей управленческих позиций, люди сейчас отдают приоритет «организационной власти» перед политической. Они ценят компетентность и ответственность в управлении предприятиями: по сравнению с началом рыночной трансформации директор предприятия переместился с 15 на 5 место. В то же время нынешнее отношение к политическим деятелям является результатом «несостоявшихся общественных ожиданий», а не незрелости польской демократии, с переходом к которой поляки связывали столько надежд в эпоху революции «Солидарности»². Хотя современные политические элиты в сильной мере происходят из этого движения и активно в нем участвовали, они довольно быстро отвергли его программное наследие.

Низкий престиж политиков не исключал высокой оценки преимуществ рыночной демократии, возросшей в течение первого десятилетия нового века с 59 до 81%. В то же время утвердительные ответы на более конкретные вопросы, касающиеся удовлетворенности демократией в Польше, оказались на значительно более низком уровне, увеличившись с 32 до 44%. В сознании польского общества различаются две стороны произошедших социальных сдвигов: поддержка состоявшихся пере-

¹ Domański H. Podstawowe tendencje..., s. 37.

² Ibid., s. 39.

мен и намного более слабое одобрение их институциональной стороны. В польской среде, как утверждают ведущие польские социологи *Х. Доманьский* и *А. Рыхард* в книге о легитимизации власти в стране, господствует интуитивное или осознанное представление, что существующая система идет вразрез с национальными цивилизационно-культурными характеристиками.

Социокультурная динамика восточноевропейского типа в прошедшие четыре десятилетия свидетельствует главным образом о постоянстве сложившихся еще к началу 1980-х годов (моменту завершения консервативной модернизации периода социализма на пространстве рассматриваемого региона) механизмов функционирования социальных барьеров и межпоколенческого наследования социальных позиций, о сохраняющемся отличительном для жителей региона представлении об определяющем влиянии образования на профессиональные позиции и уровень доходов. Тем более в условиях обозначившегося еще в 1970-е годы падения значения «финансовой отдачи» высшего образования, лишь усилившегося после смены систем. Период раннего капитализма, как и позднего социализма, таким образом, продемонстрировал дефицит принципиальных сдвигов в общественной структуре. Одновременно в культурной плоскости по завершении «строительства капитализма» на первый план спустя десятилетия после революции «Солидарности» вновь вышла возникающая в общественном и интеллектуальном дискурсе дихотомия «солидарность – либерализм» как проявление цивилизационной специфики двух частей европейского континента.

Что касается нынешнего отношения к общественной системе, оно отличается явной амбивалентностью: поляки отдают предпочтение капитализму в сфере экономической эффективности и социализму – в сфере социальных гарантий, занятости, справедливости, эксплуатации, выступая против полной приватизации госпредприятий. Особенно шокирующим и парадоксальным является предпочтение свободного рынка и радикальной приватизации поляками, идентифицирующими себя с левыми, а не со сторонниками правых политических сил. Обстоятельства трансформации оказались отличными от первоначальных массовых ожиданий и деклараций инициаторов системных сдвигов¹. Несоответствия между «транзитологическими» параметрами произошедших в посткоммунистических

¹ *Jasiecki K.* Deficit merytokracji i legitymizacja władzy politycznej, s. 93.

странах событий и их реальным ходом явились предметом многочисленных исследований историков и социологов региона, возможно, наиболее активных и плодотворных поныне именно в Польше, но, к сожалению, после 1989–1991 гг. малоизвестных в России.

«Большая перемена», свершившаяся в менталитете восточноевропейцев тридцать лет назад, а в Польше еще на 10 лет раньше, заключалась в попытке перехода к доминированию новой (или обновленной) прагматической и материалистической рыночной системы при девальвации и инструментализации традиционных политических, общественных и этических жизненных смыслов. Динамика ценностей после «бархатных» или моральных революций сознания в Центральной и Восточной Европе демонстрирует относительную неизменность ее региональной идентичности. Наследие первой и наиболее яркой из этих революций – революции «Солидарности» еще ждет своей реализации в начале XXI в. В основе этого наследия по-прежнему лежат особенно близкие полякам и их соседям идеи общественного единства, социальной сплоченности на основе принципов равенства и справедливости.

2.3. Восточноевропейский путь развития на примере Польши

В польских образцах социальной эволюции рубежа XX – XXI веков, как ни в каких других, проступают общие для всего восточноевропейского пути развития черты перехода от социализма к капитализму. Ресурсы польского обществоведения позволяют понять реальные содержание и направленность современного исторического процесса в бывших социалистических странах. Речь идет о достаточно большом периоде времени, позволяющем дать ответ на вопрос, действительно ли у нынешних восточноевропейцев есть то, чего они хотели при «повороте к Западу».

Граница между образом жизни и хозяйствования западных и восточных европейцев традиционно проходила по Эльбе¹. По обе стороны от нее столетиями существовали различные производственные и ментальные структуры. Тогда как на Западе с XVI в. создавались основы промыш-

¹ Lewandowski E. Charakter narodowy polaków i innych. Warszawa, 2011.

ленно-капиталистической цивилизации и развивались города, на Востоке сохранялась феодальная патриархальность сельских, крестьянских обществ. Примером их служила Польша с ее рекордной долей шляхты (25% этнических поляков), доминирующим крестьянством, крайне немногочисленными горожанами коренной национальности. Польский народ состоял из двух социально-культурных миров – «панов» и «хамов». Польскость идентифицировалась не только с селом, но и с католицизмом: реформация здесь не прижилась, и понятия «католик» и «либерал» были взаимоисключающими. Господствующая романтическая идеология слабо сочеталась с трудолюбием и предприимчивостью. Авангардом общественного развития служила не буржуазия, как на Западе, а интеллигенция, перенявшая эту историческую функцию от шляхты.

Существует обширная литература, посвященная неудачным попыткам капиталистической индустриализации и модернизации Польши. По состоянию на 1939 г. она была относительно отсталой и периферийной, по показателям социальной структуры протокапиталистической страной, в которой буржуазные ценности оставались слабо укорененными в обществе и не принимались им, учитывая этническую структуру преимущественно непольских буржуазии и средних классов, господство помещичьих и интеллигентских образцов в высших слоях, а также крестьянский характер большинства общества. Накануне Второй мировой войны в Польше, как и других странах Центральной и Восточной Европы, сохранялись анахронистические общественные структуры, авторитарные формы правления, выливающиеся в антилиберальные движения, нередко антизападные идеологии, склонность к националистическому и коммунистическому радикализму. Лишь к середине 60-х годов XX в. в результате «модернизации через советизацию» как альтернативного капиталистическому варианту развития Польша – вместе с остальными социалистическими странами – превратилась из крестьянского в преимущественно промышленное современное государство, параметры развития которого мало отличались от западных стандартов. Однако сознание народа все еще находилось под сильным влиянием традиционной крестьянско-шляхетской культуры.

Положившая начало конца деления европейского континента на две различные политико-экономические системы польская революция «Солидарности» 1980 г. была глубоко коллективистским и пролетарским, фактически социалистическим движением, и трудно было ожидать, что ее лидеры спустя время признают первенство буржуазных индивидуалистических ценностей. Да и простые польские граждане, выбравшие в 1989 г.

капитализм и демократию, в тот момент не осознавали, что им придется отказаться от многих государственных социальных гарантий, казалось, навсегда дарованных. Что же они получили взамен?

Вопреки надеждам начала 90-х годов, связанным с геополитической переориентацией и выбором новой траектории общественного развития, не произошло ожидавшегося скачкообразного перехода к англосаксонской версии капитализма. Изначальные стратегические образцы были крайне неопределенными. «Первородным грехом» демократической оппозиции периода социализма считается то, что она не разработала, даже в самых общих чертах, никакого плана общественной, особенно экономической трансформации, отсутствовала литература на тему преобразования социализма в капитализм. Хотя вначале в стране шли поиски некоего третьего пути, главным образом в виде «польско-китайского» гибрида, победил тезис о безальтернативности «программы Бальцеровича» и необходимости перехода от «государственного социализма» к «политическому либерализму».

Новая форма либерального капитализма, сформировавшаяся «к востоку от Эльбы» и качественно отличная от существующей на Западе, определяется как зависимая рыночная экономика, подчиненная интересам западных государств. Ключевую роль в ней играют транснациональные корпорации и иностранные инвесторы, контролирующие финансовый сектор, крупнейшие предприятия, торговлю и экспорт. Эта модель отличается слабостью отечественного капитала, маргинализацией трудовых представительств и низкими стандартами трудовых отношений, позволяющими конкурировать за счет низкой стоимости продукции. В посткоммунистической разновидности либерализма капитализм развивался без капитала, класса собственников, рыночных институций, в условиях деиндустриализации¹.

Прерогатива принятия решений в странах постсоциалистического капитализма переносилась на наднациональный уровень, а государства региона интегрировались с евроатлантическими структурами по принципу «внутренней периферии» ЕС, контролируемой главными государствами Запада. Стратегию системных сдвигов в странах региона предопределила неолиберальная концепция «капитализма без капитала и капиталистов».

¹Jasiecki K. Kapitalizm po polsku. Między modernizacją i periferiami Unii Europejskiej. Warszawa, 2013, s. 113.

Речь идет о создании капиталистического порядка по инициативе «старых» и «новых» политических элит – посредников между интересами западных государств и реальностью, ориентированной на вхождение в НАТО и ЕС, – в условиях отсутствия частных собственников как главного двигателя рыночной экономики. В постсоциалистической Европе трудно было говорить о существовании автономной элиты бизнеса. Поэтому в условиях осуществления неолиберальной имитационной стратегии «модернизации через интеграцию» с Западом в Венгрии иностранные собственники составили 2/3 их численности. Транснационализация экономики этой страны ушла еще дальше, чем Польши. В течение десятилетия иностранный капитал в регионе завоевал более прочные позиции, чем в 60-е годы XX в. в Латинской Америке. Формировался конфликт между «импортированной модернизацией» и поиском ее «польского пути».

Основу восточноевропейского варианта капитализма составило «эпохальное лишение собственности» целых народов¹ или денационализация (приватизация). Она стала инструментом социальной революции, одних вынесшей во главу социальной иерархии, других обрекшей на безнадежное отставание². Трансформация строя угрожала прежде всего интересам «трудящегося класса» или наемным работникам.

Одновременно произошла демобилизация движения трудящихся. Вслед за сменой политической системы утвердилась либерально-конструктивистская парадигма развития: то, что прежде проявлялось в боевом, радикальном настрое «Содидарности», вдруг объявили популизмом и осудили. Образцом системного изменения было провозглашено не вовлечение масс в гражданскую активность, а их деполитизация³. Одновременно широко пропагандировались случаи индивидуального обогащения, а неравенство доходов представлялось как импульс экономического роста. Частный сектор провозглашался выгодным рынком труда, где работу найти легче, чем в госсекторе. Если «Солидарность» опиралась на огромный капитал социального доверия и коллективные акции, то трансформационная фаза развития – на индивидуальную стратегию согласия с рыночными принципами. Совершился переход от «гражданственно-политической» фазы общественной вовлеченности к

¹ Keller J. *Ted' když máme, co jsme chtěli*. Praha, 2008.

² *Zmiany strukturalne. Gospodarka i społeczeństwo*. Warszawa, 1995, s. 91.

³ *Ibid.*, s. 151.

«потребительско-рыночной», к стратегии «деполитизации» и «экономизации». В начале 90-х годов, после введения свободного рынка люди начали массово пытаться открывать собственный бизнес, некоторые успешно. В итоге доля собственников возросла в четыре раза, достигнув 9% населения¹. Около 40% польских предпринимателей происходили из переживавшего процессы социальной дифференциации рабочего класса. Конечно, это были малые предприятия, в значительной степени подчиненные западным фирмам².

Не заставили себя ждать процессы делигитимизации рождающейся рыночной системы со стороны населения страны. Социологи отмечали всплеск конфликтного потенциала между властной элитой и остальным обществом, отказ от массовой поддержки радикальных реформ уже к 1993 г. К этому времени для многих «рыночный миф» был разрушен, произошло изменение восприятия частной экономики. На вопрос, «где хотели бы работать», 3/4 поляков отвечало: на государственных предприятиях³. Эгалитарно-патерналистская система отбрасывала назад у рыночной все большее число сторонников. Капитализм оказывался совсем не таким, как люди его представляли, каким знали из книг и фильмов. Уже намного меньше поляков верило в собственные силы и в то, что их личный успех зависит исключительно от них самих, чем в последние годы Народной Польши. Вдвое больше граждан, чем во времена ПНР, считало, что государство должно ограничивать величину максимальных заработков. Им было трудно примириться с появившейся бедностью и быстро растущей, прежде неизвестной им безработицей. Особенно в то время ухудшились настроения среди интеллигенции и собственников, связывавших с новым строем наибольшие надежды.

Многие наблюдатели политической жизни в регионе были не готовы к возможности победы посткоммунистов на свободных выборах 1993 г. и левому повороту, свершившемуся так быстро после распада социалистической системы. Но они были в равной степени не готовы и к тому, что оказавшиеся у власти посткоммунистические элиты поддержат радикальные изменения в политической и экономической системе, включая

¹Publicystyczny komentarz socjologów. Analizy. Polemiki. Wywiady. Warszawa, 2006, s. 3

²W środku Europy? Wyniki Europejskiego sondażu społecznego. Warszawa, 2006, s. 207.

³Publicystyczny komentarz socjologów, s. 351.

польское членство в НАТО и вступление в ЕС. Но это действительно произошло – и не только в Польше.

В этих условиях важнейшим направлением социальной динамики, отчетливо обозначившимся в ключевой период трансформации 1989–1993 гг. и получившим полное развитие в последующие годы, в Польше и других странах региона стало резкое падение занятости населения как проявление процесса дезинтеграции общества. К числу профессионально активных в начале XXI в. в Польше принадлежало лишь 46% населения, этот уровень снижался на 1–2% ежегодно. А еще совсем недавно существовала практически полная, близкая к 90-процентному уровню занятость. Труд будто бы стремительно «замирал»¹. Сформировался сильнейший синдром «эластичности» занятости. Считается, что нет такой другой страны в Европе, где занятость столь ненадежная и столь широко осуществляется по непродолжительным, а также «серым» (в Польше их называют «мусорными») договорам. Каждый третий работающий поляк не имеет постоянного трудового договора, тогда как в среднем по ЕС этот показатель не превышает 14%². Польша в этом отношении лидирует в Евросоюзе. Еще часть трудящихся работает фактически без договоров, существуя за счет подработок и получая деньги «в конверте». В этой ситуации 2/3 трудящихся заявляют об отсутствии чувства безопасности занятости и испытывают страх перед потерей работы, к которой относятся как к сугубо временному делу, в котором мало заинтересованы. Кроме того, по доле людей, уехавших на заработки за границу, поляки лидируют, особенно после интеграции страны в ЕС в 2004 г.: первая волна эмигрантов, выполнявших неквалифицированные виды труда, сменилась отъездом высокообразованных специалистов (феномен «экспорта безработицы»). В результате Польша оказалась на одном из первых мест в Европе по дестабилизации занятости³. Этот процесс имел политическое значение. Ведь трансформация не изменила убеждения более, чем 80% поляков, что государство обязано гарантировать им право на труд⁴.

Тем не менее, рынок укоренился в польском обществе и массовое участие поляков в институциях рынка больше, чем участие в демократии.

¹ Ibid., s. 430.

² Jarosz M., Kozak M. W. *Eksploracja nierówności?* Warszawa, 2015, s. 91.

³ W środku Europy? S. 69.

⁴ Co dzieje się ze społeczeństwem? Kraków, 2012, s. 115.

Действительно, последние тридцать лет экспансия рынков и рыночных ценностей в восточной части европейского континента захватывала сферы жизни, в которых им нет места, общество фактически превращалось в придаток рынка. Но рыночная вовлеченность проявляется в Польше главным образом в потребительском значении, не способном инициировать коллективную активность. Это обстоятельство касается прежде всего рабочего класса – главного двигателя падения коммунизма, после установления капитализма в сильной мере прекратившего свое существование или превратившегося в мелкую буржуазию. Рынок и сфера потребительского выбора стали главным пространством индивидуальной свободы, компенсирующим ограничения ее в других областях. Согласно исследованиям, поляки видят больше возможностей независимого выбора в качестве потребителей, чем как работники и граждане¹. Автономию в этой, оставшейся сфере человек стремится сохранить любой ценой. В условиях крайне слабого польского социального капитала и низкого на общеевропейском фоне капитала доверия фундаментальным политическим институтам (политическим партиям, парламенту), исключительного недоверия к политическому классу – создателю политического капитализма (его в целом, без учета партийной принадлежности и происхождения, поляки считают главным общественным врагом)² и невысокого уровня легитимации политической системы превращение людей в пассивных потребителей продуктов и услуг позволило обеспечить низкий уровень социального конфликта, стабилизировать политическую ситуацию³.

Сыграла роль и в целом слабая способность поляков использовать любые институты, а также сохранение ключевого значения неформальных связей. Нежелание участвовать в гражданской активности «снизу» усилилось в результате сужения сферы политики до решения проблем международной. Слабое по сравнению с ожидаемым и демонстрируемым социологическими опросами общественное сопротивление трансформации, в том числе экспансии иностранного капитала, вызвано и разрушением в результате приватизации связей, объединявших рабочее сообщество, а также отсутствием одного адресата его требований – государства⁴. Пода-

¹ Jak żyją Polacy? Warszawa, 2000.

² Inna (?) Europa. Poznań, 2004, s. 45.

³ Polska-Europa. Wyniki Europejskiego sondażu społecznego 2002–2012. Warszawa, 2014.

⁴ Foreign owners and Polish employees of privatized enterprises. Warsaw, 1997.

вляющее большинство занятых работает на предприятиях, лишенных организованных форм участия трудящихся. В польской экономике существует широкая сфера неорганизованного капитализма, где не регулируются отношения между трудом и капиталом¹. Польша относится к числу стран ЕС с наименьшим уровнем принадлежности к профсоюзным или подобным организациям и со слабыми правами участия, что парадоксально для страны, где существовало крупнейшее после Второй мировой войны движение трудящихся, организованное в рамках профсоюза «Солидарность»². Польша, как и другие посткоммунистические страны, также принадлежит к числу стран с низшим уровнем участия в протестной активности (в демонстрациях участвует всего 2–3% населения), особенно слабой в среде рабочих и крестьян. Протестный авангард составляют почувствовавшие «вкус» к демократии управленцы и эксперты, что укрепляет их итак высокие позиции в обществе.

Резкое снижение занятости и гражданского участия привело к двум проявлениям нового для стран региона феномена общественного исключения – экономического и политического. Его синонимами служат понятия «маргинализация», «отчуждение», «деклассирование». Причиной исключения из доступа к ресурсам общества является недостаток трудовых ресурсов и деградация социальная, материальная, здравоохранения, моральная, культурная. Масштабы исключения в Польше имеют тенденцию роста³.

С различными видами общественного исключения корреспондирует наиболее драматичное «исключение из жизни». Речь идет о сокращении продолжительности жизни и добровольном отказе от нее – самоубийстве. Обнаружена сильная связь смертности с образованностью. Показатели смертности значительно выше для людей менее образованных, возможности адаптации которых к вестернизированной капиталистической системе были уже. Средняя продолжительность жизни молодого необразованного человека в нынешней Польше на 10 лет ниже по сравнению с его высокообразованным ровесником с соответствующим экономическим и социальным статусом. Материальное и образовательное неравенство превратилось в важный фактор преждевременного исключения из жиз-

¹ W śródku Europy? S. 81.

² Jasiecki K. Op. cit., s. 394.

³ Inna (?) Europa. S. 72.

ни групп с низким статусом¹. В этой же социальной категории наиболее распространены и самоубийства. Их показатели в Польше относительно невысоки, но по структуре и динамике данного явления можно судить о происходящем в обществе. За самоубийствами стоят чрезмерные, нереализованные ожидания, связанные с трансформацией, главными действующими лицами которой люди являлись, страх перед будущим, отличным от обещанного политиками в начале перемен. Исключением из общей долговременной тенденции роста самоубийств явились 1981 г. и рубеж 1989–1990 гг., когда суицидogenicность повышалась только среди работников управленческого звена или номенклатуры.

Во время революции «Солидарности» показатели смерти от самоубийств сократились на треть, особенно среди рабочих, составлявших «костяк» рабочего класса, – горняков, металлургов, судостроителей, ранее преобладавших в структуре самоубийств. Они возлагали большие надежды на события 1980–1981 гг. и свое противостояние власти. Уже 1982 г. вместе с введением военного положения в стране принес скачок показателей автодеструкции. «Бархатная» революция 1989 г. вызвала аналогичное падение показателей самоубийств, которые позднее, особенно после их относительной стабилизации в 90-е годы, в начале XXI в. систематически росли. В эти годы доминируют самоубийства по экономическим причинам. Рост «исключенных» групп населения резко увеличил вероятность автодеструкции. В 2008 г. экономический кризис стал фактором, значительно повысившим частоту самоубийств в условиях распространения безработицы и бедности в сочетании с замедлением темпа развития экономики и отсутствием надежды на улучшение положения.

Типичный польский самоубийца – мужчина в возрасте 35–45 лет, живущий в селе или малом городе (особенно монопромышленном, где закрытие или приватизация одного предприятия вела к резкому росту патологического поведения), занятый физическим трудом или безработный, недавно овдовевший или разведенный². По сравнению с другими странами Польша характеризуется сверхпредставленностью самоубийств в возрасте 35–54 года. Невозможность достижения желаемых социальных позиций для молодежи составляет основу и революционных, как в период революции «Солидарности», и девиантных, в том числе автодеструк-

¹ Polska europejska czy narodowa? Warszawa, 2014, s. 70.

² Jarosz M. Samobójstwa: dlaczego teraz? Warszawa, 2013, s. 95.

тивных настроений в этой возрастной группе. Поэтому в начале XXI в. наблюдалось явление «омоложения» возрастной структуры самоубийств, чаще всего среди мужского населения.

В Польше сейчас одна из высших в мире диспропорций показателей самоубийств мужчин и женщин. Так кончают свою жизнь в шесть раз чаще мужчины, чем женщины. Польские женщины традиционно были «сильней» мужчин. Здесь родилась модель высоко почитаемой «Матери Польши». Пример ее шел от шляхты и прочно укоренился в крестьянской среде. В наши дни у польских женщин выше уровень и быстрее темп роста образованности, один из высших в мире показателей профессиональной активности, часть их принадлежит к более высокооплачиваемой и конкурентноспособной на рынке труда по сравнению с мужчинами категории населения. В период мирового экономического кризиса последние чаще теряли работу. Женщины лучше вписались в новую действительность и стали доминировать в польского обществе. Вместе с тем польские женщины как правило не поддерживают радикальные социальные изменения, так как лишение государственного обеспечения не соответствует их интересам как матерей. Женщины поэтому часто выступают против не только рыночной экономики, но и демократии, ориентируются на традиционные, нелиберальные ценности, поддерживаемые Церковью¹. Польшу называют страной «сильных» женщин и «слабых» мужчин, для которых утрата рабочего места становится суицидогенным фактором².

Общественная трансформация, при всех ее экономических эффектах, существенно нарушает структуры общества, о чем ярко свидетельствуют тенденции динамики суицидогенности в Польше с середины XX в. Если в период социалистической индустриализации и миграций из села в город 1950–1960-х годов показатели самоубийств были выше в городах, то в 90-е – начале XXI в., особенно после 2010 г., этот вид девиации перемещается главным образом в сельскую местность. Что связано с исключительно быстрым упадком промышленности, прежде всего шахт и связанных с ними предприятий, оставивших без работы многочисленную в Польше категорию так называемых крестьян-рабочих, ежедневно перемещающихся между городом и селом. Кроме того, с 2001 г. начался

¹ Continuity and change in social life. Structural and psychological adjustment in Poland. Warsaw, 2007, s. 103.

² Jarosz M. Samobójstwa: dlaczego teraz? S. 175.

рост реэмиграции горожан в села. При резком уменьшении количества крестьянских хозяйств там росла численность внесельскохозяйственного населения и незанятых. Вновь прибывшие испытывали трудности социальной адаптации и интеграции на новом месте в переломный момент в жизни «последних крестьян Европы». Самоубийства в селах усиливались и за счет работников бывших государственных хозяйств – «проигравших» и не готовых к исполнению новых профессиональных ролей.

Нынешняя выраженная пауперизация сельской среды особенно разительна по сравнению с ее «идиллическими картинами» 1970-х годов или с ситуацией в современных крупных городах, где легче найти какую-нибудь работу. Что касается самого крестьянства, показатели его автодеструкции опережающими темпами росли уже после 1982 г., т.е. с самого начала польской трансформации. Посткоммунистический переход повлиял на крестьянство, бывшее объектом политики относительного протекционизма со стороны социалистического государства, более негативно, чем на многие другие группы населения. Их материальное положение резко ухудшилось в период либерализации цен и нестабильности 1988–1993 гг., когда доходы индивидуальных крестьян упали на половину и произошло наибольшее уменьшение их численности: из тех, кто фермерствовал в начале этого периода, к его концу в результате коренного изменения условий хозяйствования осталось всего 23%. Этот класс, как и рабочий, пережил значительную дифференциацию, деление на имущих, имеющих перспективы развития, и обедневших собственников малых хозяйств, которые не смогли быстро адаптироваться к иностранным сельскохозяйственным системам и не понимали зачем это надо. На происходящие перемены они ответили «стратегией выживания, связанной с глубоким недоверием политике правительства»¹. Важнейшим процессом социально-структурных изменений в период с самого начала перемен польские социологи считают формирование барьера между крестьянством и некрестьянским населением с точки зрения возможности межпоколенческой мобильности и шансов получения образования выше среднего. Т.е. резко возросла социальная сепарация крестьян².

И все же наиболее проиграл от смены строя рабочий класс, учитывая фатальное ухудшение его материального (доходы его квалифицированной

¹Continuity and change in social life, s. 75, 82.

²Co dzieje się ze społeczeństwem? S. 223.

части в период социализма не отличались от доходов интеллигенции) и социального (бывший господствующий класс) положения, особенно по сравнению с тем, чего они ожидали. Поскольку эта смена была в большой степени заслугой рабочего класса («Солидарность» называют революцией рабочих), можно было ожидать, что социальная цена ее будет для них ниже, чем в других странах региона, и возникнет более благоприятная для рабочих модель капитализма (наподобие скандинавской). Этого, однако, не произошло, и именно польский рабочий класс пострадал в наибольшей степени в регионе¹. Главное изменение в социальной структуре периода перехода от социализма к капитализму – падение численности рабочих, преимущественно их квалифицированной части. Напротив, доля неквалифицированных рабочих, оказавшихся на периферии общественной динамики, оставалась относительно неизменной. Главными факторами социальной деградации рабочих стали особенно высокая в их среде безработица и переход из государственного сектора в периферийные сегменты частного сектора, на малооплачиваемую работу в малых и средних фирмах, а также занятость в «серой зоне».

В последнее время в социологической и политологической литературе о рабочем классе, уменьшившемся количественно и по значению, пишется все реже. На смену пришла дискуссия о так называемом прекариате (по аналогии с пролетариатом) – явлении XXI в. и эпохи неолиберализма. К нему относятся работники упоминавшихся «эластичных» форм занятости «от времени к времени», живущие на подработках, без чувства безопасности, связанного с трудом, и соответствующих социальных выплат и гарантий – отпусков, больничных, пенсий. Прекариат – это первый в истории класс, который включает обладателей профессиональной квалификации, излишне высокой для выполнения стоящих перед ним производственных задач, в том числе часть людей культуры. Практический каждый член общества в существующих условиях может пополнить этот класс. Однако особенно велика его представленность в среде молодежи. Понятие «прекариат» фактически приходит на смену понятию «общественного исключения». Им сродни другое вестернизированное понятие, тоже новое для Польши и других стран восточноевропейского региона – низший класс или *underclass*. Это те, кто находятся в состоянии материальной депривации и постоянной изоляции от профессионального труда, или длительно

¹Wykluczeni. Wymiar społeczny, materialny i etniczny. Warszawa, 2008, s. 74.

безработные. Все названные группы исключены и из общественной активности. Их появление после 1989 г. было основным социально-политическим сдвигом в обществе восточноевропейского типа.

В результате фактического деклассирования рабочего класса и крестьянства, самоидентифицировавшихся с низшим классом, сложилась модель социальной структуры наподобие «груши» с большинством населения в основании «пирамиды». Она все больше приближалась к аналогичной модели, характерной для развивающихся стран, и отличалась от западной – наподобие «яблока» с сильными средними слоями. Доходы людей, принадлежавших к нижней части структуры стратификации в восточноевропейском обществе, астрономически удалены от доходов крайне узкого верхнего слоя богатых, переходящего на самомверху в тонкий «стебелек» доходной элиты. Вместе с тем средний класс, формировавшийся в период строительства капитализма как главный бенефициар перемен, в странах региона относительно стагнировал или даже убывал.

Период послевоенной социалистической модернизации, прежде всего 50–60-е годы XX в., имел неоспоримое преимущество – всеобщность просвещения, открывавшая дорогу социально-образовательной мобильности для большей части молодежи. Она получила возможность перейти в более высокие слои общества и профессиональные группы, переехать из села в город. Рост показателей уровня образования, в том числе высшего, во всех группах общества сглаживал социально-классовые различия. Уже в 70-е годы структура общества начала терять черты открытости, что выражалось в наследовании статуса родителей следующим поколением. Процесс воспроизводства растущих социальных дистанций, поляризации общества резко усилился с переходом к антиэгалитарной, рыночной системе.

В 90-е – начале XXI в. произошел процесс, получивший название «неконтролируемой эксплозии» образования на уровне выше среднего. Случился более, чем трехкратный рост количества высших учебных заведений и более чем четырехкратный рост количества студентов. Однако он касался главным образом ранее несуществовавших в стране частных вузов и платного обучения. Параллельным образовательному взрыву процессом было формирование «раскола» между государственными и негосударственными учебными заведениями как основы несправедливого распределения жизненных шансов. Дело в том, что наиболее элитарным и труднодоступным стало обучение в бесплатных высших школах. Напротив, в самые эгалитарные превратились дававшие в целом некачественное

образование платные частные школы, в которых большинство учащихся составляли выходцы из малообеспеченных рабочих или крестьянских семей. Несмотря на рост количества лиц, продолжающих обучение, дети как правило по-прежнему «повторяли» образование родителей и прародителей, и шансы выйти за пределы своего класса у низших слоев оставались иллюзорными. Если они и были, то только как «движение вниз», в группу безработных и маргинализированных. В последние годы возможности обучения молодежи из неинтеллигентских семей уменьшались в ускоренном темпе. А механизмы наследования образовательных неравенств стали неотъемлемой составной частью структуры общества¹.

Произошедший с переходом к рынку образовательный бум на уровне столь востребуемого и ценимого обществом, рождающего у него большие надежды высшего образования, явился эффектом прежде всего спонтанной «мобилизации снизу», при минимальной поддержке государства – его расходы на образование и науку одни из низших в Европе. Не потребность в многочисленных специалистах находилась в основе случившегося образовательного бума, а в чистом виде «статусное соперничество» социальных групп. Противоречащий либерализационным эффектам образования в западных демократиях, этот бум привел к «инфляции дипломов» и обернулся понижением и уровня образования, и его материальной оценки, в публицистике получившим название «образовательного обмана». Он охватил более десяти возрастных когорт населения². Это недоучившиеся и малоуспешные люди, подавляющее большинство которых не испытывает интереса в политике. Уже только треть польской молодежи считает

¹ Domański H. Społeczeństwa europejskie. Stratyfikacja i systemy wartości. Warszawa, 2009, s. 60.

² Согласно результатам одного из последних исследований динамики факторов успеха, в польском общественном мнении по сравнению с 1988 г., а особенно в последние годы возросло значение «упорного труда», т.е. важность активного подхода в социальном достижении. Вместе с тем после 2008 г. ослабла роль «хорошего образования» на пути к успеху. Это изменение может быть результатом разочарования в нереализованных ожиданиях относительно высшего образования, особенно в период экономического кризиса. Одновременно увеличилась вера в движущую силу «везения» как эффект роста непредсказуемости жизненных судеб, отчетливого на рубеже веков. В последние годы увеличилась и роль «семьи и друзей», а также, что удивительно, на протяжении всего периода перехода к капитализму повышалось значение «знания нужных людей» для достижения жизненного успеха, хотя в общественных дебатах в стране влияние этого фактора связывается только с дотрансформационным периодом. – Baczko-Dombi A., Wyszulek I. Determinants of success in public opinion in Poland: factors, directions and dynamics of change. – Polish sociological review, 2015, № 3.

демократию желательной системой. Отчуждение власти от общества и особенно его молодого поколения представляет для Польши реальную опасность¹. Все эмпирические исследования свидетельствуют о нарастании социальной нетерпимости прежде всего рабочего класса в его нынешнем виде. Считается, что Польша бенефициаров трансформации не найдет общего языка с Польшей «проигравших» и «исключенных». Последние обвиняют в своих жизненных бедствиях первых и, конечно, всю систему, которая привела их к социальному поражению.

Польская версия политического капитализма включает новый вид деления на «мы» и «они». Теперь речь идет о противостоянии или «разрыве», даже «пропасти» между классом богатых и стоящих у власти, с одной стороны, и большинством общества, включающим наиболее многочисленные в прежней системе рабочий класс и крестьянство, ныне образующим низший класс, – с другой. Несмотря на процессы угасания классовой структуры, которым способствовали эффекты «обуржуазивания» рабочего класса и «пролетаризации» среднего класса, классовые барьеры удерживались, классовые различия сохранялись, и классовые интересы формировали политические взгляды и поведение. Тезис о «смерти классов» не выдерживает эмпирической проверки в случае Польши². Напротив, классовое деление, в польском случае прежде всего на интеллигенцию, собственников фирм и низший класс относительно консолидировалось к началу XXI века.

Несмотря на развитие рыночных отношений образовательный капитал и квалификация оставались в польском обществе важнейшим фактором профессионального рекрутирования и дифференциации доходов, опережавшим по значению владение средствами производства³. Наибольшим польским бенефициаром перемен стали эксперты в области управления капиталом⁴. Лидеры иерархии доходов – руководители предприятий и нетехническая интеллигенция⁵. Если в прошлой системе доминировал тип фрустрированного интеллигента, который не мог реализовать стремление к более высокому материальному статусу как средний класс в рыночном обществе, теперь для части представителей этого класса ситуация изменилась.

¹ Jarosz M., Kozak M.W. Op. cit., s. 74.

² Social patterns of being political. The initial phase of the post-communist transition in Poland. Warsaw, 2000, s. 209.

³ Domański H. Czy są w Polsce klasy społeczne? Warszawa, 2015, s. 134.

⁴ Jarosz M., Kozak M.W. Op. cit., s. 65.

⁵ Polska. Ale jaka? Warszawa, 2005, s. 189.

Одновременно возросли барьеры брачных и дружеских связей интеллигенции¹, превратившейся в культурную буржуазию или рыночный класс знания (knowledge class), обладателей культурного капитала или разновидность современной польской элиты наподобие традиционной шляхты, по-своему участвующей в создании «капитализма без капиталистов и без частного капитала». Руководители высшего уровня и специалисты в большинстве своем стали носителями наиболее пролиберальных и нравственно толерантных взглядов (на политику государственного интервенционализма, неравенство доходов, величину социальных пособий, семейную проблематику и др.) по сравнению с категориями, занимающими более низкие социальные позиции – собственниками и рутинными работниками умственного труда, не говоря о наиболее традиционалистически мыслящих польских рабочих и особенно крестьянах.

Формирование классовых различий в польском обществе проявлялось и в изменении взглядов на социалистическое прошлое, которое подробно и регулярно исследуется социологами страны. В целом в период после 1989 г. доля людей, придерживающихся положительного мнения о прошлом, в Польше не уменьшалась, напротив, подобные взгляды распространялись. С течением времени, наблюдая за системной трансформацией, каждый пятый поляк перешел от негативной к позитивной оценке социализма. Доля людей, нейтрально относившихся к социализму, но затем ставших его сторонниками, возросла. Согласие с новым, демократическим режимом растет пропорционально социальному статусу, как и в других странах региона. Напротив, зависимость между статусом и оценкой прошлого становилась негативной, и все сильнее.

В период социализма в Польше наибольшая часть позитивных оценок существовавшего режима шла от образованных слоев населения, особенно руководящего звена, а также специалистов. Еще при позднем социализме и в начале общественных преобразований они возглавляли иерархию поддерживающих социалистический строй, но, осознав возможности, предоставляемые новой системой, забыли о выгодах прошлой и дистанцировались от нее: их симпатии к социализму регулярно и систематически убывали. Те же, кто был наиболее критичен к прежнему строю, но оказался в еще более плохой ситуации с его падением, теперь оценили бывшие преимущества. Отношение к прошлому предопределяли, таким образом, механизмы

¹Continuity and change in social life, s. 134.

индивидуальных и групповых интересов, точнее – формирование реалистичного образа нового строя¹. Демократия перестала быть самоцелью, а начала оцениваться сквозь призму социального положения, а также потерь и приобретений, которые несет в себе жизнь в качественно иных общественных условиях. Люди с низкими уровнями образования, рабочие, превратившиеся из героев борьбы с прежней властью в главную жертву ее смены, и крестьяне стали первыми в позитивных оценках социализма, тогда как еще в 1989 г. были последними в его восхвалении². Представления «выигравших» и «проигравшего» большинства все более различались и становились непримиримыми. Другое дело – партийно-политические возможности реализации классовых интересов в обществе восточноевропейского типа.

Постепенная поляризация польского общества, вызванная его экономической и политической трансформацией, поделила страну на две (или даже три) Польши. Одна Польша – это электорат партии Гражданская платформа (ГП), все слабее идентифицирующийся с ее политикой. Ее избиратели включают выходцев из средних слоев, образованных, бенефициаров перемен. К их числу относят приехавших из малых населенных пунктов в крупные города работников корпораций, воспитанных ведущими СМИ «врагов польскости» со слабым духовным потенциалом, мечтающих о «домике с садиком» потребителей³. В последние годы электорат этой партии несет значительные потери молодого поколения, разочарованного перспективой потери труда и своим социальным статусом, худшим по сравнению с родителями. Другая Польша – доминирующий электорат пришедшей к власти партии Право и справедливость (ПиС), растущий и в сильной мере состоящий из людей бедных, малообразованных, религиозных, часто «проигравших» в результате перемен. Это те, кто верят, что возможно завоевали свободу, но потеряли братство и справедливость. ПиС в последнее время поддерживает также часть молодых людей, благополучных и высокообразованных, но недовольных итогами трансформации. Это унаследовавшие, как говорят, «ген патриотизма», обладатели национально-ориентированных убеждений и оживших в начале нового века традиционных нравственных ценностей. Существует, правда, еще и третья Польша, охватывающая около 40% общества, – люди,

¹ Polska. Ale jaka? S. 182.

² Continuity and change in social life, s. 325.

³ Polska europejska czy narodowa? S. 86.

сосредоточенные на собственных проблемах и проблемах своей семьи. Они не интересуются политикой и не участвуют в выборах. Синдром исключения в различных его проявлениях особенно характерен для этой группы польского общества¹.

Политическая сцена страны фактически поделена между двумя доминирующими партиями – консервативно-неолиберальной ГП и право-националистической, хотя и левой в вопросах экономики Пис. Осью деления на два политических лагеря – проевропейских модернизаторов и евроскептиков традиционалистов – является отношение к импортированной с Запада модели современности. Современная польская политика не соответствует традиционной парадигме деления на левые и правые партии. С начала 90-х годов польские левые элиты являются твердыми сторонниками неолиберальных реформ, а рабочий класс воспринимают как угрозу им. Поэтому либеральные левые посткоммунисты придерживались стратегии, направленной на убеждение рабочих в неизбежности и краткосрочности рыночных реформ. Вместо того, чтобы мобилизовать рабочих в соответствии с их классовыми интересами, экономическое недовольство людей канализировали в русло религиозного фундаментализма и национализма². В результате левые утратили, а правые консерваторы завоевали электоральную поддержку польского рабочего класса, что особенно ярко проявилось на выборах 2005 г., когда Право и справедливость сокрушительно победила Союз демократических левых сил на платформе, оппозиционной рыночным реформам. Но главную роль сыграла успешная мобилизация правыми моралистической политики – обещаний защищать католические ценности и возвратиться к традиционной семье. После протестного голосования пострадавших от реформ в 1993 г., когда поворот влево воспринимался как возврат к классовому голосованию, следующие драматические парламентские выборы 2005 г. стали поворотом к моральным ценностям, во многом действительно утраченным за время реформ.

Классовая принадлежность в Польше, как и других восточноевропейских странах, относительно более слабый, чем на Западе, показатель голосования за политические партии и участия в выборах. У собственников и рабочих наиболее слабо выражены партийные предпочтения³. Пар-

¹ Jarosz M., Kozak M.W. Op. cit., s. 81, 87.

² Ost D. The defeat of Solidarity: anger and politics in postcommunist Europe. N.Y., 2005.

³ Domański H. Czy są w Polsce klasy społeczne? S. 155.

тийный выбор низовых слоев польского общества формируется на фоне укрепления поддержки традиционной модели семьи прежде всего в их среде, в противовес части электората, открытого западному стилю жизни. Появление на политической сцене партии Право и справедливость было фактором, способствующим скорее стиранию классовых различий, чем их консолидации¹. Деление польской политической сцены на ПиС и ГП – это главным образом проявление ее моральной поляризации. Вместе с тем все смелей и чаще о текущих проблемах и трудностях развития страны, связанным с общественным неравенством, в Польше говорят не левые, а правые, прежде не интересовавшиеся темой социальной справедливости и ее нарушениями. Каков же итог современного этапа восточноевропейского пути развития для Польши и стран региона?

Несмотря на интенсивную имитацию западных идеалов и практик в Польше и других странах «к востоку от Эльбы» сохраняется их культурно-цивилизационное отличие. По сравнению с Западной Европой здесь больше роль государства в экономике, роль семьи, других неформальных институтов и удельный вес крестьянства, слабей частный сектор и гражданское общество. Барьером вестернизации по-восточноевропейски является ментальное и культурное отличие польского общества от развитых капиталистических государств, которое укоренено в нерыночной экономической культуре общества. Она характеризуется «семейственностью» (персонализацией общественных отношений и идентификацией с людьми, а не институциями), предпочтением малых организаций крупным, не вызывающим доверия, моральной «солидарностью» и анархичным коллективизмом, демонстративным потреблением и неоднозначным отношением к богатству, характерным для экономики позднего феодализма, исторической разновидностью которого называют госсocialизм². Большинство поляков сохраняет негативное отношение к либерализму – идеологической основе рыночных отношений³. А патриотическая интеллигенция заявляет о себе как гегемоне современного польского общества и обосновывает традиционный исторический приоритет культурного капитала в стране⁴.

¹ Ibid., s. 168.

² Jasiński K. Op. cit., s. 266.

³ Publicystyczny komentarz socjologów, s. 301.

⁴ Zarycki T., Warczok T. Hegemonia inteligencji: kapitał kulturowy we współczesnym polskim polu władzy – perspektywa “długiego trwania”. – Kultura i społeczeństwo, 2014, № 4, s. 37.

Стремление руководства страны вестернизировать ее привело к драматическому росту социального неравенства. Одновременно в обществе утверждалось убеждение, что не может быть демократизации без равенства в социальной структуре, и распространялось представление о Польше как стране неравных шансов¹. Молодежь, как и накануне крушения коммунизма, не может занять соответствующие уровню образования социальные позиции, «закрывается» система социального продвижения. Похожий по сути процесс происходит и в сфере политики, в которой доминирует противостояние двух партий. Результат – интенсификация массового использования стратегии «выхода» или в форме эмиграции, или в форме (само)исключения из общественной системы, неучастия в экономической и политической жизни страны и в конечном счете недоверие власти. Все это проявления «нисходящей» тенденции в общественном развитии страны², переход которой к национальным ценностям и «польскому пути модернизации» фактически состоялся. Стало очевидным и исчерпание модели «трансформационного обещания»: либерализм, демократия, возвращение в Европу теперь не воспринимаются народом как вопрос времени, а ставятся под сомнение. Завершение в Польше эпохи рыночного триумфализма датируется социологами экономическим кризисом 2008 г., окончательно подорвавшим веру в преимущества свободного рынка и дерегулирования³.

После революции «Солидарности» прошел период, близкий по продолжительности периоду создания индустриального общества реального социализма в Восточной Европе. Это время во многом «возвратного» общественно-исторического развития в недавнем прошлом сельской, аграрной периферии Запада, довольно поздно вошедшей в круг государств современного типа. Теперь здесь сформировалась восточноевропейская разновидность Третьего мира. Она проявилась прежде всего в кульминации социального исключения, в образцах цивилизационного провинциализма стран, расположенных «далеко от Запада». Капиталистический период восточноевропейского пути развития, как и социализм, предопределил судьбы двух поколений жителей региона. У большинства их структурные сдвиги безальтернативной либеральной направленности вызвали глубокое разочарование – тем большее, чем сильнее изначально была вера людей в «новую действительность».

¹ Jasiński K. Op. cit., s. 179.

² Hopes and anxieties in Europe. Frankfurt am Main, 2015, s. 22.

³ Jarosz M., Kozak M. W. Op. cit., s. 30.

Глава 3. ЧЕХИ

3.1. Восприятие людьми событий национальной истории

Ключевым вопросом любого общества является обращение к его корням, истории и особенно отражение их в сознании современников. В Чешской Республике спустя три десятилетия после революционных перемен актуализировалась проблема создания объединяющей общество концепции исторического процесса. На фоне высказываемых историками страны сомнений в возможности консенсуса в оценке исторических событий социологами предпринимаются попытки исследования исторического сознания людей – то есть существующих в обществе представлений о прошлом. Причем только в Чехии подобные исследования повторяются с середины XX в., став уникальным, не имеющим аналогов в других странах, научным явлением. Это свидетельствует о непреходящей важности на протяжении всего послевоенного периода темы самосознания в истории для чешского народа, его культуры.

Тем не менее, как показали опросные данные, на сегодняшний день среди чешских граждан довольно мало тех, кто, по их собственным, довольно самокритичным оценкам, сильно и активно интересуется историей – всего 4%. Чаще остальных проявляют интерес к истории учащиеся, высокообразованные, относящие себя к высшим слоям среднего класса и практикующие верующие. Не интересуются историей люди малообразованные¹. С возрастом этот интерес растет, но каждый пятый молодой

¹Šubrt J., Vinopal J. K otázce historického vědomí obyvatel České republiky. – Naše společnost. 2010. № 1.

человек моложе 29 лет вообще историей не интересуется, что гораздо ниже среднего уровня по стране.

Парадоксально, несмотря на довольно слабое сейчас знание истории, примерно каждый второй чешский гражданин придает этому знанию важное значение. Но интерес к истории в Чехии достаточно селективный. Необходимым считается знание прежде всего чешской национальной истории, истории своего города или района, отдельных мест проживания людей, а также событий или населенных пунктов, связанных с жизнью известных людей, мифами и легендами, историческими памятниками. Менее интересны чешскому обществу отдаленные во времени и пространстве (всемирная история, история внеевропейских цивилизаций) сюжеты. Что касается важности преподавания истории в школе, то эта дисциплина в ЧР не считается ключевой, но и не является периферийной. И это среднее положение остается стабильным на протяжении последних трех десятилетий. Наиболее часто используемым источником информации об истории служат телевизионные передачи, игровые и документальные фильмы. Чехи довольно критично относятся к СМИ, по их мнению, нередко тенденциозным и искажающим историю во имя политических интересов.

В чешском общественном сознании господствует представление, что ход истории является закономерным процессом, в котором все события взаимосвязаны, хотя практически никто не вспоминает марксистского учения о типах общественно-экономических формаций, базисе и надстройке, о роли классовой борьбы. Больше половины (59%) населения рассматривает сам ход истории человечества как единый циклический, волнообразный процесс, в котором перемежаются благоприятные периоды с неблагоприятными, периоды подъема и упадка, благополучия и бедности, свободы и ее отсутствия, войны и мира. Лишь 15% видит историю как процесс восходящего развития в направлении прогресса во всех областях или только в области технологии. Вместе с тем в представлениях о развитии человечества у чехов, как и поляков, преобладает позитивная оценка направленности исторического процесса, тогда как у словаков и особенно венгров сторонников идеи прогресса меньшинство.

Важным аспектом исторического сознания является значение, которое люди придают истории с точки зрения современной и будущей жизни. История, согласно мнению чехов, во многих направлениях воздействует на настоящее и будущее. Это существенный фактор формирования национальной идентичности и чувства сопричастности, источник ценностей, полезный для наших дней и показатель культурного уровня.

В непоследнюю очередь знание своей истории, считают чехи, является основной предпосылкой понимания трудного пути, пройденного обществом и преодоленных проблем. В то же время преобладает мнение, что люди не способны извлекать уроки из истории. В представлении чешского человека – особенно это касается людей старше 60 лет – история движется политическими интересами, влиятельными силами и решениями власти и в гораздо меньшей степени обусловлена поведением обычных людей, влиянием тайных сообществ или ролью случая. Причем половина чешских граждан считает, что политики искаженно толкуют исторический процесс¹.

В современном чешском обществе преобладает мнение, что образ прошлого в стране не устоялся, и что в прошедшие десятилетия на фоне смены политических режимов история писалась с позиций победителей. Неудивительно, что и картина массового исторического сознания все время менялась. Из чешской национальной истории каждый раз выхватывались такие явления и события, которые символизировали идеалы и ценности очередного периода. Люди признавались, что в течение жизни могли менять свои представления об исторических событиях, сформированные в школе. Это касалось прежде всего взглядов на гусизм, церковь, послебелогорский период, освобождение в 1945 г., послевоенное выселение немцев и период социализма.

О смене доминирующих событий чешской национальной памяти свидетельствуют результаты социологических исследований, проведенных в переломные моменты современной истории Чешской Республики – в декабре 1946 г., ноябре 1968 г., сентябре 1989 г., сентябре 1992 г. и серии исследований последних двух десятилетий – начала XXI в.

Первый опрос (1000 респондентов из Чехии и Моравии) провел Чехословацкий институт по исследованию общественного мнения при Министерстве информации ЧСР (функционировал до 1952 г.). Второе исследование осуществил в 1968 г. (662 опрошенных) Институт по изучению общественного мнения Чехословацкой Академии наук (возник в 1966 г.). Последующие опросы проводились уже главным образом силами Центра по изучению общественного мнения Социологического института АН ЧР (ранее – Института по изучению общественного мнения), а в последние

¹ Historické vědomí obyvatel České republiky perspektivou sociologického výzkumu. Praha, 2013, s. 96.

годы – и кафедрой исторической социологии Факультета гуманитарных наук Карлова университета в Праге (под руководством *Иржи Шубрты*). Данные за отдельные периоды получены на основе вопросов, сформулированных по-разному, что препятствует их сравнительному анализу. Однако доминанты чешской национальной памяти все же видны из результатов этих опросов. (Вопрос формулировался как открытый: «Если Вы задумаетесь над историей чешского народа, какой период национальной истории назовете самым славным, периодом подъема, развития?» Можно было выбрать три ответа). Что же они показали?

Сразу после окончания Второй мировой войны людьми акцентировался гусизм как период, символизировавший решимость чешского народа отстаивать свои национальные интересы и строить новое общество. Значение гусизма вышло на первый план еще в период национального возрождения XIX в. В 50-е годы XX в. коммунистическая идеология также рассматривала гусизм как прообраз революционного движения, героическое восстание народа против феодальных угнетателей и реакционного католичества. Вторым по значимости событием для чехов в 1946 г. была эпоха Карла IV и третьим – период жизни людей того времени – 1945–1946 годы как проявление послевоенного оптимизма, связанного с концом войны и освобождением. Первая Чехословацкая республика тогда не считалась особенно важным историческим периодом, поскольку в памяти народа еще сохранялись воспоминания об экономическом кризисе 1930-х годов и завершении существования республики в 1938 г. в результате принятия мюнхенского диктата. Временем наибольшего упадка тогда называли протекторат и оккупацию 1939–1945 гг.

Осенью 1968 г. как реакция на Пражскую весну и события августа в условиях завершения периода неудавшихся реформ акцент общества был перенесен на свободу и демократию, в глазах людей теперь уже отождествлявшихся с Первой Чехословацкой республикой. Различная оценка межвоенного периода в 1946 и 1968 гг. была важнейшим сдвигом в историческом сознании под влиянием изменения массовых взглядов на действительность спустя два десятилетия. Периоды гусизма и Карла IV в 1968 г. отодвинулись соответственно на второе и третье по значимости места. Наиболее бесславными периодами были названы протекторат, послебелогорская эпоха, за ними шли августовское вторжение того года, далее 1950-е годы и только потом Мюнхен. То есть у значительной части общества уже сформировалось критическое отношение к коммунистическому режиму, а довоенные события начали забываться и переоцениваться.

В период 70-летия возникновения Первой республики за два месяца до «бархатной» революции обнаружился новый сдвиг в сознании чешско-го населения. Важнейшим историческим событием чехи чаще всего теперь считали создание Чехословацкой республики в 1918 г., словаки же – Словацкое национальное восстание 1944 г. И это был своего рода предвестник расхождения двух народов несколько лет спустя. Вторым по значимости событием стало для чехов в сентябре 1989 г. освобождение страны в 1945 г.

В 1992 г. на первый план в чешской среде вышел период правления Карла IV, «отодвинувший» на второе место Чехословацкую республику. Это произошло накануне распада федерации, поставившего под сомнение чешско-словацкую концепцию основателя и первого президента ЧСР *Т.Г. Масарика*. В то же время эпоха Карла IV считалась в тот момент временем, когда Чешские земли играли наиболее значительную роль в европейской истории. Начавшийся трансформационный процесс под лозунгом «возвращения в Европу» акцентировал этот отчетливо «роевропейский» период чешской истории.

И почти два десятилетия спустя в 2010 г. период Карла IV продолжал считаться большинством людей в Чехии временем наибольшего расцвета в национальной истории. Но за ним теперь следовали более отдаленные периоды: Великоморавская держава, эпоха Пшемисловичей, правление Марии Терезии и Йозефа II, национальное возрождение. В меньшей степени по сравнению с ними, но тоже позитивно оценивалась Первая республика. По данным конца 2013 г., однозначно вершиной своей национальной истории чехи считают эпоху Карла IV (38% опрошенных), со значительным отрывом от которой следует Первая республика (20%), на важность которой указывает все большая доля людей. Остальные периоды чешской истории называет уже гораздо меньшее число жителей страны. Представление общества о важнейших этапах своей истории в последние более, чем десять лет, фактически не менялось.

Исключение составляет дальнейшее уменьшение значения гуситства (с 9% в 2007 г. до 5% в 2013 г.)¹. Если 90-е годы XX века с точки зрения парадигмы «расцвет-упадок» находятся сейчас на грани позитивной оценки с негативной, то гуситство, официальные интерпретации которого в последнее столетие претерпевали перемены и которое воспринимается противоречиво поныне, оценивается людьми еще ниже. В этой связи любопытно, что для современного чешского общества уже не характерны преимущественные симпатии к протестантизму, которые теперь не превышают ориентаций на католицизм. Хотя в целом для дефиниции совре-

менной чешской национальной идентичности религиозная идентичность теряет значение. Отрицательные оценки (по убывающей) преобладают в последние годы в случаях протектората, оккупации нацистской Германией, 50-х годов XX века, 1970-х и 1980-х годов («нормализации»). За ними следует современный период, начавшийся после 2000 г.

В связи с 15-летием раздела Чехословакии в конце первой декады 2000-х годов изучалась оценка людьми этого события. Оказалось, что для 81% населения ЧР оно уже не актуально. По мнению 3/4 общества, о причинах раздела не следует больше дискутировать. Возвращаться к распаду федерации как к значительному для чешской истории событию считает необходимым лишь треть опрошенных. Выступающие против необходимости раздела чаще являлись сторонниками сохраняющейся актуальности этой темы, чем убежденные в необходимости раздела¹.

Масштабное социологическое исследование взглядов и оценок периодов и событий чешско-словацкой истории проведено в марте 2018 г. в связи с «круглыми» датами: 100-летием возникновения ЧСР, 50-летием со времени событий Пражской весны 1968 г., 70-летием годовщины февральских событий 1948 г. и 80-летием с момента подписания Мюнхенского соглашения 1938 г.² В связи с этими «восьмерочными» юбилеями в ЧР и одновременно в Словакии Центром изучения общественного мнения Института социологии АН ЧР проведено исследование того, как граждане оценивают эти исторические события и их ключевых действующих лиц, и как воспринимают различные события и эпохи исторического развития теперь уже двух независимых стран с начала XX столетия до современности. Опрошенным был предложен блок вопросов на эту тему. Опубликованы основные результаты этого исследования по Чешской Республике.

Прежде всего опрошенным было предложено оценить моменты и периоды чешской истории. Как показали результаты, относительно наиболее позитивно оценены из всех периодов истории и событий «бархатная» революция ноября 1989 г., которую положительно характеризуют 72% чехов, в том числе однозначно положительно 44%, лишь 9% оценивают ее отрицательно, в том числе всего 3% однозначно негативно. 14% воспринимают «бархатную» революцию амбивалентно или нейтрально,

¹ Tabery P. *Názory obyvatel na rozdělení Československa*. – Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 17.01.2008.

² Červenka J. *Občané o osobnostech, obdobích a udalostech česko-slovenské historie od vzniku ČSR po současnost* – březen 2018. – Tisková zpráva CVVM SU AV ČR. 9. května 2018.

давая ответ «одинаково как позитивно, так и негативно» и 5% оказалось неопределившихся. На втором месте с точки зрения различий между долей позитивно и негативно оценивших оказался период Первой Чехословацкой Республики, который положительно воспринимает 66% чехов, в том числе 28% однозначно, доля негативно оценивших в данном случае ниже, чем у «бархатной» революции (5%, в том числе 1% однозначно) при одинаковой доле среднего варианта оценки (14%) и высшей доле неопределившихся (15%). Со значительным отступом от этих двух периодов разместилась группа событий, которые были с точки зрения различий между долей положительных и отрицательных оценок достаточно похожими, хотя расположение этих ответов на оценочной шкале различалось. На третьем и четвертом местах с одинаковым различием в 39 процентных пунктов в пользу позитивной оценки оказались 90-е годы XX в. вместе с возникновением и деятельностью Хартии 77. Первое из этих двух событий положительно оценил 51% опрошенных, в том числе всего 12% однозначно, 12% негативно (в том числе 3% однозначно), 29% нейтрально и 8% затруднились с ответом. Второй пункт позитивно оценило 50% опрошенных, хотя 20% однозначно, т.е. существенно выше, чем в предшествующем случае. Отрицательно оценивших здесь было лишь 11%, в том числе 4% однозначно. Доля нейтральных ответов здесь ниже (23%), а процент неопределившихся напротив существенно выше (16%). С небольшим отступом на пятом и шестом местах (различие позитивных и негативных оценок составляет 37 процентных пунктов) находятся возникновение самостоятельной ЧР, для которого положительные оценки составляют 55%, в том числе 27% однозначно, негативно 18% (в том числе 5% однозначно), 23% нейтральных и лишь 4% «не знаю» вместе со вступлением ЧР в НАТО в 1999 г., которое позитивно оценило 52% респондентов (21% однозначно), негативно 15% (5% однозначно), 25% нейтрально и 8% осталось неопределившихся.

С точки зрения различий между положительными и отрицательными оценками сразу вслед за ними следовала Пражская весна 1968 г., которую позитивно оценила почти половина (47%) опрошенных, в том числе 14% однозначно. Доля негативных оценок у Пражской весны составила всего 13%, включая 4% тех, кто оценивал ее однозначно негативно. Четверть (25%) опрошенных к Пражской весне относится нейтрально или со смешанными чувствами, 15% ответило, что не знает. Вновь лишь с незначительным отступом на 8 месте при высшей доле нерешительных ответов (24%) находится Словацкое национальное восстание 1944 г.,

которое позитивно оценило 42% чехов (13% однозначно), негативно 10% (3% однозначно) и почти четверть (24%) нейтрально. Немного ниже, но достаточно выразительно положительные оценки перевешивают отрицательные на 27 процентных пунктов у вступления ЧР в ЕС в 2004 г. В последнем случае доля позитивных оценок составляла почти половину (49%), причем 21% респондентов его оценило однозначно позитивно. Напротив, негативное восприятие проявилось у более чем пятой части (22%) опрошенных, что было среди всех преимущественно позитивных оценок событий истории относительно наибольшим. Причем 9% вступление ЧР в ЕС оценивало однозначно отрицательно. Доля нейтральных оценок вступления составила приблизительно четверть (24%) и нерешительных 5%. Наконец, современность (последнее место) положительно оценивают 43% опрошенных (8% однозначно), 17% ее воспринимает негативно (лишь 3% однозначно) и более трети (36%) – одинаково позитивно и негативно при 4% нерешительных.

У всех остальных включенных в список событий и исторических периодов напротив отрицательные оценки преобладают над положительными. Однозначно негативно с превышением в 3/4 негативные оценки преобладают для ввода в Чехословакию войск государств Варшавского договора в августе 1968 г. и для протектората Чехии и Моравии. В первом случае доля отрицательных оценок составляет 76%, в том числе 57% однозначно отрицательных. Во втором случае доля негативных оценок равна 74%, в том числе 54% однозначно негативных. У обоих случаев одинаково 5% позитивных оценок и 10% нейтральных при примерно десятой части колеблющихся. Почти 2/3 или чуть больше отрицательно характеризует подписание Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 г. и установление коммунистического режима в феврале 1948 г. У Мюнхена доля негативных оценок составляет 69%, в том числе 50% избрало вариант однозначно негативно. 6% в этом случае избрало один из вариантов позитивных оценок, 10% оценило соглашение одинаково позитивно и негативно и 15% заявило, что не знает. В случае февраля 1948 г. отрицательной оценки придерживалось 67%, в том числе 47% однозначно, 8% наоборот оценило его положительно (2% однозначно) и 16% избрало ответ однозначно положительно и отрицательно. Оставшиеся 9% февраль 1948 г. не смогло оценить и заявило, что не знает. Явно негативно, хотя и при существенно большей негативной доле нерешительных выглядела и оценка Словацкого государства 1939–1945 годов. В этом случае доля отрицательных оценок составляет 58%, в том числе 37% однозначно. Положительное восприятие

проявилось всего у 4%, нейтральное у 12% и 26% избрало ответ не знаю. Относительно однозначно, хотя и в сравнении с вышеприведенными пунктами менее выразительное превышение отрицательных оценок проявилось в случае оценок 50-х годов XX столетия, которые отрицательно охарактеризовало больше половины (54%), причем ровно треть избрало ответ однозначно негативно, напротив, позитивно их оценило менее десятой части (8%) и пятая (20%) часть воспринимает их нейтрально. Оставшаяся менее пятой часть (18%) 50-е годы XX столетия не могла оценить и избрала ответ «не знаю».

Более подробный анализ отдельных пунктов показал, что с возрастом улучшается оценка февраля 1948 г. и умеренно – 50-х, 60-х, 70-х и 80-х лет XX в., напротив ухудшается в случае «бархатной» революции, возникновения самостоятельной ЧР в 1993 г., 90-х годов XX в., вступления в НАТО и ЕС и современности. С ростом уровня образования ухудшается оценка автономии Словакии в рамках Словацкого государства в годы Второй мировой войны, а также восприятие февраля 1948 г., 50-х годов, ввода в ЧССР войск Варшавского договора и 70-х – 80-х годов. Напротив, чем выше уровень образования, тем лучше оценка возникновения и деятельности Хартии 77, «бархатной» революции, вступления в НАТО и ЕС. Также с улучшающейся субъективной оценкой уровня жизни повышается оценка Первой Чехословацкой Республики, Пражской весны, возникновения и деятельности Хартии 77, «бархатной» революции, образования независимой ЧР, 90-х годов, вступления в НАТО и ЕС и современности, напротив, усиливается критичность в отношении февраля 1948 г., 50-х годов, ввода в ЧССР войск в августе 1968 г. и 70–80-х годов. С точки зрения самоидентификации на лево-правой шкале при движении слева направо повышается оценка Пражской весны и деятельности Хартии 77, «бархатной» революции, появления самостоятельной ЧР, 90-х годов, вступления в НАТО и ЕС, современности.

Следующий вопрос касался оценки различных чешских и словацких персоналий, связанных с чешско-словацкой историей со времени возникновения Первой Чехословацкой Республики в 1918 г. до современности.

Наиболее позитивно оценивается первый Президент ЧСР Томаш Гаррик Масарик – 84% (в том числе решительно 53%) и отрицательно лишь 3%, нейтрально 8%. Однозначно второе место в иерархии персоналий занимает совершивший самосожжение после ввода войск в 1968 г. студент Ян Палах, которого положительно оценило 67%, негативно 6% и 16% нейтрально. Третье место, близкое к четвертому, занял министр иностранных дел

Чехословакии в 1940–1948 гг. *Ян Масарик* с 57% за и всего 4% против, 19% нейтрально. На четвертой позиции правозащитник, последний президент Чехословакии (1989–1992) и первый президент Чехии (1993–2003) *Вацлав Гавел* с 66% положительных оценок и 36% – решительно за, но и высшей долей негативных оценок – 14%, 18% – нейтрально. Пятое и шестое места с небольшим отступом получили соратники Т.Г. Масарика *Милан Растислав Штефаник* и *Эдвард Бенеш*. В случае Штефаника положительные оценки достигли 48%, Бенеша – 50%, негативные – соответственно 6% и 12%. Седьмое место с долей позитивных оценок, близкой половине, занял *Александр Дубчек* – первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии в январе 1968 – апреле 1969 – главный инициатор курса реформ, известных как Пражская весна. За ним следует *Алоис Рашин* – один из основателей и первый министр финансов Чехословацкой Республики. Первую десятку завершают два политика, связанных с Пражской весной 1968 г. и антифашистским сопротивлением – *Людвик Свобода* и *Йозеф Смирковский*. За ними с 46% за и 32% против следует бывший премьер и нынешний президент Чехии *Милош Земан*.

На противоположном конце иерархии персоналий разместились *Конрад Генлейн* – немецкий нацистский политический деятель, наместник в оккупированной Германией Судетской области (56% отрицательно, 3% положительно) и *Карл Германн Франк* – видный деятель нацистской Судетской партии периода Протектората Богемия и Моравия, один из руководителей оккупационного режима в Чехословакии (57% отрицательных оценок и 3% положительных). Большой перевес отрицательных оценок (63% над 10% положительных оценок) у первого коммунистического президента и центральной фигуры февральских событий 1948 г. *Клемента Готвальда*. Четвертое и пятое места от конца заняли два политика, символизирующих период нормализации после августовских событий 1968 г. – бывший генеральный секретарь ЦК КПЧ и последний доноябрьский президент *Густав Гусак* (58% отрицательно и 10% положительно) и секретарь ЦК КПЧ *Васил Биляк* (52% отрицательно и 5% положительно). Отчетливо негативно оценен и шестой с конца президент Первого Словацкого государства *Йозеф Тисо* (48% отрицательно и 5% положительно). Чуть выше оценка его чешского аналога *Змила Тахи* – президента протектората Богемия и Моравия (41% против, 10% за). Преимущественно негативно опрошенные охарактеризовали и основателя и многолетнего лидера Глинковой словацкой народной партии, которую после его смерти возглавил упомянутый *Й. Тисо* (34% против, 7% за). Менее явный перевес

негативных оценок при довольно высокой доле положительных оценок отмечен у двух коммунистических Президентов и первых секретарей ЦК КПЧ *Антонина Новотного* (33% против и 15% за) и *Антонина Запотоцкого* (36% против и 21% за).

С возрастом респондентов значительно улучшается оценка нынешнего президента *М. Земана*, а также *К. Готвальда*, *А. Запотоцкого*, *А. Новотного*, *Л. Свободы*, *Г. Гусака*, *В. Биляка*, напротив, ухудшается оценка *Я. Палаха*, *В. Гавела* и *В. Клауса*. Оценка Земана и коммунистических деятелей ухудшается с ростом уровня образования. Напротив, она улучшается для *Т.Г. Масарика*, *М.Р. Штефаника*, *А. Рашина*, *К. Крамаржа*, *Я. Палаха* и *В. Гавела*. Также с улучшающейся субъективной оценкой уровня жизни домохозяйства респондента повышается оценка *Т.Г. Масарика*, *М.Р. Штефаника*, *Э. Гахи*, *Я. Палаха*, *В. Гавела* и *В. Клауса*. Наоборот, оценка понижается для *М. Земана*. С точки зрения политической ориентации и идентификации по право-левой шкале при движении слева направо улучшается оценка *Масариков*, *Штефаника*, *Рашина*, *Палаха*, *Гавела*, *Клауса*. В то же время ухудшается оценка *Готвальда*, *Запотоцкого*, *Новотного*, *Свободы*, *Дубчека*, *Гусака*, *Биляка*, *Земана*.

Следующий блок вопросов касался тезисов о ключевых событиях чешско-словацкой истории последнего столетия, с которыми надо было либо согласиться, либо не согласиться. Так, с тезисом «Коммунистическая партия в феврале 1948 г. имела поддержку большей части населения, которая после разочарований от великого экономического кризиса, мюнхенского соглашения и немецкой оккупации верило, что создают лучшее и более справедливое общество» соглашалось 3/5 или 59% населения, в том числе 19% – решительно. Большинство чешского общества видело в коммунистах альтернативу лучшего будущего. Подробный анализ показал, что согласие с этим пунктом повышается с возрастом людей и с нарастанием самоидентификации с левыми взглядами, с негативной оценкой «бархатной» революции и деятельностью Хартии 77. Достаточно однозначно чешское общество склоняется к мнению, что «установление коммунистического режима в феврале 1948 г. было результатом того, как победившие великие державы после Второй мировой войны разделили сферы влияния в Европе». С этим мнением согласилось почти 2/3 (64%) граждан.

В случае тезиса «Четыре десятилетия правления коммунистической партии принесли населению Чехии развитие экономики, образования и уровня жизни» согласие выразило меньшинство – треть (32%) респондентов, а не согласилось более половины (54%). В этом вопросе отчетливо

прослеживается социально-демографическая дифференциация. Согласие явно нарастает с возрастом и уменьшается с повышением уровня образования. Прослеживается отчетливая связь с политической ориентацией. Согласие взаимосвязано с принадлежностью к левой части политического спектра. У правых доминирует несогласие, причем несогласие решительное. Кроме того, согласие с этим тезисом связано с позитивной оценкой февраля 1948, 50-х, 60-х, 70-х и 80-х годов, с вводом войск государств Варшавского договора, напротив, с сильной негативной корреляцией с оценкой «бархатной» революции, деятельностью Хартии 77, а также персоналий: *Масариков, Штефаника, Рашина, Крамаржа, Палаха, Гавела и Клауса*. Напротив, согласие с утверждением об экономическом и социальном вкладе коммунистического режима позитивно коррелирует с именами *Готвальда, Запотоцкого, Новотного, Свободы, Гусака, Биляка и Земана*.

С тезисом «в ходе Пражской весны 1968 г. речь не шла о действительной демократии, а только о борьбе двух фракций внутри КПЧ» согласилось более трети (36%), а 40% не знало, как ответить на этот вопрос. Тезис «Коммунисты реформаторы во главе с Александром Дубчеком были политически наивными» позитивно коррелирует с тезисом «Компартия имела в феврале 1948 поддержку большей части населения, которая после разочарований в великом экономическом кризисе, Мюнхенском стоворе и немецкой оккупации верила, что создадут лучшее и более справедливое общество» и с тезисом «в ходе Пражской весны 1968 г. речь не шла о действительной демократии, а только о борьбе двух фракций внутри КПЧ». С изречением «Представители Чехословакии, которые после ввода войск государств Варшавского договора избрали правильную линию поведения, когда подписали московский протокол, чтобы предотвратить кровопролитие» согласилось 26% граждан, а не согласилось лишь треть (33%), целый 41% оказалось колеблющихся.

В оценках отдельных событий национальной истории обнаруживаются определенные различия во взглядах возрастных и образовательных групп населения. Люди старше 60 лет несколько чаще остальных называют периодами расцвета эпохи гусизма, национального возрождения и конец 60-х годов XX в. Для молодежи более привлекательна Первая республика, а гусизм – согласно современным учебникам истории – скорее считается периодом упадка. В случае Первой республики сказывается разрыв в преемственности познания этого периода во второй половине XX в. Он касается 30–60-летних. Напротив, молодежь (18–29-летние) и люди старше

60 лет хорошо знакомы с этим историческим периодом и воспринимают его только позитивно. Опрошенным с высшим образованием более склонны выделять период правления Рудольфа II, эпоху барокко, национальное возрождение и Первую республику. Верующие чаще, чем неверующие, упоминают Великоморавскую империю, время правления Карла IV, а также национальное возрождение и Первую республику. Следует заметить, что в отношении гусизма и барокко во взглядах верующих и неверующих не обнаруживается значительных различий.

Любопытно, разделительную линию между сторонниками и критиками развития после 1989 г. создают не столько возрастные и образовательные факторы, сколько политическая ориентация (самоопределение по лево-правой шкале) и партийные предпочтения людей. Но наиболее важная детерминанта разделения этих двух групп чешского общества, как свидетельствуют все эмпирические исследования, – материальное положение людей. Те, кто, по их собственному признанию, хорошо обеспечены, в подавляющем большинстве одобряют новый курс, а малообеспеченные – критикуют.

В первую декаду XXI в. взгляды и ожидания людей – экономические и политические, – их систему ценностей, удовлетворенность жизнью стало предопределять не что иное, как субъективное восприятие уровня жизни своего домохозяйства. Этот показатель выполнял ту же социально-дифференцирующую функцию, что уровень образования в период социализма. После либерально-демократических реформ 1990-х годов и перехода от социализма к капитализму развитие общества и образующих его домохозяйств предопределяли экономические факторы, сформировались два основных лагеря – обладателей высокого и низкого уровней жизни или «адаптировавшихся» к радикально изменившейся вестернизированной системе и «неприспособившихся» с соответствующими социокультурными характеристиками. Наиболее успешные в материальном отношении группы людей стали основой нового политического режима¹.

Социологи интересовались мнением граждан о том, чего было больше в чешской истории – поражений или побед. Одна (меньшая) часть общества склоняется к представлению о преобладании побед и в качестве

¹Коровицына Н. Чешский человек в первом десятилетии 2000-х годов (анализ материалов ЦИОМ АН ЧР). М., 2011, 200 с.

главного аргумента использует факт, что чешский народ все еще существует, не исчез и обладает независимостью. Другая часть считает, что в чешской истории было больше поражений, прежде всего потому, что чехи как малый народ всегда зависели от великодержавных интересов других государств.

Помнить о значении чешских государственных праздников считает важным 78% населения ЧР. Для многих, особенно молодежи, государственные праздники – не что иное, как свободный день, и они часто даже не знают об их историческом значении. Важнейшим государственным праздником чехи называют дату возникновения самостоятельной Чехословакии – 28 ноября. Вместе с тем образование Чешской Республики (1 января 1993 г.), как правило, не отмечается. Свыше половины (58%) чешских граждан помнит государственный праздник 17 ноября – День борьбы за свободу и демократию, установленный в честь протеста чешских студентов в 1989 г. против коммунистического режима, но не празднует его. Треть граждан не знает об этом празднике. Лишь 6% отмечает 17 ноября: по 1% с семьей и друзьями, по 2% на общественных акциях и иным способом. Помнят и отмечают этот праздник в основном жители ЧР с высшим образованием. Половина нынешних 15–19-летних о нем не знает.

Важный вывод чешских социологов, изучающих общественно-историческую рефлексию населения страны, заключается в том, что периоды до и после 1989 г. различаются не столь радикально, как можно было ожидать с учетом сохраняющегося преимущественно позитивного восприятия самой «бархатной» революции. Люди не видят значительных отличий в нынешнем состоянии общества от периода «нормализации»¹. Почти половина (44%) населения считает, что не удалось реализовать один из лозунгов ноябрьских событий «Назад в Европу», выразивший смену геополитической и культурно-цивилизационной ориентации страны и выравнивание с экономическим уровнем западных стран, их жизненными стандартами.

В начале второго десятилетия XXI века в чешском обществе отсутствовала четкая определенность в вопросе о культурной и геополитической принадлежности ЧР – к Западной или Восточной Европе: около трети чехов отказывается связывать свою страну с Западом или Востоком. Гражда-

¹ Procházková K. Srovnání poměru dnes a před rokem 1989. – Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 09.11.2006.

не в большинстве своем предпочитают решать этот вопрос компромиссно в пользу принадлежности центральноевропейской. В случае необходимости выбора идентичности западноевропейской или восточноевропейской в полтора раза чаще предпочтение отдается Западу. Причем даже в среде людей левой политической ориентации и противников евроинтеграции восточноевропейская ориентация не является преобладающей¹.

Чехи отличаются низкой склонностью к пространственной мобильности (почти 90% их никогда не жило за пределами ЧР дольше одного года, а три четверти никогда не покидало места своего рождения), их стремление к изоляционизму имеет глубокие исторические корни². Поэтому больше всего они привязаны к своему городу (86% чувствуют близкую связь с ним) и региону проживания (80%), а также к своей стране (76%). Относительно слабее общность чешских граждан с Европой (54%). В период 2001–2013 гг. зарегистрирован ощутимый спад в тесноте связей чешского населения со своей страной (на 14 процентных пункта) и Европой (на 17 процентных пункта)³. Одновременно с вышеупомянутым уменьшением чувства патриотизма в Чехии в этот период достигло исторического минимума ощущение причастности к Европе: европейцами себя считало менее двух третей населения.

В начале второго десятилетия XXI века на фоне роста неудовлетворенности населения ЧР ходом общественного развития, а также способами решения долгового кризиса еврозоны, в условиях евроскептических настроений во власти шла практически универсальная переоценка людьми состоявшегося почти десятилетия назад вступления страны в Евросоюз. Половина чешских граждан называла в 2010 г. его влияние чрезмерным (в середине 1990-х годов так думало явное меньшинство, а в первой половине нулевых годов – около 40%). Недовольство большинства вызывала прежде всего бюрократизация членства в ЕС, а также сомнения в полноправных возможностях страны в союзе и соотношении преимуществ и убытков от участия в нем. Поддержка перехода с национальной валюты на общее евро сократилась независимо от социальной принадлежности людей с середины первого десятилетия 2000-х годов более чем вдвое. По

¹ Historické vědomí obyvatel České republiky perspektivou sociologického výzkumu, s. 187.

² Nedomová A., Kostecký T. The Czech national identity. – Czech sociological review. 1997. № 1, s. 82.

³ Čadová N. Důvody hrdosti a studu na české občanství – říjen 2013. – Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 6.12.2013

данным середины 2013 г., граждане ЧР демонстрировали наименьшую среди четырех посткоммунистических стран центральной европейского региона готовность перейти на евро: 3/4 населения высказывалась против, причем решительно против выступала почти половина чешского общества¹.

Хотя чехи не склонны отождествлять себя с восточноевропейцами, принадлежность к славянству для их преобладающего большинства, по опросным данным, является ныне бесспорной. Люди считают, что их роднит со славянами помимо похожего языка общий менталитет и традиции. В Чехии говорят: «Если посмотреть чуть южнее или на Америку, то это совсем другое, другое мышление». Очень близкой остальным славянским культурам считают чешскую культуру 35% и скорее близкой еще 57% чехов. То есть в общей сложности около 90% населения говорят об этой близости независимо от социально-демографических параметров, образования и политической ориентации, и это является, по утверждению социологов, неоспоримым фактом. Факторы языкового родства, в меньшей степени – географического положения, отчасти общей истории оказались, в конечном счете, первостепенными.

Вскоре после крушения коммунизма отмечались чрезвычайно высокие, пережившие кульминацию в первой половине 1990-х годов, симпатии чехов как самых западных славян к так сказать «культурно приемлемым» для них народам США, Великобритании, Франции, Австрии, в меньшей мере Германии. Напротив, на своих посткоммунистических соседей – Польшу и Венгрию – в чешской среде сначала смотрели с чувством превосходства, и даже словаки и Словакия после раздела федерации не фигурировали во главе иерархии симпатий. Ситуация изменилась на рубеже столетий, когда Словакия возглавила эту иерархию, а Польша и Венгрия (в последние годы, правда, отношение к ним имело тенденцию ухудшения) – также оказались впереди².

В начале второго десятилетия 2000-х годов наибольшее, практически всеобщее культурное родство население страны ощущало по отношению к словакам (97% упомянуло), далее шли поляки (77%) и русские (51%). Меньше связь с германской культурой (около трети) и еще меньше –

¹Červenka J. Hodnocení členství v EU a postoj k euru v středoevropském srovnání – léto 2013. – Tisková zpráva CVVM. Praha: Sociologický ústav AV ČR. 09.10.2013.

²Červenka J. Postoje čechů k jiným národnostem a zemím. – Socioweb. 2011. № 3.

с французской и англосаксонской (10–15%), минимальная – с американской, несмотря на ее экспансию, особенно через кинопродукцию и популярную музыку после 1989 г. Здесь есть социальные различия: к немецкой культуре больше привержена высокообразованная молодежь, а к русской, наоборот, по результатам всех исследований, преимущественно люди старшего поколения, выросшие при прежнем режиме. Это опровергает стереотип о прямой обусловленности отношения к русским негативным историческим опытом периода коммунизма. Причем по сравнению с американской культурой во всех возрастных группах, включая самую молодую, безусловный приоритет отдается русской культуре.

Если культурная идентичность населения ЧР связана главным образом с его принадлежностью к славянской цивилизации, политическая идентичность формируется объективным историческим опытом и обусловленным им доверием или недоверием к другим народам. Своими ближайшими союзниками чехи по состоянию на 2011 г. единодушно (около 90%) считали родственные им соседние славянские народы – словаков и поляков, гораздо реже другие народы: австрийцев – 43%, англичан – 34%, французов – 33%, американцев – 30%, немцев – 27%, русских – 22%. Русских, как оказалось, чешские граждане вдвое чаще боятся, чем воспринимают как союзников. В случае американцев и немцев эти два «крыла» уравновешены. Причем дифференцирующим фактором является приверженность левой или правой частям политического спектра: сторонники первых чаще воспринимают как союзников русских, а вторых – американцев. Русские занимают, таким образом, особое положение в чешском историко-геополитическом сознании. Среди народов вышegradской четверки русским доверяют больше всего словаки (каждый третий), тогда как среди чехов, поляков и венгров – только каждый пятый¹.

Таким образом, историческое сознание и политическая идентичность чешского народа не инвариантны, а являются отражением существующих общественных реалий, символизирующих данный период идеалов и ценностей. Они формируются конкретным историческим опытом людей, оценки которого пересматриваются и преодолеваются. С течением времени и в переломные моменты истории люди начинают смотреть на прошлое и взаимоотношения с окружающими народами новыми глазами,

¹ Historické vědomí obyvatel České republiky perspektivou sociologického výzkumu, s. 196–197.

что отчетливо видно на богатейшем историко-социологическом чешском материале. Переоценка обществом неолиберальной трансформации конца XX в. способна привести к новым сдвигам в социально-политических, даже исторических и геополитических ориентациях жителей динамично меняющегося во втором десятилетии 2000-х годов центрально- и восточноевропейского региона, к которому принадлежит Чехия.

3.2. Социально-политическая динамика

Новая волна исторических исследований принесла осознание значимости социально-культурных перемен в понимании современного исторического процесса. В этой связи особый интерес представляет изучение чешского опыта демократической государственности на фоне неоднократной за последнее столетие смены типов политического режима в этой стране. Подобный опыт приобретает важнейшее значение в условиях, когда проблематика отношения гражданина и государства, «работающей» политической демократии превратилась в ключевую. Анализ динамики гражданственности в государствах бывшего восточного блока позволяет по-новому взглянуть на два важнейших этапа в их современном общественном развитии – до и после преобразований 1989 г.

Интерпретации либерально-демократического периода истории Чешской Республики явились неотъемлемой частью посткоммунистического перехода страны, обеспечивая легитимизацию новой государственности как противовеса развитию в период доминирования ее советской модели. Период «реального социализма» долгое время рассматривался исключительно в негативном свете как время отсутствия автономии и граждан, и политических элит в стране, предопределенности исторических событий внешним фактором. В трудах, посвященных событиям 1948 г., 1968 г., Хартии 77 и 1989 г., вышедших в ЧР после «бархатной» революции, общество, как правило, представало в роли лишь пассивного объекта политики коммунистических элит или диссидентских контрэлит. Вместе с тем выход за рамки сугубо институционального анализа и обращение к массовому, общественному фактору стабильности и перемен в Чехии во второй половине XX – начале XXI вв. значительно расширяет видение и Пражской весны, и «бархатной» революции, и итогов системной трансформации спустя ровно четверть века после ее начала.

Исторически перемены в чешском обществе традиционно не определялись лишь процессом смены власти и системы государственности, а обладали постоянным, сформировавшимся у этого народа на протяжении веков эндогенным компонентом, заключенным в понятии «*tlak zdola*» («давление снизу»). Нельзя не учитывать, что многопартийная система Первой Чехословацкой республики (1918–1938 гг.) считалась одной из наиболее стабильных в Центральной и Восточной Европе. Систематические аналитические исследования социологов страны обнаруживают прямую связь общественного мнения в отношении «социалистической демократии» (по состоянию на 1968 г.) и современной «либеральной демократии». Причем после 1989 г. сущность концептов демократии и типов гражданственности явилась в Чехии предметом острых дебатов, свидетельствующих о многообразии их смыслов. Два совершенно различных видения гражданского общества представили бывшие президенты Чешской Республики *В. Гавел* и *В. Клаус*. Первое из них акцентирует необходимость коллективных действий и социальной сплоченности (участие в «неполитической» и даже «антиполитической» политике), второе, напротив, – индивидуализм и свободу (партийное представительство и избирательная активность).

Социокультурный анализ чешской специфики перехода «от капитализма к социализму и обратно» проливает свет на степень поддержки гражданами основных демократических и социально-политических принципов, характер их общественной активности в контексте радикальных сдвигов в институциональных основах государственности в конце XX в.

Опросы, проводившиеся в Чехословакии в 1946–1948 гг., обнаруживали массовую приверженность демократическим идеалам. Вместе с тем поколение чехов, прошедшее через экономический кризис 1930-х гг., Мюнхенское соглашение, нацистскую оккупацию, освобождение страны Советским Союзом испытало отчетливый левый сдвиг в политических воззрениях, что отразилось на результатах первых послевоенных выборов в Законодательное национальное собрание в 1946 г., на которых победили коммунисты, а в целом социалистически ориентированные партии получили около 4/5 голосов избирателей¹. Стремление общества к ограничению позиций крупного капитала, высокому уровню социального обеспечения, предпочтение людьми ценностей равенства и справедли-

¹České veřejné mínění: výzkum a teoretické souvislosti. Praha, 2006, s. 125.

ности способствовали усилению роли и значения Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), которая в 1948 г. пришла к практически монополющей власти, осуществив программу национализации, ликвидации частного предпринимательства и превращения страны в составную часть советского блока. Начавшийся два десятилетия спустя процесс демократизации общества нашел проявление в движении Пражской весны 1968 г., к которому люди потянулись фактически бессознательно, не оставляя преимущественной ориентации на социалистическую государственность. Общественную поддержку в этот период нашли такие ключевые пункты демократической государственности, как свобода информации, выражения мыслей, многопартийная система, идеи «демократического социализма» или «социализма с человеческим лицом».

Исследование политических взглядов чехословацких граждан, проведенное на решающем этапе демократизации социализма в мае 1968 г., должно было послужить основой разработки проекта, предполагавшего усилить соответствие существующих в обществе политических ценностей и государственных институций. Работа выполнялась в коллективном Института государства и права Чехословацкой Академии наук (ЧСАН) под руководством известного политолога З. Млынаржа. Всего было проведено 3600 интервью, обеспечивших аутентичную на тот момент картину чешского общественного мнения. Большинство тем этого опроса повторили в Чешской Республике ровно сорок лет спустя, в мае 2008 г., что открыло уникальную возможность сравнения политического сознания людей в двух контрастных формах демократической государственности, основанных на разных принципах – «равенства» и «свободы». Не менее интересно с точки зрения пространственно-временной компаративистики наиболее раннее массовое исследование гражданских ценностей под названием «Образы мира в 2000 г.». Оно осуществлено как часть международного проекта (с участием 13 стран различных регионов мира) Институтом изучения общественного мнения ЧСАН в июне 1967 г. и фокусировалось на молодежи (1200 интервью с людьми в возрасте 15–40 лет). Данная когорта составляла в то время почти треть населения страны и определяла судьбы коммунистического режима, сформировавшись в условиях характерной для него системы государственности и ценностей. Опыт этого поколения, действительно, во многом обусловил отношение общества к смене систем конца XX в. и ее последствия.

Масштабное исследование социальной стратификации чехословацкого общества того же времени под руководством ведущего чешского

социолога *П. Махонина* показало, что в 1960-е гг. в условиях новой – на тот момент – государственности положение людей уже не определялось различиями в доходах, т.е. основа общественной стратификации была немонетаристской. Ее главными критериями стали культурные факторы – образование, сложность труда и характер досуговой активности¹. Влияние материального неравенства на социально-политическую структуру построенного на эгалитарных принципах общества было минимизировано. От образования, особенно на его высшем уровне, зависела приверженность принципам политического плюрализма (многопартийные выборы и парламентское представительство) как, пожалуй, центральному вопросу эпохи Пражской весны. Политический критицизм проявлялся преимущественно в среде интеллектуалов, чья квалификация не всегда соответствовала уровню доходов и положению в системе управления². В то же время именно высокообразованные контингенты оказались тогда наиболее решительными сторонниками борьбы против социального и экономического неравенства³. Плюралистические представления детерминировало и членство в КПЧ: не кто иной, как коммунисты, стремившиеся получить реальный доступ к власти, особенно активно выступали за рост открытости в принятии политических решений. А вот социальное положение в довольно однородном в классовом отношении обществе играло менее значительную роль в формировании плюралистических взглядов и оценках системы государственности в целом⁴.

Поколение Пражской весны, выросшее при социализме, отличалось значительной заинтересованностью в общественных делах. Чешская, как и словацкая, молодежь были настроены оптимистично по поводу будущего, особенно отдаленного, и ощущала фрустрацию по поводу настоящего, демонстрируя латентную готовность поддержать предлагаемую программу реформы системы государственности в Чехословакии.

¹ *Machonin P. Československá společnost: sociologická analýza sociální stratifikace. Bratislava, 1969, s. 15.*

² *Machonin P. Sociální struktura Československa v předvečer Pražského jara 1968. Praha, 1992.*

³ *Lyons P. Mass and elite attitudes during the Prague Spring era: importance and legacy. Praha, 2009, s. 198, 212.*

⁴ *Lyons P. Adjectives of democracy: citizenship and political attitudes under socialist and liberal democracy in the Czech Republic. Praha, 2013, p. 135.*

Выраженное чувство оптимизма считается центральной характеристикой этого поколения, которому оказалась очень близка мысль о том, что общество можно сделать лучше. Поэтому оно проявляло большой интерес к предложениям экономических, технологических и политических реформ, которые высказывали *О. Шик, Р. Рихта, З. Млынарж*. Таким образом, в чешском обществе накануне 1968 г. существовал высокий мобилизационный потенциал политической активности¹. Значительная открытость по отношению к СМИ сочеталась у молодой генерации с высоким уровнем ее участия в социальных и политических организациях того времени. Городская молодежь, жившая в условиях коммунистических режимов, в целом отличалась даже большей активностью по сравнению со сверстниками на Западе.

Современный чешский социолог *П. Лайонс*, проанализировав с помощью существующих на сегодняшний день социологических методов результаты исследований общественного сознания накануне решающих событий Пражской весны, поставил под сомнение представление о существовавшей тогда неудовлетворенности чехословацких граждан своей жизнью. На самом деле она не превышала в то время западных показателей и по ряду показателей (оптимизм по поводу будущего, восприятие уровня благосостояния страны) прежний строй оценивался гражданами менее критично по сравнению с ситуацией либеральной государственности. «Жизнь при коммунизме, – пишет он, – была значительно сложнее, чем предполагают многие современные оценки прошлого холодной войны»². Хотя обнаруживались признаки недовольства в связи с ограничениями гражданских свобод или недостатком возможностей карьерного роста, люди в 1960-е годы придерживались демократических взглядов и верили в прогрессивную направленность общественного развития. По данным аналогичного исследования мая 2008 г., чехи чувствовали себя более вооруженными как эффективные граждане, в частности, как участники электорального процесса, но менее способными влиять на политический процесс, чем на одной из наиболее оптимистических стадий Пражской весны в мае 1968 г. Одновременно исследования общественного мнения, в том числе приводимые в западной литературе, подтверждают, что Чехословакия в 1968 г. являлась сторонницей социалистической

¹Ibid., p. 131.

²Ibid., p. 196.

системы государственности¹. Сравнение двух политических культур в условиях разных политических режимов – социалистической и либеральной демократии – обнаруживает высокую степень преемственности этих культур, постоянство структуры политических ценностей чешского народа, передающихся из поколения в поколение².

Вместе с тем со временем меняются оценки узловых точек современного развития страны. Феномен Пражской весны воспринимает теперь как важное событие лишь каждый десятый чех, для остальных – это, скорее, период идеализма и позора, связанного с темами поражения и оккупации³. Определяя степень значимости этого события среди всех периодов национальной истории, чехи явно предпочитают ему эпоху Карла IV (1346–1378 гг.) и Первую Чехословацкую республику (1918–1938 гг.). Спустя 40 лет большинство – 58% – чехов не считало непосредственным следствием Пражской весны «бархатную» революцию 1989 г. Подобное мнение, согласно данным опросов, характерно в Чехии преимущественно для поколения 1960-х годов – в настоящее время людей старше 55 лет, членов Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ).

Не поколебал массовых убеждений период «нормализации» 1970–1980-х гг., когда предоставлявшиеся коммунистическим режимом трудовые и социально-экономические гарантии являлись основой общественного конформизма по отношению к существовавшему типу государственности. На протяжении почти всего этого периода в Чехословакии не изучалось политическое сознание населения. Можно опираться на результаты, хотя и недостаточно репрезентативного (с преобладанием горожан и слабой представленностью членов КПЧ), исследования, проведенного чешским социологом в эмиграции З. Стрмскы в 1985–1986 гг. Согласно его данным (респондентам можно было дать несколько вариантов ответа), большинство опрошенных считали себя демократами («без прилагательных»), немногим меньше – отрицали всякую политическую ориентацию, идентифицируясь с гуманистическими принципами («просто человек»). Третье – гораздо менее влиятельное идеологическое течение

¹ См. напр.: *Piekalkiewicz J.A. Public opinion polling in Czechoslovakia, 1968–1969: results and analysis of surveys conducted during the Dubček era.* New York, 1972; *Skilling H.G. Czechoslovakia's interrupted revolution.* Princeton, 1976.

² *Lyons P. Mass and elite attitudes during the Prague spring era...*, p. 238, 251.

³ *Tiček M. Významné osobnosti, období a události české historie – říjen 2013.* – Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 22.11.2013.

того времени образовывали немарксистские социалисты. Меньше всего людей (несколько процентов) отождествили себя с коммунистическим мышлением¹. Обнаружено также, что накануне «бархатной» революции чехословацкое общество участвовало в формальной и неформальной политической деятельности, с недоверием и неудовлетворенностью относилось к политическим институциям, было довольно хорошо информировано через отечественные и зарубежные СМИ. 3/4 опрошенных знали о деятельности Хартии 77, из диссидентов наиболее известными жителям страны оказались А. Сахаров (2/3 слышало о нем), а также И. Пеликан и П. Тигрид, за ними следовали Ф. Пероутка и П. Дртина². Но свыше половины населения – в разной степени – считали политику «грязным делом» и предпочитали держаться от нее подальше³.

Хотя большинство людей в конце 1980-х гг. в Чехословакии оценивало коммунистическую партию, ее политику весьма критически и постепенно от нее дистанцировалось, к социализму относились иначе. Чешский историк М. Ванек не склонен однозначно утверждать, что общество «внутренне разошлось» с социалистической системой в преддверии перемен. До 3/4 жителей страны негативно оценивали отдельные сферы жизни страны, но в отношении социализма в целом положительные и отрицательные мнения взаимно уравновешивались на протяжении всего периода исследований этого автора с 1970 г.⁴ Как и на пике реформаторских устремлений в июле 1968 г., когда только 5% опрошенных отвечали положительно на вопрос: «хотели бы вы возвращения капитализма?»⁵, на следующем перекрестке истории страны в период революционных перемен ноября-декабря 1989 г. всего лишь 3% предпочитали капиталистический путь развития, тогда как 41% – социалистический и еще 52% – нечто среднее между ними⁶.

Произошедшая в ориентированной преимущественно на социалистические и демократические идеалы среде революция в момент ее свершения породила в обществе колоссальные ожидания и сопровождалась высокой

¹ Strmska Z. Výsledky nezávislého průzkumu současného smýšlení v Československu. – Svědectví. 1986. № 78, s. 283.

² Ibid., s. 293.

³ Ibid., s. 323.

⁴ Vaněk M. Veřejné mínění o socialismu před 17. Listopadem 1989. Praha, 1994, s. 57.

⁵ Connor W.D., Gitelman Z.Y. Public opinion in European socialist systems. New York, 1977, p. 179.

⁶ Vaněk M. Op. cit., s. 56.

мобилизацией населения, принявшего участие в массовых протестных акциях. Несмотря на довольно слабое – по сравнению с соседними Польшей и Венгрией – влияние на общество оппозиционных сил, коммунистический режим в Чехословакии, в отличие от этих стран, обрушился в течение нескольких дней. Революция, первоначально называвшаяся «веселой», «студенческой», «очистительной», «детской», «нежной», осталась в чешской истории как «бархатная», хотя нередко определяется как «переворот» или «так называемая революция»¹. Теперь не вызывает сомнений, что в ходе ее, как и в 1968 г., в общественном сознании преобладали романтические, весьма туманные представления о направлении дальнейшего развития страны. Большинство чехов, веривших в силу демократической системы, тем не менее, не знало, какой политический режим возникнет в результате смены власти и что такое «рыночная экономика», а из-за непопулярности в обществе понятия «капитализм» реформаторы в первой половине 1990-х гг. – решающий период демонтажа коммунистического режима – предпочитали его не употреблять².

Примечательно, что, согласно опросным данным конца 2013 г., большинство чехов (60%) назвало революцию 1989 г. важнейшим за последнее столетие событием³. По прошествии четверти века в странах региона утверждается мнение, что «бархатная» революция, действительно, была решающим для Центральной и Восточной Европы историческим событием, характеризующимся, тем не менее, отсутствием определенности по поводу устанавливаемого в результате ее типа государственности. До сих пор в обществе отсутствует согласие по вопросам – кто был движущей силой этой революции (простые люди или диссидентские контрэлиты), что за цели она преследовала (политические или экономические), почему она случилась (для реформирования режима или его свержения). И если среди чешского населения, особенно сторонников правых партий, доминирует представление, что в ноябре 1989 г. революцию осуществили граждане для достижения политических целей, то существует и альтернативный взгляд на это событие как не принесшее фундаментальных перемен в обществе, а послужившее, главным образом, экономическим интересам привилегированных групп, в то время как отношения власти и

¹ Kapitoly z dějin české demokracie po roce 1989. Praha, 2008, s. 139, 156.

² Kopeček L. Ěra nevinnosti. Česká politika 1989–1997. Praha, 2010, s. 60.

³ Tužek M. Významné osobnosti, období a události české historie – říjen 2013...

народа мало изменились¹. Массовое отношение к «бархатной» революции, ее причинам и следствиям, согласно исследованию в связи с ее 20-летием, характеризовалось скорее различиями, чем консенсусом².

Однако сразу вслед за революционным подъемом, – когда субъективная важность политики в жизни людей достигала своего пика, когда их участие в первых выборах в парламент 1990 г., имевших характер плебисцита о прошлом и будущем страны, составило 4/5 всех обладавших избирательным правом, когда показатели политической удовлетворенности и доверия общества институциям находились на высшем уровне, – новая власть дала старт важнейшим политическим и экономическим преобразованиям: переходу к многопартийной системе, частной собственности и рыночным отношениям. На этой же преимущественно эмоциональной волне либеральная модель радикальной экономической реформы получила поддержку граждан на выборах 1992 г. Общество ее с воодушевлением поддержало, хотя в полной мере себя с ней не отождествляло³. Хотя лишь несколько процентов опрошенных в 1993 г. предпочитали дореволюционную модель развития⁴, в обществе продолжали преобладать соответствовавшие этой модели традиционные, глубоко укорененные и усиленные периодом социализма антиэлитарные, уравнилельные предпочтения⁵. При сохранявшейся со времен коммунистического режима слабой дифференциации оплаты труда и доходов 19% опрошенных все же высказывалось в пользу необходимости роста неравенства в доходах; уже к 1995 г. доля этой группы людей сократилась до (тех же) 5%⁶. Кроме того, 80% населения уже в 1992 г. (когда около миллиона людей стали владельцами лицензий на ведение предпринимательской деятельности) считало нечестными существующие способы обогащения⁷. Постепенно

¹ Lyons P., Bernardyová A. Satisfied, skeptical or simply indifferent? Current public opinion toward the fall of communism in the Czech Republic – Europe-Asia studies. 2010. № 9.

² Kunšát D. Pluralita paměti a komunistická minulost: česká veřejnost a její reflexe roku 1989 a polistopadového vývoje – Naše společnost. 2010. № 1.

³ Zpráva o vývoji české společnosti 1989–1998. Praha, 1998, s. 267.

⁴ Kopeček L. Op. cit., s. 217.

⁵ Tuček M. a kol. Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomu tisíciletí. Praha, 2003, s. 156.

⁶ Vlachová K., Matějů P. Krystalizace politických postojů a politického spectra v České republice – Sociologický časopis. 1998. Vol. 34. № 2, s. 153.

⁷ Kalinová L. Konec nadějí a nova očekávání: k dějinám české společnosti 1969–1993. Praha, 2012, s. 364–366.

вызревали и дифференцировались социально-экономические взгляды людей, противоречившие их постреволюционным политическим ориентациям. Наибольшая неконсистентность (несогласованность) массовых воззрений наблюдалась сразу после «бархатной» революции, но год от года ситуация менялась.

По мере завершения реформ и столкновения людей с повседневными проблемами общества либерально-рыночного типа становилось ясно, что левые ценности в чешской среде определенно преобладают. Социологи обнаружили, что многие из тех, кто с восторгом идентифицировался с правыми как доминирующей идеологией, в действительности всегда оставались приверженцами левых ориентаций¹. Каждый пятый высокообразованный чех декларировал левые воззрения – вдвое чаще по сравнению с населением ЧР в целом². В то время сформировалось аномальное «левое мышление при правом голосовании» (*Я. Вечерник*). Высказывается мнение о несоответствии осуществлявшегося в первой половине 1990-х гг. в ЧР проекта трансформации «ментальному состоянию чехов»³.

Идеология успеха, гарантом которого в Чехии выступала реформаторская Гражданская демократическая партия (ГДП), господствовала в стране до 1996 г., когда правые партии начали терять свои позиции. Именно выборами в Палату депутатов в 1996 г. датируется начало периода разочарования чешского общества реформами, роста массового недоверия к правительству и его политике. Большая часть людей ощутила, что ее интересы не представлены в политической системе, и отвернулась от политики. Одновременно с марта 1996 г., по оценке социологов, позитивная оценка результатов трансформации перестает преобладать над негативной, происходит радикальный поворот в общественном мнении. Его главный смысл заключался в уменьшении противоречия между «мышлением» и политическим выбором, а также поляризации гражданских предпочтений. Избиратели правящих партий начали сомневаться, что трансформация в Чехии удалась, а сторонники левых отказывались от либерально-рыночных симпатий в пользу социалистических⁴. Быстрый

¹ Vlachová K., Matějů P. Op. cit., s. 149.

² Výskum európskych hodnôt 1991–1999–2008: slovenská a česká spoločnosť. Pramenno-analytická publikácia. Bratislava, 2009, s. 124.

³ Kubů E. Obraz české transformace v zrcadle sociologického výzkumu – Historická sociologie. 2011. № 1, s. 60.

⁴ Zpráva o vývoji české společnosti 1989–1998..., s. 256.

рост неудовлетворенности людей достиг кульминации в 1998 г., когда 61% опрошенных, по данным Центра изучения общественного мнения Института социологии АН ЧР (ЦИОМ), относился к трансформации критически и лишь 5% считали ее успешной¹. Разочарование в итогах приватизации было столь велико, что в апреле 1998 г. 70% граждан высказалось за то, чтобы государство вернуло себе неправильно приватизированные предприятия. Национализации их требовало не только 93% сторонников КПЧМ, но 4/5 избирателей Чешской социал-демократической партии (ЧСДП), а также половина приверженцев ГДП². По опросным данным 2008 г., 2/3 граждан страны считали, что основа и символ неолиберальных реформ – ваучерная приватизация – изначально задумывалась для обогащения избранного круга людей, вступивших в заговор против народа³.

Рубеж 1997–1998 гг. стал для чехов «точкой возврата». С этого времени начинается значительный спад в позитивной оценке новой государственности, связанный не только с потерей иллюзий относительно экономических реформ и беспокойством по поводу снижения социальной безопасности, но и разочарованием в политическом развитии страны в условиях начавшегося глубокого внутреннего кризиса правого лагеря. Он последовал за подписанием крайне непопулярного в массах так называемого оппозиционного соглашения между правящей, но находившейся в парламентском меньшинстве левой ЧСДП и оппозиционной правой ГДП вскоре после выборов в Палату депутатов в 1998 г. Сотрудничество этих двух партий, фактически разделивших власть, в сознании чешских граждан разрушило традиционную роль оппозиции и вызвало «кризис доверия» – к реформе, трансформации, демократии, который окончательно завершил «эру невинности» (*Л. Копечек*) в современной истории страны. Люди усомнились, что политические деятели в условиях демократии станут вести себя иначе, чем при коммунистическом режиме (ныне уже 80% чехов отрицает различия между ними⁴). Ярким проявлением этого настроения явилась гражданская инициатива против правящей политической элиты под названием «Спасибо, уходите!» (к ней присоединилось 200 тыс. подписантов). Инициатива была приурочена к десятилетию «бархатной»

¹ Červenka J. Jsme ze zvyku sociálněekonomickými pesimisty? – Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha, 2010, s. 56.

² Hartl J., Huk J., Haberlová V. Česká společnost 1998. Praha, 1999, s. 52.

³ Czech elites and general public: leadership, cohesion and democracy. Praha, 2010, p. 45.

⁴ Krize, nebo konec kapitalismu? Praha, 2012, s. 260.

революции 17 ноября 1999 г. Показательно также, что в период 1994–1998 гг. с 82% до 58% сократилось доверие президенту В. Гавелу как моральному лидеру нации и символу посленоябрьской трансформации¹. Таким образом, пересматривались оценки и нравственного развития страны в прошедший период. Сам В. Гавел общественное настроение в Чехии в конце 1997 г. назвал «дурным» (*«blbá nálada»*). Имелось в виду пассивное апатичное состояние общества, смирившегося со сложившейся политической и экономической реальностью. Подобное настроение относительно стабилизировалось.

Хотя 60% чешского общества в 1998 г. все же сохраняло убеждение, что в стране удалось создать прочные основы демократической государственности и одобряло посленоябрьский курс, но результаты его с этого времени стали ожидать в более отдаленном будущем². Изменилось и представление о самой демократии, которая начала восприниматься не в идеалистическом, а в прагматическом, точнее экономическом, смысле, т.е. не столько как свобода – выборов, слова и т.д., – сколько как возможность удовлетворения материальных потребностей, роста благосостояния. Люди уже не акцентировали значение духовных ценностей и межчеловеческих отношений в формировании новой государственности, а считали более важным повышение уровня жизни. 2/3 граждан верили, что существующий политический режим принесет лучшее будущее их детям по сравнению с бывшим коммунистическим режимом³. Оценивая качество демократии через функционирование экономики, чехи сознавали, что демократическая политическая система утверждается параллельно с экономической системой рыночного капитализма, и не делали больших различий между ними.

Одновременно произошел драматический спад избирательной активности граждан – в выборах в Палату депутатов парламента ЧР (важнейший элемент представительной демократии) в 1998–2002 гг. (время действия упомянутого оппозиционного соглашения) на 16 процентных пунктов с 74% до 58% – и ее последующая стагнация. На этом фоне начало увеличиваться различие в электоральном участии молодежи (ее активность – по причине отсутствия интереса к политике – сокращается)

¹ Hartl J., Huk J., Haberlová V. Op. cit, s. 51.

² Mansfeldová Z. The Czech Republic: critical democrats and the persistence of democratic values. – Democracy and political culture in Eastern Europe. London, 2006, p. 115.

³ Kudy kam – Deset let po listopadu 1989 v průzkumech STEM. Praha, 2000.

и старшей возрастной группы: в 2006 г. оно достигло 30 процентных пунктов¹. Чешские социологи обнаружили не характерное для стран Запада усиление эффекта классовой принадлежности при голосовании на выборах, получившее название рестратификации чешской политики. Стали говорить, что чешские избиратели голосуют «своим карманом»: люди с невысоким уровнем образования и доходов демонстрировали, что им безразлично, кто находится у власти, и голосование на выборах не повлияет на их положение. В основе этой тенденции находилась углубляющаяся дифференциация общества, нарастающее социальное неравенство², в итоге отрицательно сказывающиеся на развитии демократической политической системы³. Второй, кроме снижения избирательной активности, судьбоносный результат событий рубежа веков в стране – усиление поддержки КПЧМ, достигшее 20% и впоследствии сохранившееся на высоком уровне (15% и третье место на последних парламентских выборах 2013 г.).

Чешский социолог *Л. Линек* обнаружил, что в течение короткого периода 1997–2000 гг. скачкообразно произошло отчетливое изменение отношения чешских граждан к политике, их политических ожиданий. Он называет этот период временем перехода от наивного демократизма первой половины 1990-х гг. к фазе критического и неудовлетворенного демократизма начала XXI столетия, когда возникли сомнения в правильности развития демократической государственности в стране⁴. Кроме того, в этот период изменилось представление о сущности новой государственности: если сразу после революции особенно высоко ценилась свобода, то теперь установилось соотношение предпочтений «свобода или равенство» на уровне 60% : 40%⁵. В течение последнего десятилетия в чешском обществе с его длительной традицией левого мышления, не связанной с коммунистическим режимом, доля отдающих приоритет

¹Volby a voliči 2010. Praha, 2012, s. 74.

²*Smith M. L., Matěj P.* Restratifikace české politiky: vývoj třídně podmíněného volebního chování v České republice v letech 1992–2010 – Sociologický časopis/Czech Sociological Review. 2011. Vol. 47. № 1.

³*Linek L.* Rostoucí sociální nerovnosti ve volební účasti v Česku v letech 1990–2010 – Naše společnost. 2013. № 1.

⁴*Linek L.* Zrazení snu? Struktura a dynamika postojů k politickému režimu a jeho institucím a jejich důsledky. Praha, 2010, s. 10.

⁵*Sedláčková M.* Důvěra a demokracie. Praha, 2012, s. 202.

свободе перед равенством снижалась, в том числе среди высокообразованных¹.

Несмотря на экономические и политические коллизии рубежа веков, чешское общество не оставляло преимущественной ориентации на демократическую государственность, которая довольно глубоко укоренена в его сознании. В начале трансформационного процесса как минимум 70% населения (от 60% до 90% в зависимости от характера постановки исследователем вопроса) считали демократию лучшим типом политического режима. С 1998 г. поддержка демократии снизилась до нынешних 50% (еще 20% предпочитает некоторую форму диктатуры или авторитарный режим и столько же безразличны к характеру политического режима). Это примерно на 30% ниже западноевропейского уровня, но соответствует показателям других посткоммунистических стран (в Венгрии, где она не переживала спад в конце 1990-х годов, поддержка демократии такая же, в Словакии и Польше – несколько ниже)².

Легитимность демократии в Чехии предопределена, прежде всего, ранней политической социализацией. Многие граждане, которые выросли в период до 1968 г., позитивно оценивают коммунистический режим, но стальгируют по нему, что отличает их от воспитанной при новом порядке молодежи: среди 18–29-летних (между тем, нередко критикуемых за индивидуализм и материально-потребительские наклонности) всего четверть не воспринимает демократическую государственность как легитимную. Другой значительный источник поддержки демократии – социальный статус, т.е. возможности материального обеспечения в условиях данного режима: чем выше положение и образование, тем больше поддержка демократии; в городах она соответственно на 12% больше, чем в селах³.

Современное общество в ЧР явно не удовлетворено, прежде всего, способом осуществления демократической государственности. В период после 1989 г. постоянно нарастало отчуждение политики от частной сферы, ослабла даже прежде сильная зависимость интереса к политике от уровня образования. 9 из 10 граждан сейчас убеждены, что люди идут в политику ради денег и власти⁴. Наиболее динамичные – негативные –

¹ Výskum európskych hodnôt 1991–1999–2008..., s. 128.

² Linek L. Zrození snu?... s. 65–66.

³ Ibid., s. 138.

⁴ Čadová N. Mínění o motivech vstupu do politiky a o zájmu politiků o názory obyčejných lidí – únor 2014. – Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 07.03.2014.

перемены происходили в Чехии последних полутора десятилетий с показателем политической неудовлетворенности населения, т.е. оценкой эффективности решения всеми ветвями власти проблем, важных для общества. С началом в 2009 г. мирового экономического кризиса легитимность существующего в стране политического режима пережила падение не менее значительное, чем в период первого его кризиса 1998–2000 гг. Выборы в Палату депутатов парламента ЧР в 2010 г. продемонстрировали снижение уровня поддержки обеих крупнейших партий – ГДП и ЧСДП – и рост числа сторонников новых небольших непарламентских партий с их критикой истеблишмента и *status quo*, носившей характер скорее протестного голосования. Результаты этих выборов назвали проявлением «антиинституционального популизма»¹ в условиях слома в общественном развитии². По данным опроса 2011 г., 72% ожидало ухудшения состояния экономики в следующее десятилетие, общественный пессимизм преобладал и в большинстве других сфер жизни страны³. Внеочередные парламентские выборы 2013 г. характеризовались усилением электоральных тенденций 2010 г. Массовые симпатии чешского общества оказались тогда на стороне появившейся накануне выборов и впоследствии ставшей ведущей партии с названием «Акция недовольных граждан», а правая ГДП потерпела поражение. Все больше людей старшего поколения находили черты сходства современной ситуации в стране с пережитым ими периодом «нормализации» 1970–1980-х годов⁴.

Исследования Центра социальных и экономических стратегий Карлова университета в Праге демонстрировали довольно пессимистическую картину отношений власти и общества в условиях новой государственности в Чехии. Половина традиционно миролюбивого чешского народа – преимущественно люди с невысоким социальным статусом – ждет сильного политического лидера, способного навести порядок и покончить с парламентскими распрями, коррупционностью и моральным разложением элит. Значительная часть общества – около трети – готова принести демократические принципы в жертву безопасности и благополучию. Эти люди, отнесенные социологами к категории критических недемократов,

¹ Volby a voliči 2010..., s. 226.

² Krize, nebo konec kapitalismu?... s. 259; Historické vědomí obyvatel České republiky perspektivou sociologického výzkumu. Praha, 2013, s. 136.

³ Historické vědomí obyvatel České republiky..., s. 156.

⁴ Krize, nebo konec kapitalismu?... s. 251.

соглашаются на роспуск парламента. Четверть их даже пошла бы по пути революционной смены политического режима. В отличие от правящих элит, чешское общество поддерживает переход от представительной к прямой демократии, что обычно является показателем массовой политической неудовлетворенности людей и недоверия власти. Кроме того, около половины опрошенных оказалось в той или иной степени дезориентированным, даже после фактического завершения трансформационных процессов им трудно понять направление дальнейшего развития страны¹. Более того, граждане сомневаются в существовании целенаправленной модели новой государственности и скептически относятся к ее дискредитировавшим себя прежним концепциям².

Необходимым условием успешного развития демократической государственности и рыночной экономики является доверие. Об опасном дефиците доверия в чешской среде социолог И. Можны писал еще в 1991 г.³ В конце 1990-х гг. возникло взаимное недоверие между «выигравшими» и «проигравшими» в результате реформ, усилившееся в первом десятилетии 2000-х годов, когда не произошло ожидавшихся позитивных сдвигов ни в экономическом, ни в политическом развитии, ни в сфере межчеловеческих отношений. Показатели доверия в других людях на протяжении трех десятилетий остаются стабильными. За исключением периода первоначальной эйфории после падения коммунистического режима и ожидания справедливого устройства демократического общества, когда межчеловеческое доверие декларировалось третью опрошенных, этот показатель не превышает 1/5–1/4⁴.

Критическое отношение людей к разворачивающемуся в стране демократическому процессу нередко объясняют формированием новой государственности в ЧР «сверху», а не классическим «снизу вверх» способом, как в довоенной Чехословакии. Можно говорить о неразвитости здесь функционирующего гражданского общества. После смены строя жители стран региона легко отказались от возможности активно влиять на политику, в духе пассивности, характерной для прежнего режима, они ушли в сферу своих частных интересов. Для посткоммунистических граждан

¹ Czech elites and general public..., p. 160–161.

² Ibid., p. 56.

³ Možný I. Proč tak snadno... Některé důvody sametové revoluce. Praha, 1999.

⁴ Crisis situations in the Czecho-Slovak context after 1989. Praha, 2011, s. 71.

в целом свобода буквально означала «свободу от политики», а не «свободу участвовать в политике». Чешский человек отличается традиционной склонностью оставаться в стороне, в кругу своих родных и близких, «заниматься своим делом» («мы все не можем быть диссидентами»), «самому о себе заботиться», «быть как все», «сильно не рисковать», «не выходить за рамки», что ведет к низкой общественной активности и явлению «гражданской лениности»¹.

Более половины граждан страны считает, что ни одна из партий не представляет его интересы и взгляды². Стабильно лишь очень небольшая часть людей – каждый пятидесятый – идентифицируется с политическими партиями и демонстрирует это членством в данной партии. Вступать в партию, по мнению чехов, хотят либо наивные люди, желающие изменить мир, либо карьеристы, стремящиеся к материальной выгоде. Хотя требования к рядовым членам партии постоянно снижаются (за исключением КПЧМ, они не обязаны активно претворять программу партии; членские взносы, тоже, кроме компартии, вносятся раз в год), членская основа парламентских политических партий в ЧР постоянно сужается. Специалисты считают, что потенциал членства в партиях в настоящее время исчерпан³.

Чешские профсоюзы утратили массовое доверие за тесное сотрудничество с компартией при прежнем режиме, когда членство в них было практически обязательным. В 1990-е гг. произошел драматический спад участия граждан в профсоюзах, которые не смогли эффективно защитить интересы трудящихся, серьезно пострадавших в ходе посткоммунистической трансформации. По данным ЦИОМ, к 2003 г. членство в профсоюзах сократилось среди занятых на 62%⁴. Граждане страны относятся достаточно скептически к возможностям влияния на политику местных органов власти. Среди видов общественной деятельности наибольшей популярностью в ЧР пользуются спортивные объединения (участвует около трети опрошенных) и культурные организации по интересам (около четверти).

¹ Crisis situations..., s. 69; Tuček M. a kol. Dynamika české společnosti..., s. 384. См. также: Коровицына Н.В. Самая «бархатная» революция: «чешский человек» на фоне общественных перемен. – Славяноведение. 2000. № 3; Holý L. Malý český člověk a velký český národ. Národní identita a postkomunistická transformace společnosti. Praha, 2001.

² Linek L. Dimenze antistranických postojů české veřejnosti – Naše společnost. 2003. № 3–4.

³ Participace a zájmové organizace v České republice. Praha, 2005, s. 75.

⁴ Ibid., s. 141.

Люди включаются, как правило, в работу организаций свободного времени, остальные виды активности распространены гораздо меньше¹.

Условия независимого существования общественных движений и организованного гражданского общества в Чехии были созданы только после падения коммунистического режима, при котором коллективные акции, за исключением польского движения «Солидарность», не становились в странах региона массовым феноменом. Однако протестная деятельность не ассоциировалась в массовом сознании со стандартным демократическим режимом, основанным, по существующему мнению, только на регулярных выборах. При большом количестве форм протестного поведения в современной Чехии наблюдается систематический упадок практического опыта и желания граждан в них участвовать. Уменьшается и доля людей с опытом участия в демонстрациях, носивших наиболее массовый и политический характер осенью 1989 г. К концу 2000-х годов, согласно опросным данным, значительно сократилась доля тех, у кого есть прямой опыт подписания петиций, хотя в этот период появилась возможность сбора подписей через Интернет. Чаще всего практикуют подписание петиций высокообразованные: в 2008 г. 49% их когда-либо участвовало в этой деятельности, что гораздо меньше по сравнению с 1999 г. (74%). Респонденты с высшим образованием – наиболее удовлетворенные развитием государственности – проявляют почти вдвое большее, чем все население, стремление участвовать в разрешенных демонстрациях². Это означает, что неудовлетворенность непосредственно не связана с протестным поведением, которое служит, скорее, выражением потребности улучшения собственного положения. Изменились приоритетные темы самого политического дискурса: из него ушла характерная для начала 1990-х годов. задача «защиты демократии».

Тем не менее, чехи участвуют в политической деятельности существенно больше населения остальных посткоммунистических стран, в которых апатичные граждане преобладают над активными, и наблюдается еще более низкий уровень участия³. Любопытно, современную Чехию объединяет с Венгрией и Польшей склонность к политическому

¹Čermák D., Vobecká J. Spolupráce, partnerství a participace v místní veřejné správě: význam, praxe, příslib. Praha, 2011, s. 101.

²Výskum európskych hodnôt 1991–1999–2008..., s. 138.

³Lebeda T., Vlachová K. Jsou Češi politicky aktivní? // Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe..., s. 294–295.

участию – прежде всего его манифестационным (участие в демонстрациях и протестах) и пассивным (подписание петиций, бойкот товаров) формам – главным образом, людей с правыми, а не левыми, как в Западной Европе, взглядами¹.

Организации гражданского общества в ЧР в итоге так и не стали партнером государства при формулировании и осуществлении конкретной политики². В некоторых отношениях в стране наблюдалось замедление развития демократической государственности, и преодоление проблем продолжается дольше, чем казалось в конце 1990-х годов. Речь идет, прежде всего, о социально-политической интеграции общества, его сплоченности, одним из критериев которого и является уровень политического участия, т.е. организация людей с целью влияния на процесс принятия решений «снизу». Недостаток опыта добровольного участия, как и в других посткоммунистических странах, сочетается с фрустрацией от участия обязательного³. Но не сложилось и достаточно эффективной системы представительства общественных интересов. Самым большим изъяном качества демократии в Чехии и странах региона считается возрастающий разрыв между политическими партиями, политическим представительством как таковым и гражданами. Слабая связь между демократическими институтами и обществом является потенциальной угрозой легитимности новой государственности, возникшей в результате «бархатных» революций.

Чешскую Республику, граждане которой являются наследниками традиций развитых политических систем предшествующих исторических эпох, относят ныне к числу «стандартных консолидированных демократий». И в 1968 г., и в 1989 г., и в последующем демократические и социально-ориентированные идеалы чешского общества служили основой массовой оценки сменяющихся политических режимов, что подтверждает возможность автономии политических воззрений людей от типа государственности, т.е. относительной независимости ее ценностного и институционального аспектов. Сохраняет свою историческую специфику и характер гражданственности жителей страны. Еще в период социализма «другое общество» имело в Венгрии, скорее,

¹ Ibid., s. 299.

² Mansfeldová Z., Rakušanová Guastí P. Kvalita demokracie v České republice // Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe..., s. 323.

³ Čermák D., Vobecká J. Op. cit., s. 162.

экономический характер, в Польше – политический, а в Чехословакии реализовалось на уровне неформальных – семейных, трудовых и дружеских малых групп через перемены в культуре повседневной жизни¹. На фоне существующей сейчас низкой политизации населения ЧР традиционные сети друзей и знакомых по-прежнему имеют определяющее значение в жизни чехов, нередко служа альтернативой привычно понимаемому гражданскому обществу. События последних лет вновь ярко демонстрируют склонность чешского общества к «неполитической» и «антиполитической» политике как стратегии национального поведения в кризисных ситуациях.

Несмотря на огромные институциональные сдвиги последних 30 лет, в понимании новой государственности в чешском обществе по-прежнему нет четкой определенности, и наряду с ее «официальной» версией существуют настроения массового скептицизма и индифферентности. Причем, неоднозначный современный баланс оценок чешскими гражданами событий 1989 г. и последующей общественной трансформации несколько различен. Если «бархатную» революцию считает в наши дни оправдавшей себя 2/3 жителей ЧР (в 1999 г. было немногим больше половины), а треть придерживается противоположного мнения, то в отношении последующего процесса системных преобразований взгляды населения распределяются примерно поровну – по трети чехов высказывается в пользу их позитивного, негативного и нейтрального эффектов для общества².

Вывод о поразительной стабильности базовых политических взглядов чехов периодов коммунистического режима с его централистской системной государственности и многопартийной либеральной государственности, свидетельствует о возможности существования «демократов без демократии». Кроме того, подобная стабильность ставит под сомнение представление о строгой дихотомизации современного исторического процесса на время до и после 1989 г., во всяком случае, с точки зрения динамики гражданственности.

¹ Možný I. Op. cit.; Machonin P. Poměny sociálních nerovností v postsocialistické transformaci středoevropského typu a jejich možné teoretické implikace – Současná česká společnost. Praha, 2002, s. 17.

² Červenka J. Hodnocení změny systém v roce 1989 v středoevropském srovnání – zima 2014.– Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 18.03.2014.

3.3. Процессы трансформации семьи

Смена режима демографического воспроизводства в Центральной и Восточной Европе после 1989 г. вслед за демократизацией режима политического явилась ключевым процессом либеральной модернизации обществ восточноевропейского типа, активно приобщавшихся к западному образу жизни и ценностям. За прошедший период революционных перемен завершился очередной 20-летний цикл смены поколений, позволяющий представить исторические сдвиги в общественном развитии стран региона по пути европейской интеграции. Одним из его главных результатов стала неумолимо сокращающаяся доля людей, живущих в семьях. Однако именно семейная солидарность на протяжении столетий служила основой существования, например, чешского человека как представителя «старой» центральноевропейской нации¹. С давних пор он прочно держит судьбы своего народа в собственных руках, полагаясь прежде всего на институт семьи, его традиционные функции самообеспечения и самодостаточности, а позднее – и самореализации личности².

Промышленно развитые Чешские земли (в отличие от Словакии) по характеру воспроизводства народонаселения тяготели к западноевропейскому типу демографического перехода³, который был характерен для большинства стран Западной Европы с последней трети XIX в. до 30-х годов XX в. Межвоенная чешская семья отличалась высоким брачным возрастом, значительной долей мужчин и женщин, не вступающих в брак, сознательной бездетностью как стратегией жизни человека. После Второй мировой войны Чехия переходит к отличительному для консервативной модернизации периода социализма (индустриализация, урбанизация, рост уровня образования) восточноевропейскому типу воспроизводственного

¹ Holý L. Malý český člověk a velký český národ. Praha, 2001.

² Možný I. Česká rodina v době pozdní modernity – Česká společnost na konci tisíciletí. Díl 1. Praha, 1999.

³ Демографический переход – это процесс смены исторических типов воспроизводства населения, являющийся неотъемлемой частью перехода от общества традиционного, аграрного к индустриальному, урбанизированному, современному и затем к обществу постмодерна (второй демографический переход). Согласно теории английского демографа Дж. Гайнала, преимущественно аграрная восточная периферия европейского континента уже с XVI в. отличается от западной его части по характеру демографического воспроизводства (более высокая рождаемость и рождение детей в более раннем возрасте, причем экономическая независимость не считается условием брака, более многочисленные, часто с не одним поколением домохозяйства).

режима, когда брак и семья оказываются необходимой жизненной стратегией и важнейшей ценностью¹.

Уже в 1950-е годы семейное поведение чехов совершенно изменяется: исчезают добровольная бездетность, безбрачие, резко снижается возраст вступления в брак и раньше появляется первый ребенок. После 1960 г. динамика рождаемости в Чешской Республике все больше соответствовала ситуации в других соцстранах, отходя от демографических трендов Западной Европы. Демографическая политика рубежа 1960–1970-х годов явилась важнейшей частью «нормализации» общественной жизни после событий Пражской весны 1968 г. Именно в это время Запад вступал на путь второго демографического перехода с характерным падением рождаемости, сокращением числа заключенных браков (завершался «золотой век» брака), плюрализацией форм семьи. Противоположная ситуация наблюдалась в социалистическом мире. Государственные меры в поддержку семьи, материнства и детства с целью стимулирования ранних браков и раннего обзаведения потомства привели к «бэби буму» 1970-х годов и консервации традиционной семьи на востоке Европе. В результате Чехословакия даже опередила остальные страны региона по темпам роста рождаемости. Доля лиц, вступающих в брак, постепенно достигла в стране предельных величин (90–95% 20–29-летних), а рождаемость стабилизировалась на уровне примерно двух детей на одну женщину.

Особенностью коммунистического режима в восточноевропейских странах, прежде всего на его начальных этапах, было стремление власти сочетать консервативную семейную политику с политикой уменьшения значения семьи или дефамелизации. Государство способствовало утверждению гендерного равенства, осуществляя эмансипацию женщин через их участие на рынке труда и социализацию домашней работы и заботы о детях. В условиях эгалитарной политики заработной платы и радикально возросшей доступности детских дошкольных учреждений, в том числе для детей до трех лет, семья из двух кормильцев стала преобладающей для экономически активного населения. Доля женщин как важного источника рабочей силы в общей численности занятых в Чехословакии превысила 40% уже в 1953 г., а в последующем достигла близких к предельным, одним из высших в мире показателей. Практически все чешские женщины

¹Demografická situace České republiky. Proměny a kontexty 1993–2008. Praha, 2010.

возвращались к производственной деятельности вскоре после рождения ребенка¹. В 1960-е годы, когда на Западе только началось массовое движение к «эгалитарной модели» отношения полов, высокий уровень производственной активности восточноевропейских женщин уже стал частью образа жизни стран региона. А во втором послевоенном поколении с ростом уровня образования и сложности труда женского населения финансовые причины как мотив занятости все больше уступали место его потребности в самовыражении, т.е. осуществлялась собственная версия нового демографического перехода.

Европейский континент, разделенный после Второй мировой войны в политическом, экономическом и социальном отношении, со временем – особенно в период между серединой 1960-х и началом 1990-х – поделился и по базисным человеческим ценностям, моральным нормам и стилю жизни мужчин и женщин². Поворот к семье, частной сфере и более консервативным ценностям в Чехословакии и других странах востока Европы во втором послевоенном 20-летиі совпал с переходом к обществу потребления, но не индивидуалистического потребления западного типа, а скорее семейного потребления (по утверждению чешского социолога, «социализм у нас начался с того, что обобществил семью, а закончился тем, что был семьей тотально колонизирован³»). «Семья-центричность» социалистической системы на этом этапе формировалась в условиях дефицита товаров и услуг, ограниченных возможностей путешествий, учебы, карьеры, использования свободного времени при облегченном по сравнению с Западной Европой пути создания семьи, когда государство устраняло его финансовые и трудовые барьеры, а семья воспринималась людьми как единственная альтернатива официальной власти.

Еще в конце 1980-х годов Чешская Республика принадлежала к числу стран с универсальным уровнем заключения браков. В брак вступало хотя бы раз в жизни преобладающее большинство населения, и к 50-летнему возрасту «свободными» оставалось лишь 6% мужчин и 4% женщин – меньше всего за последние два столетия⁴. Первый брак, который активно поддерживался государством материально и через помощь в решении

¹ Women and social citizenship in Czech society: continuity and change. Praha, 2009, p. 22.

² Současná česká společnost. Sociologické studie. Praha, 2002, s. 109.

³ Možný I. Op. cit., s. 31.

⁴ Demografická situace České republiky, s. 133.

жилищного вопроса (у 95% чешских семей после пяти лет брака была собственная квартира)¹ заключался в раннем возрасте – для мужчин в среднем в 24 года, для женщин – чуть ранее 22. Стабильность браков была относительно невысока, и большое количество их распалось – по сравнению с началом 1950-х годов к концу 1980-х число разводов почти утроилось. Однако вне брака оставалось жить мало разведенных: в повторные браки вступало 40% мужчин менее чем через пять лет после развода. Общественный статус разведенной женщины был выше, чем женщин, никогда в брак не вступавших. Причем всего 7% разведенных женщин не работало. Совместная жизнь без регистрации брака не порицалась обществом только в случае, если пара уже имела опыт супружества. Такие отношения мотивировались преимущественно экономическими факторами – возможностью утери финансовых льгот при вторичном браке. Социалистическая идеология исходила из представления о семье как основе государства, поэтому официально поддерживались законные браки с детьми, тогда как доля детей, рожденных вне брака, на протяжении всего периода существования социалистической Чехословакии, не превышала 10%².

За время жизни двух поколений сформировался особый, вошедший в общественную науку стран региона под названием восточноевропейского, тип демографического поведения и соответствующая ему модель семьи, по-своему сочетающие традицию и современность. Их отличает признание высокого уровня эмансипированности женщин на рынке труда, предпочтение брачного союза другим формам партнерских отношений, сознание, что воспитание детей составляет сердцевину семейных отношений, и одобрение развода как формы разрешения супружеского конфликта³. Следующая этой модели Чехия, как и вся социалистическая Восточная Европа, по количеству вступающих в брак тяготела к группе стран с выраженной традицией католицизма, отличаясь от нее гораздо более высокими показателями разводов.

Характер демографического поведения населения страны долгое время оставался стабильным, и в начале 1990-х годов специалистам было трудно предугадать перелом в популяционном развитии. Тем не менее че-

¹Proměny rodinných a profesních startů. Praha, 2010, s. 13; Možný I. Op. cit., s. 30.

²Women and social citizenship in Czech society, p. 151.

³Česká rodina v transformaci. Stratifikace, dělba rolí a hodnotové orientace. Praha, 1998, s. 36.

рез два-три года после перехода к рыночной экономике демографические показатели начали резко меняться¹. С некоторым временным интервалом после «бархатной» революции 1989 г. и смены парадигмы общественного развития «старая социалистическая» модель демографического режима, обеспечивавшая простое воспроизводство населения до поколения 1960 г. рождения, начала сменяться на «новую трансформационную», исторически беспрецедентную даже для чешской нации как самой западной и самой секуляризированной в регионе. Главным проявлением либерализации демографического режима стал спад рождаемости, достигшей неожиданно низких значений. Как и в остальных бывших социалистических странах, в Чехии в течение нескольких лет уровень рождаемости, который был одним из самых высоких в Европе, упал до одного из самых низких в мире². Исторически минимальный для страны уровень рождаемости 1936 г. в 1,67 детей на одну женщину был преодолен уже в 1994 г. В результате впервые со времен Первой мировой войны началась естественная убыль населения. Падение рождаемости сопровождалось значительным снижением интенсивности заключения браков – на 20 лет позже, чем на Западе. Единственным демографическим процессом, разительно не отличавшимся от предшествующих тенденций развития, был продолжающийся рост разводов.

Политическая и экономическая обстановка в чешском обществе после падения коммунистического режима не благоприятствовала семье и браку, ведя к увеличению материальных различий между бездетными и семьями с детьми. Совершился отказ от социальных гарантий периода социализма, обеспечивавших подавляющему большинству населения одинаковый, хотя и достаточно скромный, уровень жизни, вернулись бедность и безработица. С другой стороны, молодое поколение уже не стояло перед перспективой простого и единообразного стиля жизни, резко возросли требования молодежи к качеству жизни, ее материальным стандартам и возможностям самовыражения, получили развитие процессы повышения уровня образования.

В этих условиях значения показателей рождаемости 1990-х – начала XXI в. в Чехии превзошли все известные исторические минимумы и мак-

¹ Současná česká společnost, s. 111.

² Гашкова Г. Структурные и ценностные факторы создания семьи в чешском обществе, – Восточноевропейские исследования. Международный журнал по социальным и гуманитарным наукам. 2007. № 5, с. 19.

симумы¹. Так, спад рождаемости, продолжавшийся до 1999 г., в сочетании с откладыванием рождения первого ребенка до более позднего возраста привел к тому, что она достигла чрезвычайно низкой величины в 1,13 ребенка на одну женщину – гораздо ниже уровня простого воспроизводства. К концу первого десятилетия 2000-х годов рождаемость поднялась в результате частичного компенсационного эффекта отложенного рождения первенца, что не дает оснований предполагать ее дальнейший рост. Напротив, существует мнение, что современный этап спада рождаемости еще не завершен. Вторая половина 1990-х годов была его ключевым периодом в Чешской Республике – к 2001 г. на 100 25-летних женщин приходилось 70 детей, что на 54 ребенка меньше, чем в 1991 г.² Доля бездетных женщин, до конца 1980-х годов оставшаяся на уровне менее 10%, а в 1978–1979 гг. составлявшая всего 5% женщин, теперь возросла до показателей свыше 20%.

Чуть раньше, чем рождаемость, – в 1993–1995 гг. – в Чехии резко сократилось количество заключенных браков. Увеличились возраст вступающих в брак и количество людей, которые этот шаг никогда не совершат. Ныне ежегодно свои отношения регистрируют лишь около 45 тыс. пар, три десятилетия назад этот показатель был вдвое выше. В результате доля «свободных» в возрасте до 50 лет возросла до 40% у мужчин и 34% у женщин. Причем разведенные или овдовевшие уже не спешат заключать повторный брак, потерявший для чехов свою привлекательность. Вновь вступает в брак втрое меньше разведенных (особенно молодых женщин), чем во второй половине 1980-х годов. Тем не менее брачный возраст пока остается в республике ниже, чем в Западной Европе, и ближе к показателям Восточной Европы. Связь рождения детей и брака ослабла: доля детей, рожденных вне брака, прежде всего одинокими матерями, возросла с 7,4% в 1988 г. до 36% к концу первого десятилетия 2000-х годов³. Институт брака терял свой привычный охранительный смысл для чешского общества. Наибольшую поддержку он продолжает находить у высокообразованных слоев населения, у которых выше интенсивность вступления в зарегистрированный супружеский союз.

Никаких значительных изменений в условиях общественного перехода в Чешской Республике не произошло в количестве разводов, про-

¹Demografická situace České republiky, s. 38.

²Proměny rodinných a profesních startů, s. 18.

³Ibid. S. 48.

должавших расти на протяжении всего этого периода в условиях общей тенденции увеличения доступности их процедуры. Исключение составляли лишь короткий период радикальных социальных перемен 1991–1992 гг., когда абсолютное число разводов сократилось ниже 30 тыс. в год – показателя, впервые достигнутого в чешской истории в середине 1980-х годов. Это породило в чешском обществе тех лет оптимистические представления об усилении ответственного отношения к вступлению в брак. Уже в 1993 г. они не нашли подтверждения, а в 1996 г. количество разводов достигло исторического максимума в 33 тыс., повторенного затем в 2004 г. Если до середины 1950-х годов в Чехии разводом заканчивался каждый 10-й заключенный брак, с середины 1960-х – пятая часть браков, а с 1980-х – третья, то граница в 40% была преодолена в 1996 г., а в 50% – в 2008 г. Таким образом, сейчас в республике каждый второй брак обречен на распад. Это показатель аналогичен шведскому и один из самых высоких в Европе. Тревожная тенденция – в Чехии увеличивается вероятность распада прежде всего длительных браков продолжительностью свыше 15 лет. В начале 1990-х годов они составляли около четверти всех разводов, а в 2007 г. – уже 43%¹.

«Если второй демографический переход является неизбежным результатом расширяющейся свободы индивида, то ни одно демократическое общество не может «уберечься» от него. В том числе и чешское», – констатировал социолог из г. Брно². Случившиеся в условиях не только политических перемен, но и глубоких социально-экономических трансформаций структурные сдвиги в демографическом режиме имели революционный характер. Они действительно формально приближали Чешскую Республику к показателям западноевропейских «старых демократий» и их типу воспроизводства населения, прежде всего по брачному поведению, но их социальный контекст и последствия, в частности, для динамики уровня рождаемости были иными³. Откладывание обзаведения потомством на более старший возраст и увеличение числа внебрачных рождений вели – в отличие от стран Запада – к падению рождаемости.

После крушения коммунизма власть перестала влиять на демографические процессы, переместившиеся на дальнюю периферию ее

¹ Demografická situace České republiky, s.152.

² Rabušic L. Kde ty všechny děti jsou? Porodnost v sociologické perspektivě. Praha, 2001, s. 204.

³ Demografická situace České republiky, s. 63.

интересов. Лишь убыль чешского населения и демографический кризис привели к созданию в стране в 2005 г. по образцу западноевропейских государств «Концепции семейной политики», в преамбуле которой констатировалось происходящее после 1989 г. ослабление социальных функций чешской семьи, угрожающее самому существованию чешского общества. Но и в этом документе не были определены цели политики в области преодоления семейной дезинтеграции и повышения рождаемости, которая в Чехии так и не перешла в категорию приоритетных в отличие от других европейских стран с уровнем рождаемости ниже 1,5 ребенка на одну женщину.

В то же время в семейной политике неоллиберальной власти произошло усиление начавшего проявляться еще с 1960-х годов гендерно-консервативного дискурса, когда в Чехии вновь стало пропагандироваться «естественное» возвращение матерей в домохозяйство. В совершенно изменившихся условиях оно актуализировалось с появлением напряжения и дискриминации женщин на рынке труда, тем более финансового кризиса, когда государственная поддержка семей с детьми утратила универсальный характер, и был взят курс на предоставление социальной помощи преимущественно одиноким матерям – наиболее малообеспеченной группе населения. Как и в других посткоммунистических странах, ответственность за условия жизни семей с детьми была перенесена с государства на самих родителей («приватизация заботы о детях»), т.е. наблюдался процесс теперь уже рефамилизации общества при одновременном падении социального престижа семьи. В рамках этой политики с 1995 г., когда в республике ожидался значительный рост безработицы, оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком для неработающих матерей продлили до четырех лет (рабочее место по-прежнему сохранялось до трех лет), с 2007 г. удвоили родительское пособие, достигшее 40% средней заработной платы в общественном секторе. Это представлялось власти менее финансово затратным по сравнению с содержанием постоянно сокращающейся сети государственных дошкольных учреждений (ясли практически перестали существовать, хотя потребность в них сейчас явно превышает предложение) как «реликта коммунизма». Чехия стала в ЕС, уходящем в настоящее время от модели семьи с отцом-кормильцем, одной из стран с наиболее продолжительным отпуском по уходу за ребенком. Занятость матерей детей до 3-х лет в Чехии составляет всего 30% (во Франции – 70%), даже в Словакии больше проявляется ориентация на активную социальную

политику, способствующую возвращению матерей малолетних детей на рынок труда. Материнство в Чешской Республике оказывает наиболее негативное влияние среди стран ЕС на положение и доходы женщин, уже половина которых после отпуска по уходу за ребенком не возвращается на прежнюю работу и составляет одну из самых подверженных риску безработицы групп населения.

Однако поворот к «традиционным» гендерным отношениям в Чехии, где уже свыше трех поколений женщин обладают опытом экономической активности, не состоялся. Женщины и поныне составляют не менее 43% всех занятых в стране, хотя регистрируется появление преимущественно малообразованных контингентов женщин, ориентирующихся как на равноценный оплачиваемому труду вариант превращения в домохозяйку¹. В первое десятилетие 2000-х годов изменилась последовательность приоритетов популяционной политики для чешского общества. Возросла поддержка позиций, связанных с возможностями активно учиться и совмещать труд с семейными обязанностями, в том числе снижения налогов для семей с несовершеннолетними детьми, свободного рабочего графика и увеличения количества детских садов. Наоборот, спад проявился в вопросах увеличения родительских пособий и продления оплачиваемого декретного отпуска².

Итоги общественной трансформации, когда условия сочетания труда и семьи ухудшились, таковы, что гендерные неравенства, как и конфликт между материнской и производственной ролью женщины лишь усилились. В результате женская занятость существенно не снизилась, но резко упала рождаемость. Поставленные перед выбором – работа или семья, чешские женщины стали отдавать приоритет оплачиваемой производственной деятельности и покидали скорее репродуктивный рынок, чем трудовой³. Особенно это касается высокообразованных матерей. Их положение, полагают специалисты, может ухудшиться настолько, что они, как это произошло в Западной Германии, в массовом порядке – по некоторым оценкам каждая третья – будут выбирать пожизненную бездетность⁴. Обратной стороной этого процесса является феминизация бедности за

¹ Women and social citizenship in Czech society, p. 121.

² Коровицына Н. Чешский человек в первом десятилетии 2000-х годов. М., 2011, с. 158.

³ Gender, politics and institutions. Towards a feminist institutionalism. N.Y., 2010, p. 116.

⁴ Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha, 2010, s. 406.

счет непрекращающегося увеличения доли низкоквалифицированных матерей-одиночек.

Ориентиром для стабилизации популяционного климата, в целом направления развития Чехии и других стран региона в последнее время все чаще выступают протестанские скандинавские страны социал-демократического типа, которые с рубежа 1980–1990-х годов лидируют в Европе по уровню рождаемости. На одну женщину там приходится детей больше, чем на востоке или юге Европы. Для этой группы стран характерна социальная политика в пользу сочетания труда и семьи, высокая женская занятость, в том числе молодых матерей, поддержка равноправных ролей эгалитарного мужчины и женщины в семье и высокая степень доступности яслей и детских садов. Но это страны иного цивилизационного, социокультурного типа – авангард второго демографического перехода Запада с его приоритетом индивидуалистических, релятивистских ценностей эпохи постмодерна. В них гораздо шире распространенность новых, «нетрадиционных» форм совместной жизни партнеров: вне брака в этих странах рождается каждый второй ребенок. В Швеции и Нидерландах 90% людей воспринимают внебрачные союзы как равноправную альтернативу брака, который уже не рассматривается здесь как основа семьи¹. Главным фактором вхождения во взрослую жизнь в скандинавских странах считается отделение от родительской семьи (в среднем около 20 лет, а в Швеции – раньше 19 лет и для мужчин, и для женщин), как в западноевропейских – начало полноценной трудовой деятельности. Чехия до 1989 г. принадлежала к числу традиционных обществ Центральной и Восточной Европы, где взрослая жизнь ассоциировалась с появлением потомства, и сохраняется довольно высокий возраст ухода из родительской семьи (25 лет для женщин и 27 лет для мужчин)².

В течение двух десятилетий после политических перемен 1989 г. различия между странами Запада и Востока Европы в возрасте вступления в брак и рождения детей, а также по доле хозяйств одиноких людей (в Чехии они составляют сейчас около 30%, тогда как в Дании – 49%, Швеции – 46%) стирались. Несмотря на выраженный догоняющий эффект, например, католические Польша и Словакия с более консервативными семейными tradi-

¹ Chaloupková J., Šalamounová P. Postoje k manželství, rodičovství a k rolím v rodině v České republice a v Evropě. Praha, 2004, s. 27.

² Proměny rodinných a profesních startů, s. 151–152.

циями возможно никогда не сравниваются с демографическими параметрами Западной Европы¹. Среди словаков сейчас всего 30% мужчин в возрасте 20–34 лет живет независимо от родителей (в целом по региону – менее половины), не больше 4% – в незарегистрированном союзе, но выше всего доля мужчин, проживающих в семьях со своими детьми – три четверти (в Германии – чуть больше половины). Образ жизни в Польше и Словакии меняется медленнее, чем в Чехии и Венгрии, и в некоторых отношениях в первом случае западные модели отрицаются большинством людей или приобретают совершенно иное содержание. Деление на западную и восточную демографические системы поныне сохраняется, что, безусловно, связано с различными прошлыми практиками и ценностями.

Чешская Республика, переживающая на общерегиональном фоне конвергенцию с Западом, в настоящее время занимает промежуточное положение между западноевропейскими и традиционными восточно-европейскими семейными образцами. Новый этап ее демографического «дрейфа» в западном направлении, начавшийся после смены политического режима, не завершен. Согласно результатам опросов общественного мнения, в вопросах супружества и брака у чехов уже начинают преобладать либеральные взгляды, тогда как в вопросах родительства – остаются преимущественно консервативные. На рубеже XX–XXI веков молодое поколение копировало в своем демографическом поведении процессы, стартовавшие в Западной Европе в 1960–1970-е годы, т.е. на одно поколение раньше. Взгляды чешской молодежи (особенно невоцерковленной) существенно отличаются от старшего поколения, выросшего в условиях просемейного общественного климата периода социализма. Так, молодые люди считают идеальным возрастом новобрачных и матерей первого ребенка 30 и более лет. Это идеал, а не планы и тем более не их реализация.

В генерации чехов, рожденных в 1970-е годы и вступивших в общественную жизнь в переломные 1990-е годы, произошла дестандартизация жизненных путей, в том числе семейных, гетерогенность которых, однако, сдвинута во времени на возраст старше 25 лет. Напротив, в возрасте около 20 лет парадоксально проявляется противоположная тенденция снижения разнообразия семейной организации, даже по сравнению с ситуацией до начала 1990-х годов, когда доминирующей стратегией для всех 18–35-лет-

¹Individuals and households in the Czech Republic and CEE countries. Prague, 2010, p. 27.

них был классический семейный путь – вступление в брак и рождение потомства. У этой возрастной категории ниже вероятность вступления в партнерские отношения независимо от их формального статуса, что противоречит представлению, будто сокращение количества вступающих в брак в конце XX в. полностью компенсировалось распространением незарегистрированных союзов¹. В перспективе чешские специалисты прогнозируют дальнейшее ослабление распространенности классического семейного пути при росте частоты партнерского бездетного пути, одиночества, когда семейный старт откладывается, незарегистрированного союза при наличии детей и семейного пути, когда рождение ребенка предшествует браку.

Долгое время в Чехии считалось, а в начале XXI в. в период вступления в Евросоюз широко пропагандировалось, что нетрадиционные формы семейного поведения получают распространение в результате вестернизации общества прежде всего среди прогрессивных либеральных и высокообразованных слоев населения – современных, богатых и успешных, которые считают институт брака устаревшим пережитком, пригодным лишь для отсталых групп общества. Результаты проведенных в стране в последние годы социологических исследований показали, что это совсем не так.

В нынешней Чехии длительный незарегистрированный союз не особенно распространен как тип партнерской связи, поскольку подобная форма отношений обычно завершается либо браком, либо распадом союза. Широкую, хотя и не возрастающую после 1994 г., поддержку находят в республике главным образом предбрачные незарегистрированные союзы, ставшие в период либеральной трансформации прежде всего среди молодежи общепринятым явлением. Постоянно снижаются поддержка чешским обществом тезиса о важности брака для воспитания детей и процент людей, считающих, что брак должен быть заключен до рождения детей². Но неизменно три пятых чехов одобряют заключение брака между людьми, собирающимися завести детей³. Вступление в брак и создание семьи остаются составной частью жизненных намерений большинства чешской молодежи, хотя в своих репродуктивных планах

¹Proměny rodinných a profesních startů, s. 101.

²Коровицына Н. Указ. соч., s. 161.

³Děti na psí knížku? Mimomanželská plodnost v ČR. Praha, 2007, s. 47.

она придает теперь уже большее по сравнению и с западными сверстниками, и с предшествующим поколением значение материальным факторам, таким как достижение экономической самостоятельности или обеспечение жильем¹. Когда не стало гарантировавшихся предшествующим режимом социальных и материальных преимуществ раннего вступления в брак и рождения детей, решение финансового и квартирного вопросов, наоборот, стало необходимым условием основания семьи. В целом брак в Чешской Республике продолжает восприниматься как условие продолжения рода, однако в этом вопросе действительно произошло сокращение общественной поддержки одновременно с ростом внебрачной рождаемости. Вместе с тем, когда людей спрашивали, как они сами хотели бы жить, 80% предпочитало законный брак, причем две трети их – без предварительного сожительства (прежде всего верующие). Возможность жить без регистрации брака как идеальную форму партнерских отношений выбрало лишь 7% опрошенных, столько же предпочло отношения без совместного проживания. Толерантные чехи, декларируемые взгляды и реальное поведение которых в последнее время явно расходятся, действуют по принципу: «передовые взгляды – традиционное поведение»².

Подобное противоречие особенно характерно для высокообразованных слоев чешского общества, которые со второй половины 1990-х годов все чаще вербально соглашаются с нетрадиционными отношениями, но лично для себя предпочитают их наиболее консервативные формы – так называемый прямой брак без испытательного срока³. В молодости они более склонны откладывать брак и основание семьи, чтобы укрепить свои позиции на рынке труда, но после достижения 30-летнего возраста вероятность их пребывания в незарегистрированном союзе не больше, чем у людей со средним образованием. Причем только 3% высокообразованных считают идеальным одного ребенка в семье, а три четверти предпочитают семью с двумя детьми, тогда как на однодетную семью чаще всего ориентируются люди с неполным (восьмилетним) средним образованием⁴. Последние в большинстве своем

¹ Гашкова Г. Указ. соч., с. 28.

² Současná česká společnost, s. 132.

³ Děti na psí knížku? s. 35.

⁴ Коровицына Н. Указ. соч., с. 164.

считают законный брак идеальной формой партнерского союза, но на практике чаще всего остаются незамужними и одиночками¹.

Брак еще сохраняет свою высокую ценность для чехов как лучшая, хотя уже не единственная, форма партнерских отношений, нередко к тому же откладываемая на время после рождения ребенка. Широко распространено мнение, что наблюдать, как растут дети, – самая большая жизненная радость. Если в системе ценностей чешской молодежи (до 29 лет) первые места занимают образование и работа, не в последнюю очередь как условия основания семьи, то у людей старше 45 лет дети возглавляют иерархию ценностей. Следует заметить, убеждение, что ребенок очень важен для смысла жизни, характерно также для Болгарии, Польши, бывшей ГДР, но его нет в Австрии, Бельгии, Швеции, а особенно в Нидерландах². Причем по сравнению с началом 1990-х годов в Чехии даже больше людей (свыше половины) теперь уверено, что бездетные ведут праздный образ жизни. Хотя за этот период на треть выросла доля считающих, что один родитель может воспитать ребенка с таким же успехом, что и два (так думает 4 из 10 опрошенных), но на столько же увеличилось число сторонников мнения, что желающие завести детей должны вступить в брак – почти до 60% (брак является условием появления потомства для менее трети жителей Швеции или Нидерландов)³. Неизменно, несмотря на высокую толерантность чешского общества к разводам, около 40% его представителей, как и в других бывших соц-странах, считает семейных людей более счастливыми (в странах ЕС так думает меньше четверти). Почти каждый пятый чех (но каждый десятый поляк и двое из ста в Нидерландах) придерживается мнения, что лучше плохой брак, чем никакого, и доля этих людей существенно возросла в годы общественных перемен⁴. В последнее десятилетие социологами регистрируется определенная контрреакция чешского общества на «либеральные 1990-е», противоположная процессам в западноевропейских странах⁵.

¹ Chaloupková J., Šalamounová P. Op. cit., s. 18.

² Rabušic L. Op. cit., s. 159.

³ Děti na psí knížku? s. 32.

⁴ Chaloupková J., Šalamounová P. Op. cit., s. 21.

⁵ Individuals and households in the Czech Republic and CEE countries, p. 190.

Сохранение преимущественно традиционных взглядов на семью и сильной идентификации с ней в странах бывшего восточного блока не противоречит росту здесь ориентации общества на гендерное равенство и универсализацию мужских и женских социальных ролей. В странах региона больше, чем в Западной Европе, приверженцев обоих работающих супругов, не в последнюю очередь как экономической необходимости и периода социализма, и тем более трансформационного периода. Можно говорить о восточноевропейском типе демографического перехода и трансформации семьи применительно и к периоду после 1989 г. Характерно, что во всех «новых» членах ЕС, в отличие от «старых», минимальное гендерное неравенство в доходах семейных пар. Доля женщин в этих доходах составляет больше 40% в Польше и Словакии (здесь лишь в 13% пар муж является единственным кормильцем), где отношение к семейной организации, как отмечалось выше, консервативное. В посткоммунистических странах с обязательной при прошлом режиме занятостью населения доля пар, в которых хотя бы один партнер вырос в традиционной семье с мужем-кормильцем и женой-домохозяйкой, многократно меньше по сравнению с западноевропейскими. Поэтому на Западе ныне более вероятна межпоколенческая трансмиссия подобной модели семьи. В восточноевропейских обществах неравенство в доходах внутри пар даже сократилось по сравнению с началом 1990-х годов. На этом фоне более интенсивно заимствующая западные демографические стандарты Чехия в период либеральной трансформации демонстрировала противоположную тенденцию роста неравенства в доходах семейных пар, в которых доля женщин ниже по сравнению с соседними по региону странами¹.

Как показывают результаты современных исследований чешских социологов, быстрые и кардинальные сдвиги в режиме демографического воспроизводства страны на рубеже XX–XXI вв. были вызваны не только сдвигами в ценностных ориентациях и образе жизни населения, но и возникли как результат значительного ухудшения экономического положения некоторых слоев общества – «проигравших» от смены общественного порядка. Об этом свидетельствует прежде всего сильная негативная зависимость внебрачной рождаемости от уровня образования населения страны.

Увеличение в период общественного перехода доли внебрачных детей в Чешской Республике с упомянутых менее 8% до трети, а в абсолютном

¹Ibid., p. 185.

выражении – утроение, характерное не для самых молодых контингентов, как раньше, а для широкой возрастной категории 18–35-летних, представляет собой сегодня наиболее острую проблему современной чешской семьи. Она сопоставима по значению с одновременным общим спадом рождаемости и уменьшением числа детей, рожденных замужними женщинами, почти на половину. Причем феномен внебрачной рождаемости со всеми его социальными последствиями в современной Чехии по-прежнему находится на подъеме, несмотря на то, что лишь для 12% незамужних матерей брак является пустой формальностью¹. Критикуя идеологизированные трактовки проблемы, специалисты не устают повторять: «Нет ничего более далекого от действительности, чем представление, что типичная незамужняя мать – успешная, образованная и эмансипированная»². В такой социальной категории подобное явление скорее представляет маргинальное явление или исключение, и ребенок в 90% случаев просто появляется в незарегистрированном союзе. Поэтому у высокообразованных матерей сейчас (в начале 1990-х годов так не было) выше вероятность последующего брака или брака в недалекой перспективе.

Вместе с тем действительно типичная незамужняя мать – это одинокая женщина молодого возраста с низшим уровнем образования из неблагополучных в социально-экономическом отношении, как правило переживших в 1990-е годы деиндустриализацию регионов северной и западной Чехии (лидирует среди них Мост). Речь идет о регионах страны с высоким уровнем безработицы, смертности, количества разводов, суицидальности, с низкими средней заработной платой и религиозностью населения, наконец, со значительной долей людей цыганской национальности. Напротив, Прага с повышенной долей высокообразованных контингентов и максимальными в республике душевыми доходами ее жителей, которая могла бы быть бастионом «современных» форм поведения и альтернативного мышления, отличается пониженной долей внебрачных рождений. Правда, до демографической революции конца XX в. здесь наблюдался относительно высокий их уровень, но теперь он аналогичен показателям сельских поселений с менее 2 тыс. жителей, где наиболее традиционный способ поведения³.

¹ Jaká je naše společnost? s. 377.

² Děti na psí knížku? s. 8.

³ Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989: sociální a ekonomické souvislosti. Praha, 2006, s. 23.

Уровень образования стал в нынешней Чешской Республике главным дифференцирующим признаком демографического поведения и в том числе внебрачной рождаемости. Причем неблагоприятные экономические условия способствуют росту социальных различий, и в «бедных» регионах у низкообразованных женщин вероятность стать одинокой матерью в 17 раз выше, чем у высокообразованных, тогда как в «богатых» – в 10 раз¹. В более религиозной среде социально-образовательные различия по этому показателю стираются. Высокообразованные женщины, несмотря на все чаще высказываемые ими в последнее время прогрессивные взгляды, оказались, таким образом, в стороне от процессов трансформации демографического режима, как и рисков экономического неблагополучия в период перемен, 80% их состоит в браке на момент рождения ребенка. Настоящим объектом новых веяний, как семейного одиночества, так и незарегистрированного союза, стали в Чехии женщины с неполным средним образованием, для которых смысл жизни, по их признанию, напротив, все больше сводится к семье. Однако 70% их детей и 80% первых детей (в 1990 г. – 27%) рождается вне брака и в большинстве случаев даже вне партнерского союза с отцом ребенка, причем доля последних растет опережающими темпами². Малообразованные женщины чаще других придерживаются мнения, что и один родитель может воспитать ребенка. Следует заметить, что резкий рост внебрачной рождаемости во всем регионе Центральной и Восточной Европы после 1989 г. характерен в основном для одиноких, малообеспеченных матерей, тогда как большинство внебрачных рождений в Западной Европе происходит в контексте стабильных партнерских отношений³.

Материнство становится не только вынужденным выбором людей с крайне ограниченными жизненными альтернативами, но и своего рода перспективой, источником идентичности и основой положения в посткоммунистическом обществе. Среди самих матерей-одиночек преобладает объяснение подобного выбора отсутствием подходящего партнера, от брака с которым женщины этой социальной категории обычно ждут исправления своего положения, прежде всего экономического. Однако в современной Чехии у низкообразованных женщин наиболее высоки

¹ Jaká je naše společnost? s. 391.

² Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989, s. 8.

³ Individuals and households in the Czech Republic and CEE countries, p. 31.

шансы встретиться с мужчинами аналогичного уровня образования, среди которых самая высокая в стране доля безработных, достигающая 25%. Они, согласно чешским опросным данным, меньше всего заинтересованы не только в браке, но даже в совместном проживании с матерью своих детей, практически не поддерживая с ними контактов. Не кто иной, как молодые низкоквалифицированные безработные мужчины, неспособные обеспечить семью, чаще всего в республике считают брак устаревшей институцией.

Еще более важно – для женщин из нижних слоев материнство является способом решения материальных проблем при существующей в стране системе государственной социальной поддержки. Если, например, в более «цивилизационно продвинутых» скандинавских странах незамужние матери, проживающие в незарегистрированных союзах, как и одинокие, получают материальную поддержку от государства, причем независимо от достатка их партнера, в Чехии социальная политика ориентирована только на одиноких матерей, причем их правовой статус строго контролируется государством. В этой ситуации четверть женщин признается, что родили ребенка вне брака, руководствуясь финансовыми соображениями¹. Раньше одинокие матери с детьми дошкольного возраста полагались прежде всего на свои собственные заработки, а социальные пособия были для них вторичным источником дохода. Теперь они все чаще оказываются среди безработных и маргинализированных слоев населения, предпочитают бездействовать, рассчитывая на помощь государства и родственников. Матери-одиночки меньше ориентированы на продолжение активной производственной деятельности, чем замужние матери, теряя интерес к малооплачиваемому, рутинному, нередко физически тяжелому труду и предпочитая ему часто не меньшее по величине пособие по безработице тем более, что доплаты на детей для неработающих выше. Таким образом, сознательно мотивируется длительная экономическая неактивность и отсутствие стимулов повышать квалификацию этой группы общества, фактически устранимой с рынка труда. Поскольку именно семьи безработных и одиноких наиболее подвержены материальной депривации, рожденные в них внебрачные дети воспроизводят бедность в следующем поколении. В итоге, именно социально-экономическое положение оказывается главным фактором продолжающегося нарастания внебрачной

¹ *Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989*, s. 377.

рождаемости. Существенно, что «ножницы» между различными образовательными группами и регионами Чехии, с точки зрения легитимности рождаемости, чем дальше, тем больше¹.

На протяжении периода с середины прошлого века одновременно со сменой политических режимов при движении «от капитализма к социализму и обратно» дважды качественно менялись модель семьи и нормы жизни чешского населения. Вторая трансформация рубежа XX–XXI вв. особенно отразилась на судьбах достаточно многочисленных обедневших и опустившихся на социальное «дно» групп населения. В их среде происходит распад семейной организации и утрата традиционных жизненных ориентиров. Капитализм оказался для чешской семьи более «твердым орешком» по сравнению с социализмом и его политикой консервативной модернизации². В последние два десятилетия в Чехии произошла дифференциация не только формального статуса семей в различных слоях общества, но и возникло деление на образованные и обеспеченные полные семьи и неблагополучные домохозяйства одиноких матерей из низших слоев. Тем самым значительно углубились социальные и культурные неравенства в среде нынешнего и следующего поколений чешского общества.

На фоне подлинно революционных перемен в жизни восточноевропейской семьи в условиях глубоких экономических и культурных трансформаций с конца 1990-х годов в чешской науке идет дискуссия о соотношении структурных и ценностных факторов детрадиционализации семейной сферы. А именно – произошедшие после 1989 г. социодемографические сдвиги явились лишь отложенным на одно поколение повторением западного пути развития к обществу постмодерна через так называемую «тихую» ценностную революцию по Р. Инглхарту или были специфическим восточноевропейским феноменом периода общественной трансформации? И в чем в таком случае заключается основной смысл посткоммунистической динамики – в приближении к европейским стандартам или кризисном развитии в странах бывшего восточноевропейского блока? Демографическая проблематика оказывается, таким образом, тесно сопряженной с политической, особенно в вопросах поиска выхода из сложившейся ситуации.

Одно из двух главных объяснений произошедших с чешской семьей перемен заключается в эффектах ускоренного второго демографического

¹Ibid., s. 11.

²*Možný I.* Op. cit., s. 30.

перехода, который сопровождался ростом индивидуализма и потребности в самореализации в среде молодого поколения, т.е. в воздействии культурных факторов. В рамках этой парадигмы обосновываются преимущественно позитивные аспекты общественного развития после падения «железного занавеса», выражающиеся в значительном расширении спектра жизненных возможностей (образования, карьеры, путешествий, выбора товаров и услуг) как универсальной тенденции, закономерности перехода на более высокий – постсовременный – цивилизационный уровень, соответствующий западным образцам и достигаемый в результате евроинтеграции. Смена режима демографического воспроизводства рассматривается как свидетельство успешности геополитического «дрейфа» Чешской Республики в западном направлении.

Существует альтернативное представление о приоритете «внутренних» – ценностных – факторов объяснение демографических сдвигов и трансформации семьи. В этом случае отдается приоритет «внешним» социально-экономическим условиям жизни людей после 1989 г. Акцентируются скорее негативные аспекты перемен, выражающиеся в появлении новых барьеров при создании семьи и обзаведении потомством в условиях кризисного развития (похожие процессы впервые наблюдались в стране в 1930-е годы), сопровождающегося демографическим шоком. В данном случае речь идет не столько о сходстве общеевропейских тенденций развития, сколько о различиях в темпах, последовательности и масштабах динамики демографического поведения западной и восточной частей Европы. Новые ценности, нормы и взгляды на Западе формировались в период экономического роста и социальной стабильности 1970–1980-х годов, тогда как в посткоммунистических странах – в гораздо менее благоприятном постреволюционном контексте. В этот период произошли ощутимое ухудшение экономических показателей стран и домохозяйств, рост материальной дифференциации и неравенства в доходах, появилась безработица, люди стали бояться оказаться в категории бедных, наконец, совершился отказ от политики «сплошной» поддержки семьи и рождения детей в годы позднего социализма. Система социальных пособий неолиберальной власти, ориентированная на материальную поддержку преимущественно нижних (малоквалифицированных и малооплачиваемых) слоев населения, как отмечалось, латентно способствовала росту внебрачной рождаемости в этой среде.

Ориентация на семью и рождение детей по-прежнему глубоко укоренена в сознании чешской молодежи, но ее репродуктивные планы пришли

в противоречие с катастрофически ухудшившимися у некоторых групп общества¹ материальными возможностями их реализации, что и привело к глубоким структурным сдвигам в семейном поведении населения². В конечном счете, эти сдвиги предопределило то, что называют «эффектом периода», подразумевая под ним и переход к рыночному и открытому обществу после 1989 г., и возникшие в связи с этим экономические проблемы значительной части населения³.

3.4. Ценности в изменяющемся мире

В обществах восточноевропейского типа после 1989 г. произошли важные перемены в ценностной системе населения, базовых мировоззренческих представлениях и взглядах, соответствующих новым культурным, идеологическим ориентациям и социальному климату. Десятки исследований, посвященных этим проблемам, проведенных в Чехии на рубеже XX–XXI вв., позволяют представить реальные направления долговременного развития общества, динамику его сознания, характерного для перехода от социализма к капитализму. Трансформация общества завершается с ресоциализацией населения – принятием вестернизированных ценностных структур.

Предшествующие сдвиги периода социализма 1970–1980-х годов демонстрировали длительную стабильность важнейших ценностей – здоровье, семья, мир, друзья; по другим источникам наиболее предпочтительными являлись спокойная семейная жизнь, конформизм и бесконфликтность⁴. Главная роль в эти два десятилетия придавалась безопасной жизни в кругу самых близких людей. Более того, происходил рост значения «спокойной жизни без напряжений» и «занятий по интересам». Замыкали иерархию ценностей в течение всего этого периода активность, связанная с общественной деятельностью и инновативность, стремление к переменам.

¹ Rychtaříková J. Současné změny charakteru reprodukce v České republice a mezinárodní situace. – Demografie. 1996. № 2., s. 79.

² Hašková H. Fenomén bezdětnosti. Praha, 2009, s. 37.

³ Proměny partnerství. Životní dráhy a partnerství v české společnosti. Praha, 2012, s. 119.

⁴ Inventura hodnot. Výsledky sociologických výzkumů ve společnosti České republiky. Praha, 2009, s. 281.

Согласно первому наиболее репрезентативному исследованию 1984 г., во главе системы ценностей оставались семья и близкие, труд, а особенно покой и безопасность. К числу же наименее предпочтительных относились ценности самостоятельности в трудовой деятельности (предпринимательства, руководящих позиций), религиозности, общественного влияния и участия. До 1989 г. в чешском обществе был глубоко укоренен тип личности, замкнутой по отношению к внешнему миру, полагающейся на себя, скромной, необщественной, склонной к минимизации конфликтов и рисков. Если первые места в иерархии ценностей занимали семья и социальный конформизм, то последние – нонконформизм и самореализация¹.

Культурная динамика 1984–1990 годов показала ощутимое снижение значения ценностей, связанных с семьей². В эти переломные для системных сдвигов либерального типа годы снизилась ценность скромной и экономной жизни, связанной только с семьей и детьми, но и активностью в сфере общественного развития. Наибольший рост произошел в ориентации на предпринимательство, заработка, жизнь для себя и по собственным понятиям, независимо от общества. Особенно возросло значение ценностей индивидуалистических, самовыражения, успеха и богатства, а также достижения высокого профессионального и образовательного уровней.

В начале перемен согласно исследованию 1993 г., как и прежде, на первых местах оказались ценности стабильности и определенности, особенно в сфере труда, тогда как связанные с активностью и инициативой замыкали список. Но возросла ориентация на гедонизм и качество жизни, профессиональную самореализацию и предпринимательство.

В последующем аналогичные опросы проводились в 1995 г. («Стратегия и акторы социальной трансформации и модернизации»), 1999 г. («10 лет общественной трансформации»), неоднократно в 2000–2010-е годы. Все они показали, что наиболее однозначно люди, особенно в период политического кризиса 1999 г. «как можно дальше держались от политики». Во всех случаях, несмотря на переживаемые обществом трансформационные процессы, главенствовали ценности стабильности над изменениями, семьи над трудом или развлечением, незанятости в общественных делах. Последняя на рубеже столетий несколько усилилась, а значение семьи по

¹ *Slejška D. Vývojové procesy lidských hodnot. Praha, 1990, s. 71–72.*

² *Inventura hodnot, s 179.*

сравнению с трудом сначала ослабло, чтобы в начале нового века вновь возрасти. В условиях появления рынка труда чехи стали более охотно менять место жительства и сферу трудовой деятельности.

В целом же отличительной чертой динамики ценностных структур чешского общества в период с 1970-х годов до наших дней является значительная стабильность. Во главе их иерархии, как и при социализме, находятся ценности, связанные с семьей, спокойной и безопасной жизнью. Напротив, несмотря на некоторые подвижки, инициатива, знание, самовыражение и общественное участие постоянно оказываются в нижних частях этой иерархии. Чешское общество в последнюю четверть века не отличалось особой ценностной дифференциацией по социально-демографическим показателям, хотя ее уровень с 1970-х годов, а особенно после 1989 г., возрос¹. Возраст выступает в качестве главного дифференцирующего ценности фактора. Интересно, если в 1980-е годы люди с высоким доходом больше ценили семью, ныне ситуация прямо противоположная. Снижается влияние различий в образовании на культурную дифференциацию.

Исследования Центра изучения общественного мнения (ЦИОМ) в 1990–2014 гг. продемонстрировали относительное постоянство первых девяти ценностей в их иерархии, связанных с семейной жизнью: ценность семьи по сравнению с другими европейскими странами в течение всего рассматриваемого периода оставалась на очень высоком уровне². Также стабильны были последние две ценности в их списке – проведение политики партии и жизнь в соответствии с религиозными принципами. В то же время произошли некоторые структурные сдвиги, одним из важнейших было снижение значения труда в формирующемся потребительском обществе и увеличение его веса как источника высоких заработков, а также сокращение участия в развитии демократии в обществе. Вместе с тем возросло значение следующих ценностей: иметь какую-нибудь работу, друзей, которые могут быть полезны, приятно проводить время, иметь время на собственные интересы, жить интересной, увлекательной жизнью, обладать красивыми редкими вещами³. Основная часть перечисленных сдвигов датируется 1999–2004 годами – временем создания фундамента

¹ Values, stratification, transformation. Plzeň, 2012, s. 192.

² Česká republika – trendy, ohrožení, příležitosti. Praha, 2009, s. 209.

³ Tuček M. Jaké hodnoty jsou pro nás důležité – červen 2014? – Tisková zpráva. Centrum pro výzkum veřejného mínění. 17 července 2014.

современного чешского общества как капиталистического, вестернизированного в восточноевропейской версии.

Последнее исследование ЦИОМ 2014 г. по сравнению с предшествующим кризисным 2011 г. показало рост ценности жизни в здоровой окружающей среде и резкое снижение значения собственного убеждения. Благоустроенное жилище чехи ставят на 5 из 34 мест. В нижней части иерархии ценностей «маленького чешского человека», по выражению чешского исследователя Л. Голы, оказались не соответствующие западному типу культуры ценности: владение собственной фирмой, хорошая информированность о событиях в стране и мире, участие в развитии демократии в обществе, достижение значительного социального положения, руководящие позиции. Вес этих ценностей в предшествующие три года продолжал понижаться. Замыкали иерархию, как обычно, религия и политика.

В настоящее время в иерархии ценностей чешского населения семья остается на самом верху: она не важна только для 3% жителей страны, а для четырех пятых очень важна. Хотя семья по-прежнему лидирует, ее значение за период общественной трансформации сократилось. На втором месте теперь ценности ближайшего социального окружения (друзья и знакомые). Затем следует свободное время (предпочтения, связанные с гедонизмом и внутрудовыми ориентациями, развлечениями) – современное общество стремится отдыхать, а не учиться или работать. Только на четвертом месте располагается труд даже несмотря на появление и рост безработицы, а также усиление значения труда для расширения возможностей проведения свободного времени. С большим отрывом от всех основных ценностей следуют политика (второе после труда снижение значения) и религия, которые неважны для 80% населения. Прогнозируется, что в будущем ценности семьи и труда останутся по-прежнему высокими, но они будут и далее вытесняться ценностями свободного времени, а также наличием друзей. Основой чешского общества является не гражданское сотрудничество, а частные связи – родственные, дружеско-соседские, трудовые¹. Ценность наличия друзей и свободного времени будет расти и за счет долгосрочно низкого и понижающегося значения политики и религии².

¹Češi na cestě za svoji budoucnost. Budoucnost a modernizace v postojích a očekáváníích obyvatelstva. Praha, 2003, s. 76.

²Ibid., s. 146.

Параллельно сдвигам в системе ценностей в период либеральной трансформации произошла серия изменений в жизненных ориентациях чешского населения. Наибольший долгосрочный рост с начала 1990-х годов зарегистрирован в сфере доминирующих гедонистических ориентаций: стремление к «красивой жизни» в противовес скромности и альтруизму захватило более 90% населения. Гедонизм является основой нарастающей потребительской ориентации, за ней скрывается ценность «богатства». Наиболее ощутимый рост значения свободного времени (соответствующий приближению к показателям северо-западной Европы и удалению от вышеградской четверки, включающей помимо Чехии Словакию, Польшу и Венгрию) и роли друзей и знакомых также тесно связан с распространением гедонизма, с одной стороны, и снижением трудовой ориентации и ценности скромности как очень широко представленной в период социализма ценности – с другой. Гедонизм, неотделимый от индивидуализма, характерного для 75% населения, – две главных ориентации в современной Чешской Республике.

Несмотря на процессы перехода от социализма к капитализму возросли уравнивательные ориентации у более 70% населения, утверждающего, что различия в доходах должны быть уменьшены. За последние годы усилилось значение и ксенофобных ориентаций чешского общества. Это общество явно отрицающее иностранное: свыше половины населения соглашается, что «иностранцам в нашей стране должна быть запрещена всякая политическая деятельность». Усилился также конформизм. Напротив, снизилась важность либеральной ориентации: предпочитали свободу благосостоянию и безопасности теперь около 60% опрошенных, что на 10% меньше, чем в середине 1990-х годов¹. В чешском обществе существует особая форма либерализма, основанная на индивидуализме, свободе и замкнутости по отношению к внешним обстоятельствам, всему чужому и отличному. В меньшей степени по сравнению с либералами уменьшилось число сторонников этатистских воззрений: по мнению половины опрошенных «проблемы граждан должно решать прежде всего государство, а не сами граждане». Стремление взять судьбу в собственные руки сейчас не популярный лозунг в ЧР: доверие человека самому себе находится на крайне низком уровне. Очевидно, в частности, за счет роста нигилизма и фатализма снижалось и значение итак слабо распространенных в чешском

¹Inventura hodnot, s. 244.

обществе – одном из наиболее секуляризованных в мире – религиозных, трансцендентальных и духовных ценностей, как и ценности политики – более ощутимо, чем в других европейских странах. Последнее представляет собой вторую наряду с нарастанием гедонизма тенденцию, особо ощутимую в современном чешском обществе.

Доля людей постматериалистически ориентированных составляла в Чехии около 10%¹, она чуть возросла в 1990-е годы в отличие от других (кроме Словении) обществ восточноевропейского типа, где шок от перехода к капитализму был более выраженным. Движение чешского общества к постматериализму теперь ставится под сомнение². На сравнительном европейском фоне отличие чешского общества особо ощущалось в сфере ценностей религиозных, а также семьи, свободного времени и политики. Кроме того, чешское общество менее открытое к переменам и универсалистское, более консервативное по сравнению с западноевропейским, хотя и превосходящее по этим показателям остальные восточноевропейские общества. Процесс трансформации в Чехии не привел к таким изменениям в условиях жизни людей, которые бы способствовали радикальным сдвигам в ценностных структурах. Чехов по-прежнему отличает сочетание высокого уровня конформизма и эгалитаризма, а также совокупности охранительных, этатистских и потребительских ориентаций. Явных сдвигов в этих группах ценностных ориентаций не наблюдается³. В целом неолиберальная эволюция ценностных структур чешского общества не ведет к укреплению тех ее компонентов, которые способствуют развитию открытого общества. Для чешского общества характерно явное отрицание религии, политика и общественное участие традиционно ранжируются здесь очень низко. Для чехов особенно типично противоречие между словом и делом, т.е. между вербальным выражением склонности к свободе, либерализму, необходимости каждому позаботиться о себе и фактической долгосрочной тенденцией к отрицанию всего чужого, к требованиям традиционализма, уравнительности и патернализма.

Ценностные сдвиги периода перехода от социализма к капитализму и вестернизации обусловлены по крайней мере тремя важнейшими взаимосвязанными революциями: потребительской, демографической и духовной.

¹ Česká republika – trendy, ohrožení, příležitosti, s. 204.

² Values, stratification, transformation, s. 447.

³ Tehdy a teď. Česká společnost po 20. letech. Plzeň, 2010, s. 43.

Концом 1990-х годов датируется появление в ЧР живущего сегодняшним днем “*homo oeconomicus*” потребительского общества, заменившего потреблением многие привычные виды деятельности. То, что произошло в начале первого десятилетия 2000-х годов, можно назвать реализацией поставленных целей, историческим системным изменением – капиталистической революцией, когда предприниматель стал ключевой фигурой общества¹. Этому предшествовало удвоение во второй половине 1990-х годов прежде всего за счет рабочего класса (сокращение его – главный тренд всего периода трансформации) численности нижнего класса по самооценке чешского населения. Вслед за этим в 1997–2007 годах удвоилось количество высокообразованных среди верхней части среднего класса. После 1997 г. в Чехии произошел и быстрый рост безработицы, и еще более стремительное увеличение численности длительное время безработных. Одновременно возникла проблема «работающих бедных». Лишь вторая половина 1990-х годов принесла «отрезвление» в представлении о «чешском экономическом чуде». Утверждалось представление о необходимой адаптации к социоэкономической модели западного мира и отказ от специфического «чешского пути»².

Финансовый фактор стал главным в мотивации трудовой деятельности, его упомянуло около 90% опрошенных, как и в соседних странах (в странах северо-западной Европы – 68%). На втором месте находится стремление улучшить семейный бюджет. Идеалом чеха является хорошо оплачиваемая работа в приятном трудовом коллективе со справедливым руководителем. По мнению чешского социолога П. Мареша стремление «иметь какую-нибудь работу, лишь бы быть занятым» получило широкое распространение в чешской среде. В 1991–1999 гг. произошло существенное уменьшение важности, придаваемой социальным и самореализационным аспектам труда в ЧР за счет увеличения экономических³. Особенно снизилась общественная значимость труда. Доля людей, соглашающихся с тезисом «работа – обязанность перед обществом» в Чехии ниже, чем в

¹ Večerník J. Czech society in the 2000s: a report on socio-economic policies and structures. Prague, 2009, s. 94.

² Socioekonomické hodnoty, politiky a instituce v období vstupu České republiky do Evropské unie. Praha, 2006, s. 154.

³ Mareš P. The Czechs: jobs and work. – Sociologický časopis. Czech sociological review, 2001, v. 9, № 16, s. 77.

странах Западной Европе и вышеградских¹. В последующем, несмотря на восстановление экономики, эта тенденция сохранилась: в 1997 г. 41% респондентов на рынке труда заявляли, что трудятся только для получения заработка, а в 2006 – уже 56%.

Изменение в положении труда в иерархии ценностей связано со снижением его значения как источника социальных контактов и пространства самореализации, усилением его функции источника существования и создания условий деятельности в свободное время². Ощутимый дисбаланс между трудом и свободным временем усилился между 1997 и 2005 гг.: падение интереса к труду было разительным. В те же годы сократилась удовлетворенность трудом (в ЧР она ниже, чем в западноевропейских странах), особенно среди профессионалов. Кроме того, ровно треть чехов считает, что, если ставить цель заработать деньги, не всегда можно быть честным. Еще четверть века назад в чешском обществе был распространен принцип: «кто не крадет, тот обворовывает свою семью». Теперь наименее честны в экономической сфере молодые мужчины с высшим образованием, предприниматели, живущие в Праге, т.е. самые преуспевающие слои общества. Чехи не верят в рынок. Недоверие в экономические институты тесно связано с недоверием в политические институты и функционирование демократии в стране³.

В довольно короткий период произошли резкие общественные перемены, когда ценность прибыльной работы и комфортабельной жизни возросла за счет зеркального падения ценности интересной работы (количество работавших лишь столько, сколько требовалось, в 1997–2005 гг. удвоилось⁴), а также общего образования (образование ныне не воспринимается как приоритет ни чешской политической элитой, ни обществом⁵), деятельности по месту жительства и поддержки демократии. Расцвет массового потребления проявился в возникновении многочисленных супермаркетов и гипермаркетов в городах с более 50 тыс. жителей (хотя четыре пятых населения высказывались против их строительства), интенсивной индивидуальной покупательской активности, достигавшей рекордных

¹České hodnotové proměny 1991–2008 (European value study). Brno, 2010, s. 128.

²Kultura v krajích České republiky. Praha, 2012, s. 213.

³Hodnoty, postoje, chování. Praha, 2013, s. 94.

⁴Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha, 2010, s. 112.

⁵Socioekonomické hodnoty... s. 103.

уровней во время летних отпусков и рождественских сезонов – вплоть до конца 2008 г. Лишь после 1990 г. восточноевропейский регион по-настоящему превратился в потребительское общество и общество свободного времени. Заговорили и о потребительской революции в странах региона. В результате изменился весь социокультурный ландшафт посткоммунистических стран. Население Чехии и соседних стран с большим энтузиазмом погрузилось в потребительское общество, отличительными чертами которого стали индивидуализация (например, молодежь стала откладывать брак и основание семьи или отказываться от них), деморализация и материализация¹. Лозунг новой морали – «каждый сам за себя» – противоречит преимущественно коллективистским, уравнилельным, этатистским, консервативным основам чешской культуры. Чешское население стало одним из наиболее ярких примеров, подтверждающих и другой лозунг общества потребления – «я то, что я покупаю», ставший предпосылкой превращения консюмеризма в новую народную «религию», замещающую традиционные религиозные формы.

На динамику ценностей огромное влияние оказала демографическая революция или второй демографический переход, изменивший отношение людей к семье, когда брак в соответствии с христианским учением его социальной этикой перестал считаться необходимым шагом, предшествующим совместной жизни супругов и в большинстве случаев сопровождался только появлением у них детей. Во второй половине XX в. в западном мире происходят исторически беспрецедентные перемены в жизни семьи. Спустя два десятилетия, начиная с середины 1960-х годов, поколение родителей и их дети представляли два разных мира². Чешское и в целом восточноевропейское общество невидимые сдвиги в поведении людей охватили в самом конце прошедшего столетия как результат и центральное событие либеральной трансформации. Демократическая революция предшествовала демографической, поразительной по скорости и глубине, но не особенно благоприятной для судеб общества. Начавшиеся с «бархатной» революции процессы оказали значительное влияние не столько на индивидов, сколько на семьи. Однако чешская семья не прошла те же стадии развития, что западная, их структура и динамика перемен различны.

¹ Večerník J. Op. cit., s. 230.

² Rychtaříková J. Děti narozené v manželství a mimo manželství: dvě různě populace. – Demografie, 2013, v. 55, № 1, s. 5.

Восточноевропейское общество «опережало» западное в отношении к семье и браку только в сфере более высокого участия женщин-матерей на рынке труда. Движение за женскую эмансипацию было связано в социалистический период с переходом к полной занятости населения. В остальных отношениях восточноевропейская семья, особенно чешская, была «законсервирована», ее традиционные формы получили широкое распространение в 1970–1980-е годы. Тем быстрее произошли здесь сдвиги в количестве вступавших в брак и рождаемости в конце XX в., вернувшись в младшем поколении чехов к западноевропейской модели семьи, существовавшей в стране в досоциалистический период. Число браков в 1990–2003 гг. сократилось на половину и достигло низшего со времени окончания Первой мировой войны уровня. Важной предпосылкой послужил распад связи жизненной удовлетворенности с супружеской жизнью. Вместе с тем поразительно низка степень толерантности чешского населения к незарегистрированным бракам (около 60%), мало отличающаяся от этого показателя в католических Польше и Ирландии. Время, которое чешская женщина проводит дома с ребенком, превышает по продолжительности все страны Европы, является мировой редкостью¹. Кроме того, во всех посткоммунистических обществах (кроме восточногерманского) существует намного более высокая по сравнению с западными поддержка традиционного распределения гендерных ролей в семье, в Чехии достигающая более 40%, в том числе в молодом поколении. Это говорит о том, что чехи как представители малого народа, заботясь о самосохранении в изменчивом мире, остаются очень консервативными в демографическом отношении, несмотря на длительную высокую профессиональную занятость женщин. Отличие чешского общества от западного тем более велико, что в ЧР в отличие от стран Запада практически отсутствует частичная трудовая занятость женщин с неполным рабочим днем.

Ухудшение экономического положения нижних слоев общества привело к падению рождаемости намного ниже уровня воспроизводства населения. Свободное материнство становится важной стратегией улучшения материального положения малообеспеченных и малообразованных слоев. Это к тому же наиболее либерально ориентированная группа чешского общества, без развитого критического мышления, всерьез восприни-

¹ Kde to ladí, a kde skřípe: slad'ování práce a péče v mezinárodní perspektive. Praha, 2012, s. 53.

мающая пропагандистскую риторику СМИ. Напротив, скептические настроенные по отношению к ней высокообразованные слои общества обладают наиболее консервативным отношением к семье и браку¹. Хотя второй демографический переход в ЧР считается фактически завершенным, взгляды людей на семью и брак меняются гораздо медленнее, чем реальное поведение, и это значительно отличает чешское общество от западноевропейского, особенно в области поддержки консервативной модели семьи и признания значения брака и детей для полноценной жизни человека. Что и способствует сохранению положения семьи во главе ценностной иерархии поныне.

Чешская культура одна из наименее религиозных в мире. Согласно утверждению французского историка религии *Р. Реймона*, «в Чехии еще со времен гуситских войн и поражения на Белой горе в 1620 г. преобладает сильное антиклерикальное чувство»². Специфику чешского исторического опыта составил массовый уход от католической церкви и неспособность достаточно слабой протестантской церкви заполнить образовавшийся вакуум³. Поэтому чехи, по мнению чешского социолога *З. Нешпора*, «наиболее антирелигиозный народ»⁴, хотя считается, что они антицерковны по привычке, а не из атеистических убеждений. Атеистический характер чешского общества усилился в период социализма, однако, по имеющимся данным, членов католической церкви в 1950 г. было 6%, а в 1970–1980-е годы – около 40% населения⁵. «Религиозное оживление» датируется концом 1980-х – началом 1990-х годов. Но значительное снижение доверия к церквям произошло уже в 1991–1993 гг. и затем продолжало уменьшаться во всех отношениях, кроме «моральных проблем и потребностей индивида». Доверие церквям в стране находится на очень низком уровне, конкурировать с ними в этом отношении могут только политические партии. Огромный потенциал общественного интереса, открывавшийся в период «бархатной» революции перед христианскими церквями, они не смогли реализовать, престиж католической церкви, ее популярность снижались. Спустя несколько лет после революции чешское общество наполнили

¹ Šnatek a rodina: zájem soukromý nebo veřejný. Praha, 2006, s. 15.

² Rémond R. Naboženství a společnost v Evropě. Praha, 2003, s. 241.

³ Hamplová D., Řeháková B. Česká religiozita na počátku 3. tisíciletí. Praha, 2009, s. 31.

⁴ Nešpor Z. Příliš slabé ve víře. Česká ne/religiozita v evropském kontextu. Praha, 2010, s.7.

⁵ Hamplová D., Řeháková B. Op. cit., s. 31.

десятки новых религиозных течений, связанных с нелегальными традициями коммунистического прошлого, в большинстве своем – импортом из-за границы или духовными поисками отечественных представителей.

В Чешской Республике существовало сильное социальное сопротивление возврату религиозности, и среди значительной его части утвердился «народный атеизм»¹. В результате, если доля атеистов или по крайней мере людей без вероисповедания в 1991 г. составляла 40%, то уже десятилетие спустя – почти 60%². Декларируемый атеизм в чешском обществе по сравнению с 1990-ми годами значительно усилил свои позиции, нарастала доля людей, идентифицирующих себя как убежденных атеистов и отрицающих какое-либо представление о Боге³. В этот период по мере снижения членства в традиционных церквях росло число приверженцев малых церквей, особенно евангелического типа, увеличившееся в этот период в некоторых из них втрое. В целом доля традиционных верующих, регулярно посещающих богослужения и принимающих учение христианских церквей, составляет уникальный показатель – всего 10%. Только каждый десятый чех верит, что Бог существует. Это самый низкий показатель в регионе, сопоставимый, но превышающий аналогичный показатель в Восточной Германии и Эстонии. Причем только 4% чешских католиков считаются «истинными христианами», что объясняет положение религии в конце иерархии системы ценностей в стране⁴.

В условиях подъема индивидуализма, материализма и потребительства, нарастания жизненных трудностей основным течением в религиозности чешского населения стал рост альтернативной, внецерковной духовности, веры не в Бога, а в чудеса – ясновидящих, целителей, амулеты, магию, оккультизм, астрологию распространение моды на сверхъестественное, гороскопы и проч. Свершилась подлинная духовная революция, приведшая не к секуляризации, а к детрадиционализации веры, маркизации этой сферы общественного сознания, смене типа религиозности, в том числе среди высокообразованных слоев населения. Чем младше поколение, тем меньше оно верит в Бога. В 2008 г. примерно половина опрошенных согласилась, что ясновидящие могут предсказывать будущее, аму-

¹ Socioekonomické hodnoty..., s. 231.

² Nešpor Z. Op. cit., s. 102.

³ České hodnotové proměny 1991–2008, s. 58.

⁴ Individuals and households in the Czech Republic and CEE countries. Praha, 2010, p. 184.

леты иногда приносят счастье, а целители обладают способностью лечить. Сравнение с предшествующим исследованием показало, что вера в магию в чешском обществе высоко стабильна и служит реальной альтернативой привычной религиозности. Чехи отвергают традиционные религиозные системы и организованную религиозность, склоняясь к вере, как они считают, ориентированной на человека. Одним из следствий чрезвычайной невоцерковленности чешского населения стал наибольший на рубеже тысячелетий в Европе уровень кремирования. В 2000 г. к нему прибегало 75% населения¹. Постоянный рост уровня кремирований сопровождался снижением количества церковных обрядов при погребениях².

Картина динамики ценностей чешского общества после 1989 г. соответствует наполненному радикальными сдвигами 30-летнему периоду национальной истории, больше напоминающему трансформационный кризис – социальный и культурный. Социальные катаклизмы сопровождаются исчезновением четких ценностных основ жизни людей. Конкретный анализ характерных для страны общественных, духовных процессов нередко демонстрирует их отличие и даже противоположность аналогичным процессам в западном мире, а также изначальным целям евроинтеграции

3.5. Чешский человек: портрет на фоне смены систем

Специфика «чешскости»

До того, как Чехословакия возникла как самостоятельное государство в 1918 г., образ чешской нации конструировался преимущественно в этнокультурных категориях. «Триста лет мы терпели», – говорят чехи, у которых после утраты национальной независимости в 1620 г. и последующей насильственной рекатолизации протестанского населения выработалась стратегия выживания по принципу «против всех». Чешская идентичность формировалась на основе множественности территориальных и государственных образований, в которых жили чехи, – Австрии, Австро-Венгрии, Чехословакии, Чешской Республики. Менялись границы и формы правления, отсутствовали национальные элиты. Со времени

¹ Nešpor Z. Op. cit., s. 183.

² Tichý R., Vávra M. Náboženství z jiného úhlu. Brno, 2012, s. 115.

национального возрождения развивались прежде всего чешский язык и лингвистика, историография, этнография, изобразительное искусство и литературная критика. Общественную функцию национальных элит взял на себя «маленький чешский человек», жизненный мир которого ограничен ближайшим окружением, недоверчивый ко всему, что лежит за пределами этого мира. Подобный тип личности впоследствии нашел проявление в идеологии швейкизма. Она означает традиционную склонность оставаться в стороне, в кругу своих родных и близких, «заниматься своим делом», «самому о себе заботиться», «быть как все», «сильно не рисковать», «не выходить за рамки», что ведет к низкой общественной активности и явлению «гражданской лени»¹.

Денационализация высших слоев общества привела к необходимости ведения длительной борьбы за самосохранение в условиях неполной социальной структуры (без высших слоев), или «стратификационной неуравновешенности». Тогда же сформировались глубокие исторические корни характерного для этого народа эгалитаризма, эгалитарной этики, а также преобладания социальных ориентаций над индивидуалистическими, когда существование отдельного человека подчинено процессам выживания и развития всего социума. В трудные, кризисные, переломные периоды национальной истории чешский человек превращается в ничем не выдающегося обывателя и конформиста. Однако образ этот обманчив.

Чешский народ пережил неблагоприятные периоды своей истории благодаря простым людям, народной культуре, приоритету коллективной идентичности над индивидуальной. Метафора «Чешские дети» означает: у каждого чеха две матери, его вторая мать – Родина. Личная идентичность производна от принадлежности к семье, в том числе и «большой семье» – национальной, к государству – защитнику национальных интересов. В целом для восточноевропейской действительности характерно, что именно в семье, в неформальном кругу на протяжении столетий закладывались основы культуры и формировался «дух» проживающих здесь народов. Семья и нация остаются не только для чехов, но и других народов региона между Востоком и Западом независимо от уровня цивилизационного развития, от экономики или политики фундаментальными ценностями.

¹ *Tižek M. a kol. Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomy tisíciletí. Pr., 2003, s 384. См. также: Коровицына Н.В. Самая «бархатная» революция: «чешский человек» на фоне общественных перемен. – Славяноведение. 2000. № 3; Holý L. Malý český člověk a velký český národ. Národní identita a postkomunistická transformace společnosti. Praha, 2001.*

Эти две межпоколенческие общности на протяжении всей истории данной группы народов дают им ощущение идентичности.

По мнению чешского этнолога и антрополога *Л. Голы*, национальная идентичность для чехов является базовой коллективной идентичностью и превосходит по значению все остальные ее виды. Это идентичность естественная. Но в отличие от менее ярко выраженной польской, чешская идентичность в определенном смысле закрытая, она связана с территорией страны: лишь те, кто проживают здесь и говорят по-чешски, считаются полноценными чехами. То есть необходимо непосредственное участие человека в культурной и политической жизни своего народа. «Самодостаточность» позволила чехам пережить и даже извлечь пользу из того отрезка своей истории, когда они оказались практически изолированными от западноевропейской цивилизации, с которой их связывало больше, чем остальные народы региона.

Высокий уровень культуры и образования чешской нации сочетается с дефицитом широты мировоззрения и устремленности к идеалам. Чехи всегда достигали своих целей не с помощью революций, насильственных действий, а посредством кропотливого квалифицированного труда – «не кровью, а трудом», – который лежит в основе их гуманизма и демократизма, как и представлений о социальном равенстве и справедливости. Ставя перед собой реалистические цели, чешский народ решает их благодаря трудолюбию и национальной солидарности. Позитивный образ чешской нации сочетается в ее собственном сознании с негативным образом отдельно взятого чеха. Его приспособляемость к сменяющимся политическим режимам, как и стремление заявлять о себе миру конкретными делами, сформирована всей историей этой «недворянской» нации. В период социализма («госсосоциализма») ярко проявились такие черты чешского характера, как ценностный релятивизм, расчет на патерналистскую функцию государства, глубоко укорененные в национальном сознании¹.

Ментальная культура чехов сформировалась ко второй половине XX в. как городская и в сильной мере атеистическая. Чешские земли опережали другие, пошедшие по пути социалистической модернизации, страны по уровню индустриализации и урбанизации, важнейшие этапы которых были пройдены здесь не в годы первых пятилеток, а на полвека-век раньше. Длительное же отсутствие национальной независимости в рамках

¹Vize rozvoje České Republiky do roku 2015. Pr., 2001, s. 122–123.

Габсбургской империи, как и собственного дворянства, способствовали формированию специфической приспособляемости чехов к изменяющимся политическим режимам, с одной стороны, и их эгалитарных наклонностей – с другой. Терпимость явилась универсальной ценностью чешской нации, заявляющей о себе миру не столько словами, сколько делами. К особенностям чешской ментальной культуры можно отнести также своеобразный предпринимательский дух, независимый, саморегулирующийся стиль жизни и мировосприятия, склонность ориентироваться преимущественно на прагматические цели¹. Чехия дала образец наиболее последовательного перехода к обществу массового потребления в условиях социалистической системы. Расцвет частной, семейной сферы жизни стал важнейшим фактором стабильности коммунистического режима в странах региона в 1970-е годы. Особенно отчетливо это проявилось в условиях чешской «нормализации».

Примечательно, что протестная энергия, накопившаяся в чешском обществе к концу 1960-х годов, самым коммунистическим режимом была канализирована в семейную сферу. В два десятилетия, предшествовавшие демократической революции 1989 г., получает развитие стратегия выживания чешского человека, основанная на расцвете института семьи, точнее семейного клана, путем оживления его традиционных функций самообеспечения и самодостаточности. В семье происходило и формирование гражданской позиции личности, ее частичная реализация. Относительно независимая и автономная от государства, внутренне солидарная система, семья являлась хранильницей и надежным инструментом передачи ценностей национальной культуры из поколения в поколение. Институт семьи как практически единственная альтернатива официозу реального социализма окреп и усилился после завершения массовых социальных перемещений периода форсированной индустриализации, приобретшей в Чехии характер реиндустриализации.

Все эти качества не только сохранились, но и получили свое развитие и полное выражение в условиях осуществления социалистической, или консервативной, модернизации, когда Чехия – в отличие, например, от Польши – оказалась практически изолированной от западного мира. И сейчас социологи обращают внимание на более низкую, чем у тех же

¹Bayer I., Kabele J. Politische kultur der Tschechischen Republik und ihre transformation. Köln, 1996, s. 30.

поляков, потенциальную пространственную мобильность чехов. Среди них доля никогда не изменявших своего места жительства существенно выше, а желание выехать за границу, напротив, – ниже, по сравнению с поляками¹. Чехи предпочитают отечественные телепрограммы иностранным, среди них особенно много негативно оценивающих иммиграцию в их страну. Чешское общество – во всяком случае по сравнению с польским – в культурном отношении довольно закрытое. Оно характеризуется исследователями, вопреки распространенным взглядам, как традиционное и протекционистское². Для чешского человека характерно неизменное, стабильное во времени, особое сочетание консерватизма и коллективизма, специфический «сельский рассудок»³.

Надо заметить, что если прагматизм и политический конформизм чехов еще находили место в интерпретации их социально-политического облика, эгалитарные и выраженные патриотические наклонности чешской нации – вплоть до ее стремления к изоляционизму – явились во многом открытием последних лет. В событиях, сопровождавших «бархатную» революцию, все эти качества раскрылись достаточно полно. Последовавшая за этой революцией либеральная модернизация, угрожавшая национальному своеобразию народов региона, обнажила глубинные черты их национального характера. 1989 год стал тем переломным моментом, который высветил реальные контуры чешского менталитета. Последующие расслоение общества и политика вестернизации, вытеснявшие национально-культурные ценности на периферию общественного сознания, не соответствовали чешскому духу, склонному к социальному равенству и национальной самобытности, если не замкнутости. Напротив, эгалитарным чехам был близок социализм, при котором пространство между богатством и бедностью по уровню заработков было одним из самых узких в мире⁴. В начале 1990-х годов экономическое неравенство стало возобновляться впервые после 1948 г.

Время покажет, насколько органичным был переход от социализма к капитализму для самой западной – не только в географическом смысле –

¹ *Stulík D.* Public perception of European integration in Poland and the Czech Republic: a comparative analysis – Post-communist transformations. A new generation of perspectives. W-wa, 1998. P. 163–164.

² *Nedomová A., Kostelecký T.* Narodní identita. Pr., 1996, s. 36.

³ *Contemporary Czech society.* Pr., 2016, s. 317.

⁴ *Ibid.*, s. 34.

из славянских наций культуру. В ее сохранении и трансляции из поколения в поколение незаменимую роль всегда играл институт семьи – важнейший инструмент социальной адаптации чешского человека. Брненский социолог *И. Можны* считает отличительными чертами чешского человека бдительность и осторожность. Он пишет о чехах как об очень «недоверчивой популяции», которая свои судьбы с давних времен прочно держит в собственных руках.

Особенности чешского пути развития предопределяет то обстоятельство, что чешская нация принадлежит к числу «старых». Это «оазис» не столько ускоренных общественных изменений (как проповедовали в 1990-е годы российские идеологи либерализма), сколько стабильности, приверженности консервативным ценностям. Впрочем, в той или иной степени, подобная ориентация характерна и для остальных народов региона, расположенного между европейским Западом и Востоком, независимо от уровней их цивилизационного развития. Однако присущая именно чешской культуре, на первый взгляд противоречивая, совокупность ценностей и норм позволяет этому народу не только успешно адаптироваться к быстро изменяющейся действительности современного мира, но и сопротивляться нежелательным новациям, сохраняя стержень своей идентичности как основу национального выживания и процветания. Эффективность чешского сопротивления многократно подтверждена историей. Это сопротивление, проявившееся в годы Второй мировой войны (тогда погибло 22% польского населения, но всего 1,5% чешского)¹ или в период «общественной нормализации» после событий 1968 г., – неявное, больше похожее на адаптацию. Речь идет об особом социокультурном феномене.

Значительный отпечаток на «чешскость» накладывает положение страны на перекрестке политических, религиозных, культурных течений европейского континента. Чехия первой воспринимает все новые перемены, которые нередко именно здесь и зарождаются. Чешский и в целом европейский «авангард модернизма» как культурного течения 1920-х годов в сильной мере отождествлял себя с коммунистической идеологией, подразумевая под ней теорию, ориентированную на просвещение, прогресс, рационализм. Социалистические ориентации чешского народа родились из традиционного стремления большинства его к справедливости и равенству во благо «простого человека». Чехи в то же

¹ *Medvec S.E.* Poland and Czechoslovakia. – The Polish review. 1991. № 4.

время последовательно выступали и в роли лидера исторических перемен в восточной части Европы демократической направленности. Они никогда не воспринимали свою страну как западную или восточную, идентифицируя ее как центральноевропейскую, расположенную между Востоком и Западом, германским и славянским миром.

Хотя чехи не склонны отождествлять себя с восточноевропейцами, принадлежность к славянству для их преобладающего большинства, по опросным данным, является ныне бесспорной. Люди считают, что их роднит со славянами помимо похожего языка общий менталитет и традиции. В Чехии говорят: «Если посмотреть чуть южнее или на Америку, то это совсем другое, другое мышление». Очень близкой остальным славянским культурам считают чешскую культуру свыше трети и скорее близкой еще более половины чехов. То есть в общей сложности около 90% населения говорят об этой близости независимо от социально-демографических параметров, образования и политической ориентации, и это является, по утверждению социологов, неоспоримым фактом¹. Факторы языкового родства, в меньшей степени – географического положения, отчасти общей истории оказались, в конечном счете, первостепенными.

При этом чешская нация остается «относительно замкнутым, традиционалистским и консервативным, национально однородным сообществом, идентичность которого историей конституирована и апробирована»². Чувство национальной и государственной принадлежности для чеха, как правило неразделимы. Свою национальную гордость чехи стремятся проявлять через культуру, а не самобытное государство, которое у них длительные периоды истории отсутствовало. К представителю чешской нации нередко применяют понятие «маленький чешский человек», подразумевая его слабую мотивацию грандиозными идеалами и широкомасштабными проектами. Жизненный мир этого человека ограничен семьей, работой, самыми близкими. Ко всему, что находится за пределами этого мира, к разного рода новшествам чешский человек относится с большой долей скептицизма, осторожно и недоверчиво, избегая рискованных ситуаций. Взгляды его на первый взгляд приземленные, он явно не романтический герой. Явление «швейкизма» отражает сущность чешского человека,

¹Historické vědomí obyvatel České republiky perspektivou sociologického výzkumu. Pr., 2014, s. 187.

²Nedomová A., Kostelecký T. Op. cit., s. 35.

его здравый рассудок и способность к пассивному, но последовательному, решительному сопротивлению, предопределившему ряд поворотов восточноевропейского исторического процесса до и после 1989 г.

От советизации к вестернизации

«Советский» период впервые в истории отношений России и Чехии связал воедино судьбы двух народов, сформировав общие ценности нескольких поколений. Ключевой вопрос современной истории наших стран – роль и значение отдельных народов в уникальной «советской цивилизации», процессах ее формирования, расцвета и крушения. Это интересно с точки зрения анализа как общей модели развития восточноевропейского региона во второй половине XX века, так и своеобразия национальных путей развития, национальной идентичности. Надо заметить, как со второй половины 1950-х годов, так и с середины 1990-х, после периодов революционных преобразований начиналось восстановление национального и религиозного своеобразия в Восточной Европе. Процессы адаптации к заимствованным образцам неизбежно сменялись процессами адаптации этих образцов к специфике национальных путей развития.

«В Чехословакии социализм не был принесен в конце Второй мировой войны на штыках советской армии, а родился из устремлений большинства населения, для которого справедливость и равенство, обещанные им, представлялись в этическом отношении более нравственными, чем несправедливость и неравенство капитализма». Так пишет в книге «Маленький чешский человек и великая чешская нация» (Прага, 2001) *Ладислав Голы*, эмигрировавший из страны после событий 1968 г.¹. Массовая – четверо из десяти чехов – поддержка Компартии на выборах в Законодательное национальное собрание 1946 г. свидетельствовала о том, что социалистические принципы общественного устройства предпочитало большинство чешского населения. Что не было характерно в то время для менее экономически и демократически развитой Словакии. Позднее социолог *Д. Кунитат* вторит этой мысли: «Коммунистические идеи не были чешскому обществу имплантированы с варварского Востока, но являются мощной составной частью одной отечественной традиции».

¹ *Holý L. Malý český člověk a velký český národ. Národní identita a postkomunistická transformace společnosti. Pr., 2001.*

И далее он утверждает, что коммунистический режим нельзя с этой точки зрения считать завершенным и преодоленным эпизодом в современной чешской и чехословацкой истории, наоборот, много свидетельств того, что этот период не обрушился, а долго после своего мнимого конца сохраняет связь с чешской современностью¹.

В Конституции 1960 г. Чехословакия декларировала завершение создания социалистического государства «второй в истории после Советского Союза». Важнейшим элементом идеологии всех бывших соцстран было социальное равенство, однако в Чехословакии оно реализовалось более последовательно, чем где бы то ни было. Дело даже не только в самих социально-политических склонностях чешского общества, его интеллектуальной элиты, а в их постоянстве, определенности, в способности к сохранению национальной идентичности и стабильности жизненных ориентиров – вопреки обстоятельствам, мнимой парадоксальности культуры и характера этого народа. Человеческий – гражданский и профессиональный – капитал составляет главный «ресурс» национального развития Чехии, что особенно отчетливо проявляется на «перекрестках истории» страны.

Чехословакия, Чешские земли, оставаясь западным форпостом восточного блока, никогда не рассматривались в качестве его периферии. Скорее наоборот, Чехия служила своего рода цивилизационным эталоном, шла в авангарде процессов модернизации – для восточноевропейских стран традиционно имевшей характер догоняющего Запад развития. Чешская культура по праву считалась в Восточной Европе самой западной, а чехи, как упоминалось выше, – самыми западными славянами. В полуаграрном, преимущественно сельском, крестьянском на начальном этапе строительства социализма регионе только Чехия и Восточная Германия составляли исключение, демонстрируя на фоне других своего рода девиантный, «отклоняющийся» случай высокоразвитых – городских и индустриальных – общественных систем. Этот факт никогда не вызывал сомнений у отечественных историков и социологов.

Конструкция идентичности каждого из народов, прошедших основные этапы преобразований середины и конца XX века, предопределяет несомненные особенности этого их пути, детерминированные процессами адаптации к «новой реальности» и сопротивления ей – т.е. сначала коммунистическому, а потом либерально-демократическому режимам.

¹ *Kunštát D.* Za rudou oponou. Komunisté a jejich voliči po roce 1989. Pr., 2013, s. 300, 303.

Опыт чехов свидетельствует: в конечном счете, именно о способности к адаптации к переменам *без потери* внутренней сущности, от которой зависит благополучие – не только материальное – отдельных народов, их прошлое и будущее. Чешский фольклор 1970-х годов повествовал о шести чудесах, точно характеризующих способ массовой адаптации, больше похожей на пассивное сопротивление: Все принадлежат к числу занятых, но никто не работает. Никто не работает, но план выполняют на сто процентов. План выполняется на сто процентов, но в магазинах пусто. В магазинах пусто, но у людей все есть. У людей все есть, но режим ругают с утра до вечера. Режим ругают, но на выборах голосуют стопроцентно «за». По показателю жизненной удовлетворенности, рассчитанному западными специалистами, в 1967 г. чехи были довольны своим существованием (материальным уровнем жизни и ожиданиями) или счастливы, почти ровно как спустя полвека в 2014 г. при свободной рыночной экономике и многопартийной системе¹. Минимальная удовлетворенность наблюдалась лишь сразу после падения социализма. Что касается соседней Словакии, ее уровень удовлетворенности за 1967 г. был максимальным за весь период наблюдений.

Чешский путь развития периода 1948–1989 гг. далеко неоднозначен с точки зрения «потерь» и «приобретений». Внешние, количественные показатели явно недостаточны для оценки степени «успешности» этого пути, имея в виду совершенно определенное обстоятельство, а именно – соответствие этого пути традиционным «быту и нравам» чешского народа. Действительно, на старте социалистической модернизации Чехия по набору цивилизационных параметров существенно отличалась от других стран региона Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), образовавших после Второй мировой войны социалистический блок. Пройдя раннеиндустриальный этап общественного развития в третьей четверти XIX в. Чешские земли повторили этот путь столетие спустя вместе с остальными странами ЦЮВЕ. По структуре занятости, соотношению городского и сельского населения, типу естественного воспроизводства, уровню образования чешское население превосходило тогда остальные страны региона. В условиях политики «выравнивания уровней» соседние, менее развитые (если руководствоваться так называемой исторической линейкой, или схемой) страны по темпам развития опережали

¹Contemporary Czech society, p. 124.

чешскую нацию. Соцмодернизация обернулась для нее по формальным индикаторам во многом повторением пройденного, возвратным типом цивилизационной динамики. Это касалось процессов индустриализации, которые прошли здесь столетие назад, как и процессов смены типа демографического воспроизводства с близкого к западноевропейским параметрам в межвоенный период на восточноевропейский в первое послевоенное десятилетие.

В период индустриализации 1950-х годов именно Чехия сыграла роль «локомотива» экономического подъема всего соцсодружества. Ее металлургические и машиностроительные предприятия стали «кузницей социализма», где создавался промышленный потенциал мировой социалистической системы. Наверное, это тоже был своего рода исторический шанс для чешской нации. А когда в 1960-е годы «промышленный век» стал клониться к закату в глобальном масштабе, чешское общество незаметно перешло к обществу массового потребления в его своеобразной – незападной версии, когда свободное время, его социальный и культурный потенциал более значимы, чем материальный уровень жизни.

Одновременно Запад вступил в эпоху так называемого второго демографического перехода с характерным повышением брачного возраста, снижением рождаемости, увеличением процента детей, рожденных вне брака, эмансипацией женщины и распадом традиционного института семьи. В Чехии же все было наоборот. В условиях «нормализации» с начала 1970-х годов демографические показатели имели противоположную «передовому Западу» динамику: доля лиц, вступающих в брак, достигла максимальных значений. Рост рождаемости опередил другие страны региона. Браки заключались в более раннем возрасте, чем в довоенный период. И все на фоне практически всеобщей предельно высокой женской занятости. Это и составляло специфику типа демографического поведения, укоренившегося в условиях «домашнего» социализма, или его «развитой» фазы. Для малой нации, традиционно скрепляемой узами родственных, дружеских, неформальных связей, это был особый период ее истории. Такого рода связи и служили главной формой оппозиции коммунистическому режиму, власти. После демографической революции 1990-х годов, последовавшей за революцией демократической, когда Чехия вместе с остальными странами региона пережила резкий спад производственных показателей, а проблема депопуляции и старения населения выдвинулась на передний план, нельзя однозначно отвергать предшеству-

ющие времена и их нравы. Трудно в таком случае сделать однозначный выбор между «свободой и безопасностью».

Общество восточноевропейского типа во второй половине XX в. сформировало собственный способ демографического воспроизводства, отличный от западноевропейского. Он подразумевал определенный набор базовых взглядов – на семью, брак, отношения мужчины и женщины. Именно демографическая идентичность стран социалистической системы – в не меньшей степени, чем политическая, – создавала единство этого географического пространства, моральных норм и стиля жизни его населения. Чешский демограф *Я. Кучера* назвал данный тип демографического поведения восточноевропейским.

Другая важная черта восточноевропейского развития связана с процессами массового роста уровня образования, формирования многочисленной интеллигенции в ходе небывалой по интенсивности социальной мобильности населения. Именно быстро формировавшийся образованный класс – интеллигенция, служащие, квалифицированные рабочие – составлял социальную основу протестных движений в Восточной Европе второй половины XX в. Пражская весна 1968 г. явилась первым выступлением образованных, или новых средних слоев, которые заявили о себе в наиболее «просвещенной» части системы социализма. Не что иное, как несоответствие возросшего уровня образования материальному положению и положению во власти на протяжении всего существования системы социализма служило главной причиной ее кризисных состояний. Чехи особенно внимательно и щепетильно отнеслись к этому несоответствию, характерному для периода социализма: в ЧССР оно оказалось к тому же наиболее выраженным. Социально-политическое восхождение восточноевропейской интеллигенции началось в преддверии Пражской весны и завершилось в 1980–1981 гг., во время польской революции «Соллидарности». Массовая основа этой революции стала гораздо шире, чем в 1968 г., включая многочисленные слои теперь уже второго поколения образованного класса.

Инициированная чехами Пражская весна явилась началом конца соц-системы. Однако чехи последними в регионе отказались от этой системы, а именно их революция 1989 г. вошла в историю как «бархатная». И здесь нет противоречия. В обоих случаях ориентации людей оставались неизменными. На пике и реформаторского движения в 1968 г., и революции 1989 г. отдавали приоритет капиталистическому пути развития не более

3–5% населения¹. В июле 1968 г., когда только 5% опрошенных отвечали положительно на вопрос: «хотели бы вы возвращения капитализма?»², на следующем перекрестке истории страны в период революционных перемен ноября-декабря 1989 г. всего лишь 3% предпочитали капиталистический путь развития, тогда как 41% – социалистический и еще 52% – нечто среднее между ними, соединяющее преимущества двух систем. Причем коммунисты и беспартийные мало различались по своим взглядам³.

Хотя лишь несколько процентов опрошенных в 1993 г. предпочитали дореволюционную модель развития, в обществе продолжали преобладать соответствовавшие этой модели традиционные, глубоко укорененные и усиленные периодом социализма уравнивательные предпочтения⁴. При сохранявшейся со времен коммунистического режима слабой дифференциации оплаты труда и доходов 19% опрошенных все же высказывалось в пользу необходимости роста неравенства в доходах; уже к 1995 г. доля этой группы людей сократилась до (тех же!) 5%⁵. Кроме того, 80% населения уже в 1992 г. (когда около миллиона людей стали владельцами лицензий на ведение предпринимательской деятельности) считало нечестными существующие способы обогащения⁶. Постепенно вызревали и дифференцировались социально-экономические взгляды людей, противоречившие их постреволюционным политическим ориентациям. Наибольшая неконсистентность (несогласованность) массовых воззрений наблюдалась сразу после «бархатной» революции, но год от года ситуация менялась.

По мере завершения реформ и столкновения людей с повседневными проблемами общества либерально-рыночного типа становилось ясно, что левые ценности в чешской среде определенно преобладают. Социологи обнаружили, что многие из тех, кто с восторгом идентифицировался

¹См.: *Machonin P. Česká společnost a sociologické poznání. Problémy společenské transformace a modernizace od poloviny šedesátých let 20. století do současnosti. Pr.*, 2005, s. 139; *Коровицина Н. С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М.*, 2003, с. 273.

²*Connor W.D., Gitelman Z.Y. Public opinion in European socialist systems. New York*, 1977, p. 179.

³*Situační zprávy ústředního aparátu KSČ (20. listopadu – 1. prosince 1989). Praha*, 1997, s. 105.

⁴*Tuček M. a kol. Dynamika české společnosti*, s. 156.

⁵*Vlachová K., Matějů P. Krystalizace politických postojů a politického spectra v České republice. – Sociologický časopis. 1998. Vol. 34. № 2, s. 153.*

⁶*Kalinová L. Konec nadějí a nova očekávání: k dějinám české společnosti 1969–1993. Praha*, 2012, s. 364–366.

с правыми как доминирующей идеологией, в действительности всегда оставались приверженцами левых ориентаций¹. Каждый пятый высокообразованный чех декларировал левые воззрения – вдвое чаще по сравнению с населением ЧР в целом². В то время сформировалось аномальное «левое мышление при правом голосовании». Высказывается мнение о несоответствии осуществлявшегося в первой половине 1990-х гг. в ЧР проекта трансформации «ментальному состоянию чехов»³.

Быстрый рост неудовлетворенности людей достиг кульминации в 1998 г., когда 61% опрошенных, по данным Центра изучения общественного мнения Института социологии АН ЧР, относился к трансформации критически и *вновь* лишь 5% считали ее успешной⁴. Разочарование в итогах приватизации было столь велико, что в апреле 1998 г. 70% граждан высказалось за то, чтобы государство вернуло себе неправильно приватизированные предприятия.

Чешский социолог *Л. Линек* обнаружил, что в течение короткого периода 1997–2000 гг. скачкообразно произошло отчетливое изменение отношения чешских граждан к политике, их политических ожиданий⁵. Кроме того, в этот период изменилось представление о сущности новой государственности: если сразу после революции особенно высоко ценилась свобода, то теперь установилось соотношение предпочтений «свобода или равенство» на уровне 60% : 40%⁶. В течение последнего десятилетия в чешском обществе с его длительной традицией левого мышления, не связанной с коммунистическим режимом, доля отдающих приоритет свободе перед равенством снижалась, в том числе среди высокообразованных⁷.

Неприятие западной неолиберальной модели капитализма уже во второй половине 1990-х годов привело чешских интеллектуалов одними

¹ Vlachová K., Matějů P. Op. cit., s. 149.

² Výskum európskych hodnôt 1991–1999–2008: slovenská a česká spoločnosť. Pramenno-analytická publikácia. Bratislava, 2009, s. 124.

³ Kubů E. Obraz české transformace v zrcadle sociologického výzkumu. – Historická sociologie. 2011. № 1, s. 60.

⁴ Červenka J. Jsme ze zvyku sociálněekonomickými pesimisty? – Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha, 2010, s. 56.

⁵ Linek L. Zrazení snu? Struktura a dynamika postojů k politickému režimu a jeho institucím a jejich důsledky. Praha, 2010, s. 10.

⁶ Sedláčková M. Důvěra a demokracie. Praha, 2012, s. 202.

⁷ Výskum európskych hodnôt 1991–1999–2008, s. 128.

из первых в посткоммунистическом регионе к мысли о необходимости принципиальной корректировки стратегии реформ. За либеральные ориентации периода реформ, выражавшиеся в тезисе «каждый должен позаботиться о себе сам», не знавшие этого народа нередко принимали характерное для него отрицание всего чужого, иностранного, усилившуюся в период радикальных перемен национальную замкнутость¹.

Семь из десяти скептических чехов негативно относятся к политическим партиям. Большинство их считает, что партии интересуются гражданами только в период выборов, что они коррумпированы, что они, хотя и критикуют друг друга, фактически одинаковые. С одной стороны, 2/5 чехов считают текущую ситуацию (опрос 2014 г.) более предпочтительной по сравнению с периодом социализма. С другой стороны, треть опрошенных не видят значительной разницы между двумя периодами, а 1/5 отдает предпочтение социализму, хотело бы жить в социалистической Чехословакии (1948–1989 гг.). Еще один опрос, проведенный в 2015 г., обнаружил, что четверть чешских студентов вузов в возрасте 15–20 лет, не имевших опыта жизни при режиме до 1989 г., соглашалась, что «жизнь в социалистической Чехословакии была лучше, чем сегодняшняя». В чешском обществе господствует мнение, что для проигравших – людей старшего возраста, малообразованных, с низким уровнем жизни – больше подходит социализм с его экономической определенностью, меньшим стрессом в трудовой деятельности и всегда достаточным количеством денег². При этом забывалось отсутствие личной свободы и репрессии в отношении диссидентов. Ностальгия по периоду социализма нередко оказывается неудовлетворенностью сегодняшним днем в большей степени, чем симпатиями относительно жизни до 1989 г. Наблюдается несоответствие между верой в демократию как идею и демократической политикой на практике. Важным направлением изменения политической культуры современных чехов является все более скептическое отношение к Европейскому союзу³.

Исследование ценностных ориентаций современных чехов показало крайне низкое предпочтение ценностей универсализма и доброжелательности или ориентации на других, что косвенно свидетельствует о недооценке принципов равенства и всеобщей толерантности. Чехия,

¹ Potůček M. a kol. Průvodce krajinou priorit pro Českou Republiku. Pr., 2002, s. 213.

² Contemporary Czech society, p. 151, 155–156.

³ Ibid., p. 172.

как и другие восточноевропейские страны, и в отличие от стран Запада и Севера Европы не настолько открыты переменам и сибаритству, но значительно больше ориентированы на успех. После заметного спада консерватизма в 2004 г. в последующем наблюдался его неизменный уровень, превышающий средние для общеевропейских показателей значения. Традиционно существенно более высокие предпочтения консерватизма характерны для католических Польши и Словакии. В чешском обществе ценностная ориентация ради блага остальных и толерантность систематически снижаются в последние 15 лет. В этом отношении Чехия больше всего отклоняется от общеевропейского уровня¹. Восточноевропейские женщины отдают предпочтение консервативным ценностям в значительно большей степени, чем женщины западноевропейские. Первые больше ориентированы на других людей и толерантны, чем мужчины. Женщины в Восточной Европе и более консервативны по сравнению с мужчинами. Люди старшего возраста и состоящие в браке тяготеют к консервативным ценностям и ценностям, ориентированным на других.

Любопытно также, что чехи с неполным средним (8-летним) образованием ценят ориентации на благо других больше, чем высокообразованные. Менее образованные группы чешского населения и люди с низшим профессиональным статусом (неквалифицированные рабочие, рутинные служащие) в большей степени предпочитают ценности безопасности, конформизма и традиции и, напротив, намного меньше тяготеют к самостоятельности, успеху и власти. Для высокообразованных и людей с высшим профессиональным статусом (специалистов) не свойственно тяготение к ценности универсализма, толерантности или ориентации на других людей, как в странах западной Европы. Наоборот, эти ценности ближе чехам с неполным средним образованием. И это идет вразрез с общеевропейской тенденцией и является одним из наибольших отклонений от портрета западноевропейца². В целом Чехия с ценностной точки зрения поныне является частью группы посткоммунистических стран, для которой характерны консерватизм, растущая ориентация на успех и власть, с одной стороны, и снижающаяся ориентация на благо ближних и толерантность – с другой. Материальный достаток для нынешних чехов даже

¹ Pospíšilová J., Krulichová E. a kol. Jak se žije Čechům v současné Evropě? Pr., 2018.

² Ibid., s. 31.

важней, чем здоровье. В целом свою жизнь в современной Европе чехи оценивают не слишком позитивно¹.

Как уже отмечалось, чешский человек с давних времен полагается, прежде всего, на институт семьи, его традиционную функцию самообеспечения и самодостаточности. Семья служит главным инструментом адаптации и сопротивления по отношению к внешнему миру, является условием существования отдельного человека, не автономного, а неотделимого от нее. Относительно независимая от государства чешская семья является хранительницей и надежным инструментом передачи национальных ценностей от поколения к поколению. В Чехии, представлявшей одну из самых секуляризированных популяций, семья является своего рода формой религии. Исследование, проведенное среди молодых пражских женщин, показало, что большинство их относит себя к неверующим, не принадлежа ни к одному конфессиональному сообществу, но в то же время обладает религиозной верой, которую они называют крайне индивидуалистической и связанной с семьей². Традиционная модель семьи и брака здесь остается преобладающей.

Институт семьи как практически единственная альтернатива официозу реального социализма в то время окреп и усилился, став основой «суверенности» индивида по отношению к действительности, при необходимости «убежищем» от нее. Семья была важнейшим источником не только покоя и комфорта, но и накопления творческих сил. Сама власть видела в семье, межпоколенческих отношениях взаимной поддержки и сотрудничества основы социальной солидарности, консолидации общества, которые не могла обеспечить политическими средствами, «сверху». Большинство семей достаточно хорошо вписались в реалии общества позднесоветского типа с их во многом патриархальными устоями. Очевидно, что, несмотря на более высокий по сравнению с остальными странами восточного блока цивилизационный уровень на старте социалистических преобразований, в чешском обществе существовали глубинные социокультурные предпосылки вхождения в восточноевропейское пространство, более того, успешного в некоторых отношениях развития в его контексте. Чешское общество преуспело в трансформации «под себя» общественной системы

¹ Ibid., s. 149.

² Heilingarová A., Trnková Z. Formuje se nova generace? – Česká společnost na konci tisíciletí. T. 2. Pr., 1999., s. 64.

социализма. Официальная жизнь шла своим ходом, а маленький чешский человек и чешская семья с ее устоями – своим, незаметным, но испытанным многовековой историей национального самосохранения путем. Чешский человек, таким образом, разумно использовал исторический шанс, который предоставила ему консервативная, ориентированная преимущественно на сдвиги в материальном «базисе» общества, чем его культурной «надстройке», восточноевропейская модернизация второй половины XX века, для интеграции в современный мир – антибуржуазный, социально-ориентированный.

Семейный традиционализм сохранил свои доминирующие позиции в годы и «нормализации», и демократических преобразований. В условиях социально-политической дезориентации переходного периода семью считали «очень важной в своей жизни» 87% опрошенных, тогда как друзей – всего 24%. Доверяли членам своей семьи 83%, тогда как при общении с чужими людьми «соблюдали осторожность» 73%¹. Прагматичные чехи предпочли семейную солидарность новой форме социального экспериментирования – привлечению людей в начале 1990-х годов в малый бизнес. В качестве главной стратегии преодоления трудных времен 90% чехов избрали семейно-оборонительную, подразумевая экономию, сокращение расходов, ограничение потребления. Лишь 5% (как раз столько, как видим, в чешском обществе всегда было сторонников капитализма) выражали стремление создать собственную фирму². На вопрос: «Что вызывает в обществе социальное напряжение?» из 16 вариантов ответов на первом месте оказалось «богатство», на втором – «национальность, раса».

Предпринимательская стратегия как форма жизни отвергалась даже молодым поколением Чехии. Оно не могло смириться с моральными издержками, которые предполагало следование ей. Молодое поколение демонстрирует в некоторых отношениях даже гораздо более консервативные взгляды, чем их отцы и матери.

Падение брачности отмечалось в годы реформ преимущественно среди малообразованных слоев населения. У них был наибольший прирост безбрачия. В начале 1990-х годов среди чешских женщин моложе 50 лет с основным (8-летним) образованием незамужние составляли всего 4%,

¹ *Kandert J.* Rodinné hodnoty v měnicím Československu. – Český lid. 1993. № 1, s. 2–3.

² *Friedlanderová H., Tuček M.* Češi na prahu nového tisícletí. Pr., 2000, s. 181–186.

а в 1999 г. – уже 51%¹. Внебрачная рождаемость вызвана в первую очередь экономическим положением данной категории². Ключевым фактором счастливой жизни остается социальный контакт, который заключен в семейных отношениях³. Западных специалистов не переставала удивлять «живучесть» патриархальных нравов, преобладающих в восточной части европейского континента, в том числе и в Чехии, их способность принимать различные формы, нисколько не уступая господствующим позициям⁴.

Значение так называемого семейного капитала после «бархатной» революции в чешском обществе лишь возросло. С ним чехи преодолели эпоху консервативной модернизации, незаметно преобразовав ее в «домашний» социализм. С явлением «семейного авторитаризма», составляющим основу их консервативного исторического опыта, они пережили и трудные времена рыночных реформ.

Чехию всегда отличала от соседних Польши или Венгрии слабость политической оппозиции коммунистическому режиму. В чешском обществе периода «нормализации» и элита, и контрэлита имели относительно небольшую массовую поддержку. Не что иное, как преобладающие в чешском сознании принципы социального и материального равенства, «сельский рассудок» заставляли людей инстинктивно держаться в стороне и от тех, и от других. Диссиденты здесь не имели большого влияния на развитие событий в преддверии революционных перемен, как и в ходе их. Не было длительных переговорных процессов коммунистов-реформаторов и оппозиции, а политический режим рухнул за несколько дней под давлением «улицы» – спонтанного выступления людей в символическом сердце страны на Вацлавской площади Праги. Что явилось одной из причин рождения предрассудков о равнодушных и пассивных чехах, которые ничего не делают, а только пьют пиво, о людях, обманутых обещаниями «бархатной революции», молодежью, совсем не интересующейся политикой⁵. Если в первой

¹ *Katrňák T.* Strukturální příčiny poklesu sňatečnosti a nárůstu svobodných v devadesátých letech v České republice. – Sociologický časopis. 2001. № 2, s. 225.

² *Chaloupková J., Šalamounová P.* Postoje k manželství, rodičovství a k rolím v rodině v České republice a v Evropě. Pr., 2004, s. 18.

³ *Hamplová D.* Životní spokojenost: rodina, práce a další factory. Pr., 2004, s. 36.

⁴ *T. Van Der Lippe, Fodor E.* Changes in gender inequality in six Eastern European countries. – Acta sociologica. 1998. № 2, p. 146.

⁵ *Linek L., Císař O., Petrušek I., Vráblíková K.* Občanství a politická participace v České republice. Pr., 2017.

половине 1990-х годов демократию считало лучшей системой правления не менее 70% чешского общества, то с 1998 г. произошло ослабление поддержки демократии до нынешних 50%. В настоящее время около 20% чехов при определенных условиях готово толерантно относиться к диктатуре или авторитарному режиму. Еще 20% процентам безразличен политический режим¹. Спал поддержки демократии в течение 1990-х годов и особенно после 2004 г. очевиден. С 2004 г. до 2016 г. поддержка недемократических альтернатив постепенно возрастала. В этот период наблюдался спад в поддержке демократического и рост поддержки коммунистического режима. Согласие с возвратом в коммунистический режим выражает приблизительно каждый шестой гражданин. Столько же соглашается с роспуском парламента, запретом выборов и приходом сильного лидера. Спад позитивных оценок демократического режима на 25–30 процентных пунктов с начала 1990-х годов до наших дней эксперты называют драматическим. Легитимность демократического режима в ЧР в долгосрочной перспективе ослабляется. Негативные взгляды – недоверие политическим институтам, низкая политическая удовлетворенность – являются отражением актуального политического и экономического развития, которое расходится с первоначальными оптимистическими ожиданиями. Их сменила политическая апатия и скептицизм. Чешское общество в начале XXI в. характеризовалось особенно критическим отношением к политическим институтам и высокой степенью отчуждения от политики и нежелания в ней участвовать².

Чешский гражданин в общественном мнении – это послушный по отношению к авторитету правового государства, существующему порядку и политически пассивный человек. Вместе с тем как минимум 3/4 граждан стабильно критикуют правительство, партии и политику. Доля критически настроенных чехов стабильна и в последнее десятилетие неизменна. Уровень избирательного и иного – подписание петиций, число демонстраций и т.п. – политического участия в последние 15 лет существенно не менялся и остается на относительно низком уровне. На этом фоне произошел резкий спад избирательного участия малообразованных людей (с неполным средним образованием) с 74% в 1996 г. до 46% в 2013 г. Большинство протестных движений в Чехии (в отличие от Польши и Венгрии) имело неэкономический характер. Младшее поколение, вырастав-

¹Ibid., s. 28–29.

²Linek L. Zrození snu?

шее и выросшее уже после 1989 г. политикой интересуется также мало, как и его предшественники. Специалисты не ожидают роста интереса к политике в Чешской Республике, и прогнозируют, что формы и уровень политического участия в долгосрочной перспективе будут стагнировать на нынешнем уровне¹.

Исторически для чехов характерна неполитическая форма оппозиции «культурного народа без политиков», когда политическую ответственность берут на себя интеллектуалы с их решительным отрицанием насилия, нравственными и гуманистическими устремлениями. Одним из наиболее известных стало движение за «социализм с человеческим лицом». Именно сфера культуры в чешском мире выполняет важную политическую роль. Понятие «неполитической политики» с ее просветительскими акцентами, расчетом на рациональную аргументацию и воспитанием гражданственности – слагаемое чешского демократизма. Представление о писателе как совести народа для чехов свойственно, как и для русских.

Вместе с тем, чешское общество, как и польское, венгерское, словацкое – общество среднего класса, или средних слоев. Его особенностью является доминирующее положение так называемой культурной буржуазии – тех, кто живут и богатеют главным образом за счет своего образования и квалификации, т.е. культурного, а не экономического капитала. Поэтому получило распространение определение нынешнего центральноевропейского, в том числе чешского общества как «капиталистов без капитализма», одновременно – «демократов без демократии». Что касается либеральной демократии, по сравнению с 1990-ми годами вслед за победой в холодной войне все страны Центральной и Восточной Европы в последние 15 лет, переживают ее выразительный кризис, упадок, удовлетворенность функционированием демократии, как и доверие парламенту и политическим партиям, снижается². Процесс демократизации и маркетизации получил название «политического капитализма». Управление государством по образцу менеджмента фирмой стало спецификой современной Чехии.

Так рассмотренные черты «чешской цивилизации» предопределяют не только чешский путь развития во все времена, в том числе наши, но и общность восточноевропейского пути в целом.

¹Linek L., Císař O. Op.cit., s. 202–203.

²Pospíšilová J., Krulichová E. a kol. Op. cit., s. 89.

Глава 4. СЛОВАКИ

4.1. Социально-структурные изменения

В Словакии, которая стала самостоятельным государством в 1993 г., возникла социальная структура, принципиально отличная от существовавшей до 1989 г. Системная трансформация словацкого общества вызвала процесс его рестратификации, в результате которого появилось новое социальное деление, больше подобное по своим основным элементам, их характеристикам и отношениям системам социальной стратификации западных государств. В Словацкой Республике можно наблюдать все больше признаков новой дифференциации до 1989 г. социально-экономически относительно гомогенного (дестратифицированного) общества. Можно говорить о формировании значительных различий в доходах, имуществе и уровне жизни индивидов, целых групп и категорий населения, о возникновении политико-экономических элит, закрытых по отношению к остальному населению, и, с другой стороны, о возникновении многочисленного низшего общественного класса, состоящего из людей, живущих за счет поддержки государства и благотворительности.

Детерминантой процесса социальной дифференциации словацкого общества и создания новых социальных слоев или классов, как и всей новой системы стратификации, были перемены политической и экономической системы общества после 1989 г. Главными факторами, обусловившими создание новой системы стратификации и новых общественных классов, стали смена коммунистического политического режима на демократический, замена государственной планово-командной экономики рыночной, восстановление частной собственности, либерализация рынка

труда и реформа системы социальной политики государства. В рамках этих перемен важнейшую роль сыграли: большая и малая приватизации, реституция, внедрение иностранных фирм в словацкую экономику, быстрое развитие и подъем некоторых отраслей сектора услуг, угасание многих отраслей промышленности и сельского хозяйства, развитие частного предпринимательства, либерализация цен и оплаты труда, теневая экономика, возникновение и нарастание безработицы, девальвация валюты, инфляция и другие последствия макроэкономического развития.

Эти и другие явления и процессы (реформа системы образования, трудовая миграция за границу, финансово-экономический кризис и т.п.), которые принесла трансформация словацкого общества, вызвали создание или восстановление некоторых (в течение четырех десятилетий в Словакии практически не существовавших) общественно-экономических категорий, как например, предприниматели и крупные предприниматели, безработные и бездомные. Процессы перемен привели к возникновению новых социально-экономических различий и неравенств между людьми и их разделению на новообразованные общественные классы, которые сами после 1989 г. тоже стали детерминантами процессов дифференциации словацкого общества.

С точки зрения изменения системы социальной стратификации в Словакии в течение прошедших двадцати лет важнейшим фактором является трансформация экономической сферы, основой которой стал переход к иным формам собственности, свободному рынку товаров, труда и услуг. Решающее положение заняла частная собственность. Экономическую трансформацию сопровождало изменение отраслевой структуры экономики – некоторые отрасли утратили решающее положение и значение, их заменили другие. Одновременно с трансформацией и переструктурированием экономики принципиально другим стал и рынок труда: спрос на количество и тип работников, позиции в системе занятости, финансовая оценка занятия и профессии и т.п. Преобразование экономики с централизованного планирования на рыночные основы привело к тому, что ранее значительно гомогенизированное по доходам словацкое общество пережило процесс глубокой социальной дифференциации.

Первым значительным результатом экономических перемен было возникновение безработицы, которая выдвинула, в частности, вопрос социального статуса безработных и остальных неработающих. Практически пятая часть всего общества оказалась маргинализированной, что угрожает единству социальной структуры общества и эффективности

социального диалога, сплоченности всех частей общества. Речь не идет лишь о переходной проблеме трансформационного периода, а об одном из проявлений глубокого структурного изменения, которое продолжается несколько десятилетий. Возможности политики занятости ограничивает характерная для Словакии низкая численность рабочих мест и преобладание низкоквалифицированного труда. Количество рабочих мест не удовлетворяет спрос на них и вынуждает людей ориентироваться на индивидуальные стратегии, нередко выходящие за границы легальности. Люди используют теневой рынок труда в стране и в соседних странах либо живут исключительно на социальное пособие. На дне социальной иерархии оказались домохозяйства с низким социально-экономическим положением, которые в 2001 г. составляли 62,4% всех домохозяйств¹.

Усиление социальной дифференциации будет стимулировать требования к качеству и стилю жизни низших и средних слоев. Масштабы и темп этого процесса сейчас трудно предвидеть, поскольку он будет зависеть не только от экономического роста страны, но и от политических решений. Прежде всего, от мер, направленных на действенность принципа распределения по заслугам и социальной справедливости.

После 1989 г. словацкое общество приняло увеличение социальных различий при условии, что обновится принцип социальной справедливости, который тесно связан с принципом оценки по заслугам и с принципом адекватной квалификации выполняемого труда. Однако вскоре обнаружилось первые случаи крупных диспропорций в доходах, имуществе и положении, которые не находились, согласно общественному мнению, в соответствии с названными принципами. Эти принципы были нарушены двояко: со стороны высшего и низшего социальных слоев.

Со стороны высших слоев принцип оценки по заслугам нарушался с начала системных перемен, но в массовом порядке – после принятия концепции формирования «словацкого капиталосозидающего слоя» («slovenska kapitáltvorná vrstva»). С его созданием связаны политические скандалы, подозрения в коррупции и нарушения нравственных основ общественной жизни. Возникающий класс богачей не обладал высокой квалификацией или культурностью, а некоторые из его представителей не имели способностей распорядиться доверенным имуществом. Богатые

¹ Vašečka I. Sociálna stratifikácia a súdržnosť spoločnosti. – Slovensko 2002. Súhrnná správa o stave spoločnosti II. Bratislava., 2002. s. 219.

и успешные освобождали себя от «этоса служения» и ответственности по отношению ко всему обществу.

Принцип оценки по заслугам нарушался и «снизу» в результате отсутствия интереса политической элиты к процессам возникновения массовой крайней бедности, прежде всего, среди цыганского населения. Общественный кризис обострил существующую проблему цыганского населения Словакии. Цыгане в начале 1990-х годов больше всего пострадали от первых мероприятий экономической трансформации, их социальный упадок имел системные причины. В первой половине 1990-х годов безработица среди цыганского населения стала долгосрочной и массовой, приближаясь к 100-процентному уровню. В положение социально исключенных попали многие цыганские семьи, которым перед 1989 г. удалось выбраться из безнадёжной ситуации.

Как принято считать в СР, о развитии социальной структуры словацкого общества с 90-х годов XX века до наших дней имеется недостаточная информация. Не хватает пока комплексного социологического анализа развития и современного состояния социальной дифференциации словацкого общества, который идентифицировал бы главные перемены в системе стратификации в ходе ее трансформации и в посттрансформационный период.

Симптоматично также, что до сих пор осуществленные социологические исследования социальной стратификации и мобильности проектировали, финансировали и осуществляли главным образом иностранные социологи и социологические центры. Лишь отдельные словацкие социологи и экономисты (*Я. Бунчак, В. Гармадиова, И. Ваиешка, Я. Сопоци, Р. Джамбазович, Б. Бузик*) посвятили свои исследования анализу социально-классового положения населения СР и системы стратификации общества.

На основе данных репрезентативных исследований 1984 и 1993 гг., которые проводил Институт социологии АН ЧР в Праге, обнаруживаются некоторые тенденции динамики социального статуса населения Словакии, когда она еще находилась в общем с Чехией государстве¹.

В 1980-е – начале 1990-х годов социальное деление в Словакии складывалось вдоль двух взаимно независимых осей – оси культурного статуса (образовательно-профессиональное измерение и способ проведения сво-

¹ *Tuček M. Zpráva o vývoji sociální struktury české a slovenské společnosti 1945–1993. Praha, 1996, s. 43–45.*

бодного времени) и оси материального статуса (положение в управлении и величина трудовых доходов). До 1993 г. на обеих осях усиливалась тенденция к созданию сильного среднего слоя. Тенденция постепенного усиления среднего слоя продолжалась и впоследствии, но она не проявлялась сбалансировано в обоих статусах – в культурном измерении речь шла о нарастании более чем на 10% (с 33,6% людей в 1984 г. до 44,1% в 1993 г.); в материальном измерении лишь на 5,7% (с 22% в 1984 г. до 27,7% в 1993 г.).

Различная представленность среднего слоя в обоих статусах свидетельствует о неконсистентности (несогласованности) положения среднего слоя в Словакии – в 1984 г. он был больше в количественном отношении представлен на оси культурного статуса, и до 1993 г. это различие далее возросло. То есть очень многие из тех, кто обладал амбициями принадлежности к среднему слою по показателям квалификации и стиля жизни, не нашли условий реализации своих амбиций (не обрели соответствующего положения в деятельности и в управлении, а также адекватного дохода от своего труда). Неконсистентность особенно касалась специалистов, работающих в бюджетных организациях, в которых как правило их квалификация не находилась в соответствии с их трудовыми доходами. Это относилось главным образом к учителям, научным сотрудникам, работникам здравоохранения, культуры, социальных служб и т.п. Доходы этих групп служащих в относительном выражении не изменились. Существовали обратные случаи, прежде всего среди мелких предпринимателей – низший уровень квалификации и стиля жизни при высшем уровне доходов и имущества. Проблема неконсистентности статуса большей части среднего слоя остра как для старших, уже находящихся на пороге выхода на пенсию, так и для молодежи, нуждающейся в материальной стабилизации на уровне своего культурного статуса.

На материальный статус, выраженный в величине трудового дохода, влияет не только отрасль, в которой человек работает. Данные микропереписи 1997 г. свидетельствуют о влиянии образования и демографических факторов. Действует принцип, согласно которому с ростом образования повышается трудовой доход. Однако этот принцип не абсолютен и объем «исключений» подтверждает неконсистентность положения среднего слоя в Словакии. Из домохозяйств, во главе которых лица с высшим образованием, у 26,2% средний доход на душу находится на уровне жизненного минимума. Аналогично при полном среднем общем и полном среднем профессиональном образовании: 42,8% и 42,9% семей. Это обстоятельство

в сильной мере связано с количеством экономически активных членов домохозяйств. Иными словами: чем больше детей в семье, тем ниже средний доход. Семей с пятью и более детей с доходами выше среднего на душу вообще не существует.

Отраслевая принадлежность, число детей и возраст влияли на положение человека в обществе до 1989 г. и продолжают влиять сейчас, хотя степень этого влияния детально не изучена¹.

В 2002 г. проводилось сравнение оснащенности домохозяйств представителей высшего и низшего социоэкономического классов. Полученные данные демонстрируют относительно небольшую социальную удаленность классов в СР.

Незначительные различия существуют в позициях, которые можно считать материальным стандартом в Словакии: утюг, пылесос и телевизор – они есть практически в каждом домохозяйстве. Велосипедом, радио и швейной машинкой владеют в определенной степени представители высшего и низшего классов – эти виды собственности очевидно связаны не с социальной дифференциацией, а скорее с функцией этих предметов (исследование не учитывало их качество). Предметами, владение которыми служит символом принадлежности к высшим классам, как ранее считалось, являются фотоаппарат, личная автомашина, микроволновая печь, в определенной степени электрическая кофеварка, холодильник, автоматическая стиральная машина. Принадлежность скорее к низшим классам символизирует владение садом и классической стиральной машиной. «Символами» высших классов владеет около 40% домохозяйств наинизшего социоэкономического класса.

В 1990-е годы ситуация низших социальных слоев улучшилась в отношении предметов длительного потребления, которые ныне можно считать стандартной составной частью оснащенности семей. Как показали данные, между оснащенностью домохозяйств наивысшего и наинизшего классов не существует больших различий, но они начинают расти. Рост дифференциации является результатом снижения надстандартных потребительских возможностей домохозяйств низшего социального положения и стагнации возможностей домохозяйств высшего положения. По существующим оценкам словацких социологов, это служит источником представления, распространенного среди 70% опрошенных, что «при

¹ Vašečka I. Sociálna stratifikácia a súdržnosť spoločnosti, s. 221.

коммунизме жилось лучше»¹. Сохранение ситуации, когда материальное оснащение значительной части среднего слоя лишь минимально отличается от положения низших слоев, в перспективе помешает средним слоям взять на себя роль гаранта в системе социальной солидарности и стабилизатора в политической системе.

При поиске ответов на вопросы, как изменилась система социальной стратификации, число каких социальных классов нарастало, а каких уменьшилось, изменилась ли взаимосвязь половой принадлежности и социального положения, а также различается ли сознание, ценности, установки, поведение и стиль жизни представителей этих классов, являются ли они потенциальными социальными классами со специфическими характеристиками и чертами, формирующими классовую идентичность, словацкие авторы опираются на данные социологических исследований социальной стратификации, осуществленных в Словакии в 1993 – 2010 гг. Это «Социальная стратификация в Восточной Европе после 1989 г.» (4953 респондентов), ISSP (International Social Survey Programme), Социальные неравенства 2001 (1082 респондентов), ISSP в Словакии 2006 – 2008 гг. (1138 респондентов), ISSP Словакия 2009 – 2010 гг. (1159 респондентов).

Отдельные слои или классы идентифицировались как правило на основе использования классовой схемы EGP (по именам авторов: *Эриксон, Голдтрон, Портокаро*) или иерархической модели социальной стратификации, основу которой составляли категории занятости или дохода². При классификации занятости словацкие авторы используют также международный индекс социально-экономического профессионального статуса ISEI (International Socio-economic Index of Occupations). Индекс ISEI можно интерпретировать как показатель социально-экономического положения индивидов, выполняющих данную профессиональную

¹ Krajina v pohybe. Správa o politických názoroch a hodnotách ľuďi na Slovensku. Bratislava, 2001, s. 22.

² Концепция, созданная и эмпирически протестированная Дж. Голдтропом и его коллегами в последние десятилетия стала наиболее часто используемой в изучении социальной стратификации и мобильности в Европе. Три основных категории классов, которые Голдтрон вычленил в своей классификации – сервисный, промежуточный и рабочий класс. Сервисный класс включает собственников и несобственников средств производства, но только тех, которые заняты нефизическим трудом («белые воротнички»), и считается классом наиболее престижным. Промежуточный класс – смешанный с двух точек зрения: он включает собственников и несобственников средств производства и профессии физического и нефизического труда («синие» и «белые воротнички»). Рабочий класс объединяет лишь занятых физическим трудом несобственников средств производства.

деятельность. Позиция индивидов в системе стратификации определяется и на основе субъективной оценки собственного социального положения, т.е. самоопределения индивидов. Вопрос как правило звучал следующим образом: «Наше общество делится на различные общественные классы – высший, средний, низший. Куда бы Вы на следующей 10-ступенчатой шкале, выражающей общественную позицию, поместили себя, если 10-ая ступень представляет высшее, а 1-ая ступень низшее положение в обществе?».

Исследовалась социальная дифференциация экономически активного населения с точки зрения деления на шесть категорий EGP: сервисный класс, рутинные нефизические служащие, экономически самостоятельные – крупные и мелкие собственники и фермеры, квалифицированные рабочие и мастера, низкоквалифицированные рабочие и сельскохозяйственные рабочие. Данные, касающиеся 1983 и 1988 гг., получены в форме ретроспективных вопросов, раскрывающих ситуацию респондента в то время.

До 1989 г. в системе стратификации словацкого общества численно доминировал социальный класс квалифицированных рабочих и мастеров. Второй в количественном отношении социальный класс представлял сервисный класс (высококвалифицированные специалисты, ведущие и управленческие работники) и третий класс – низкоквалифицированные или неквалифицированные рабочие. Четвертым по численности был класс рутинных нефизических работников, пятым – сельскохозяйственные рабочие и меньше всего был класс экономически самостоятельных – людей свободных профессий. Подобное стратификационное устройство существовало и на первом этапе общественных перемен после ноября 1989 г. На этом этапе начал обновляться или создаваться новый социальный класс экономически самостоятельных, который часто именуется «предпринимателями»¹.

С 2001 г. в системе социальной стратификации наблюдаются значительные перемены, вызванные структурными сдвигами в словацкой экономике, которые во многом обусловлены переходом к постиндустриальной стадии ее развития. Квалифицированные рабочие и мастера перестали быть самой многочисленной социальной категорией. Наиболее представительной в количественном отношении группой стали рутинные служащие, занятые нефизическим трудом, и рабочие с низким уровнем квалификации или без квалификации.

¹ Bunčák J., Džambazovič R., Hrabovská A., Sopóci J. K niektorým otázkam sociálnej stratifikácie slovenskej spoločnosti. – Sociológia. 2011. № 5.

Таблица 1

Динамика существовавших категорий ЕРР в 1983 – 2009 гг. (в %)

Категории ЕРР	1983	1988	1993	2001	2008	2009
Сервисный класс	24,4	25,9	27,0	23,8	21,5	21,5
Рутинные нефизические	14,3	14,6	14,6	24,0	21,0	18,3
Самостоятельные	0,4	0,4	2,5	6,9	10,5	10,2
Квалифицированные рабочие и мастера	27,3	27,9	27,4	16,9	16,3	14,1
Низкоквалифицированные рабочие	25,6	24,4	21,7	24,9	26,0	30,2
Сельскохозяйственные рабочие	7,9	6,9	6,8	4,0	4,7	5,6

Значительно повысилась доля экономически самостоятельных, которые количественно резко превосходили сельскохозяйственных рабочих. Снизилась доля представителей сервисного класса, однако наиболее ощутимым был спад представительства квалифицированных рабочих и мастеров – их доля с 1988 г. сократилась примерно на половину. Эта динамика связана с упадком традиционной тяжелой промышленности в Словакии, но также с модернизацией производства и развитием отраслей торговли и услуг. Хотя в этот период постоянно росла численность студентов, повышение образовательного уровня населения не привело к росту социально-экономического статуса реально выполняемых занятий и видов производственной деятельности. По сравнению с 1988 г. снизилась и доля людей, работающих в сельском хозяйстве. Падение численности занятых в сельском хозяйстве было так велико, что она оказалась на границе измеримости методом случайной репрезентативной выборки.

Проанализированные данные подтверждают, что отдельные социальные категории не являются нейтральными в отношении половой структуры населения. Традиционно мужской категорией являются квалифицированные рабочие и мастера. Спад спроса на квалифицированных рабочих на рынке труда затронул в гораздо большей мере мужскую, чем женскую часть населения. Доминирующей женской категорией остаются рутинные нефизические служащие – здесь сосредоточено около 30% всех

работающих женщин. Рассматриваемые годы отличаются значительной волатильностью доли этой категории, что может указывать на высокую степень подвижности в занятиях, принадлежащих к ней, иными словами, на низкую степень стабильности занятости в этом ее женском сегменте.

Доля мужчин в категории экономически самостоятельных (около 14%) вдвое превышает долю экономически самостоятельных женщин (примерно 7%). Между представителями мужчин и женщин в сервисном классе в целом небольшое различие. Это следует из довольно широкого определения сервисного класса, в который входят практически все специалисты с высшим образованием. Высокий уровень представленности женщин-специалисток в образовании, здравоохранении, но также в сфере финансовых услуг выравнивает долю женщин в этой категории, в значительной мере сглаживая дифференциацию мужчин и женщин в иерархии управления.

О величине и динамике дистанций между категориями социальной дифференциации можно судить по различиям в доходах. Динамика доходов с 1993 по 2009 гг. следует из показателей чистых месячных доходов мужчин и женщин. Основная тенденция развития в этой области в случае мужчин и женщин одинаковая и свидетельствует о постоянном росте дифференциации доходов. Если в 1993 г. низкоквалифицированные рабочие-мужчины обладали доходами, которые в среднем составляли 73% доходов мужчин из сервисного класса, в 2009 г. они составляли уже всего 62% их доходов. Подобное изменение обнаруживается и в доходах женщин: доходы низкоквалифицированных работниц в 1993 г. составляли в среднем 76% доходов представительниц сервисного класса, а в 2009 г. – уже 66%. Исследования после 1993 г. однозначно подтверждают более быстрый рост доходов в высших категориях классификации EGP и более медленный рост доходов в низших категориях. Повышение доходов ускорилося по данным последних исследований, что подтверждает их достоверность, поскольку реальные доходы в Словакии начали значительно расти после 2005 г.

Особую категорию с точки зрения доходов образуют экономически самостоятельные. Если в остальных категориях EGP наблюдается лишь постепенный рост доходов, экономически самостоятельные по величине своего дохода значительно отделились от остальных категорий уже во второй половине 1990-х годов. В 2001 г. респонденты из этой категории признали примерно тройное превышение месячных доходов по сравнению с представителями другой наиболее высокооплачиваемой категории – сер-

висным классом. В последующие годы, однако, различия в доходах самых высокооплачиваемых категорий EGP постепенно уменьшались.

Хотя в 1993–2009 гг. динамика доходов женщин в целом повторяла динамику доходов мужчин, существовало гораздо более низкое повышение доходов женщин из сервисного класса и у рутинных нефизических служащих между 2008 и 2009 гг. Можно предположить, что это связано с экономическим кризисом: женщины в этих категориях почувствовали результаты кризиса более остро, чем мужчины. В целом величина доходов женщин составляет примерно 70% величины доходов мужчин.

Другой показатель социального положения, проанализированный в связи с категоризацией EGP, это индекс социально-экономического статуса занятия ISEI. В исследованиях словацких авторов этот индекс достигал величины от 16 до 90. Значения индекса ISEI подтверждают рост социальной дифференциации, в которой уменьшается дистанция социального престижа экономически самостоятельных от сервисного класса и углубляется отступ этих категорий от категорий рабочих. В рамках рабочих категорий наблюдается сближение социального престижа квалифицированных рабочих и мастеров и престижа рабочих с низким уровнем квалификации. Параллельно повышается дистанция обеих этих категорий от сельскохозяйственных рабочих.

Наконец, проанализировано самоопределение респондентов в социальной иерархии общества по десятиступенчатой шкале. Средние значения самоопределения представителей всех категорий в 2009 г. колебались в небольшом промежутке от 5,5 до 4,0 – по сравнению с 2001 г. сократившемся (колебались в промежутке от 6,1 до 3,5). Однако и в этом небольшом промежутке обнаруживается субъективное подтверждение различий, полученных при измерении классификации EGP и индекса ISEI. Как и в случае величины дохода, исключение составляет категория самостоятельных. В 2001 г. она достигла наивысшей величины (среднее значение 6,1), в 2009 г. – в среднем, как и у представителей сервисного класса (5,5).

Совокупный обзор значений индекса ISEI, заработков и самоопределения на десятиступенчатой шкале представлен в табл. 2. Полученные значения позволяют констатировать высокую степень сходства и взаимного подтверждения этих индикаторов положения в общественной иерархии.

В современной системе социальной стратификации высшее положение заняли сервисный класс и экономически самостоятельные, предприниматели. От остальных категорий они значительно отличаются величиной дохода, и респонденты, входящие в эти категории, сами помещают

Таблица 2

**Индекс ISEI, месячный доход и самоопределение респондентов
в категориях EGP в 2009 г.**

Категории EGP	ISEI	Чистый месячный доход (в %)	Самоопределение
Сервисный класс	55,8	100,0	5,5
Рутинные нефизические	41,3	72,0	4,7
Самостоятельные	43,7	123,5	5,5
Квалифицированные рабочие и мастера	32,2	77,4	4,4
Низкоквалифицированные рабочие	27,4	65,0	4,0
Сельскохозяйственные рабочие	20,1	63,3	4,1

себя на высшие позиции общественной иерархии. Положение рутинных нефизических служащих сильно обусловлено большой долей женщин в этой категории, что сопровождается низким среднемесячным доходом этой категории. В категориях низкоквалифицированных и сельскохозяйственных рабочих доход колеблется около уровня минимальной оплаты труда.

Итак, на высший уровень сервисного класса, состоящего из высококвалифицированных специалистов и менеджеров, продвинулась социальная категория экономически самостоятельных, подъем которой был наиболее значительным коллективным подъемом в 1990-е годы. Социальное положение категории квалифицированных рабочих и мастеров приблизилось к положению рабочих с низкой квалификацией или без квалификации. Специалистами также обнаружены частые переходы из категории высококвалифицированных в категорию низкоквалифицированных рабочих.

Результаты социологических исследований подтверждают тенденцию углубления социальной дифференциации. Вместе с тем дифференциация развивается постепенно: средний доход категории с высшими доходами (самостоятельные) в 2009 г. менее чем вдвое превосходил средний доход в категории с низшими доходами (сельскохозяйственные рабочие). Еще медленнее растут различия между категориями EGP в значениях ISEI.

Сохраняется значительная половая дифференциация социального положения. Различие между мужчинами и женщинами имеет большее влияние на величину дохода, чем принадлежность к категориям EGP. Остаются большие различия между полами, прежде всего в принадлежности к категории рутинных нефизических служащих, которая является отчетливой женской категорией. Высокая волатильность доходов и значений индекса ISEI в этой категории указывает на низкую стабильность занятости и социального положения женщин.

Между основными классами – сервисным, промежуточным и рабочим – существуют области сходства и области различий во взглядах, убеждениях и поведении в различных сферах жизни. Области сходства трех основных классов классификации EGP по данным исследования ISSP 2009–2010 являются следующие: рефлексия образа социальной стратификации, оценка актуальных общественных проблем, оценка решающих факторов успеха индивида в жизни, взгляды на степень социальной справедливости и равенства жизненных шансов в словацком обществе.

Восприятие современной формы социальной стратификации словацкого общества населением в значительной мере соответствует ее объективной форме: 82,5% респондентов убеждены, что в настоящее время в Словакии существуют типы распределения, напоминающие пирамиды с минимальным количеством людей на вершине, небольшим количеством людей в середине и большинством людей на низших уровнях. Население СР предпочитает усиление представленности средних и высших классов в модели социальной стратификации словацкого общества. Между отдельными социально-демографическими, социально-экономическими и другими категориями населения при оценке современной и желательной формы социальной стратификации не существует значительных различий.

При оценке отдельных актуальных общественных проблем явное большинство респондентов важнейшими проблемами словацкого общества назвало здравоохранение, бедность, экономику и преступность. То есть жители Словакии выше всего оценивают те проблемы, которые прямо или непрямо обусловлены экономическим развитием общества и его социальными последствиями. Остальные проблемы (образование, окружающая среда, эмиграция, терроризм) считает важнейшими лишь небольшая часть населения.

Представители главных классов не отличаются значительно и в оценке решающих факторов успеха человека. Из 14 очень разнородных факторов, важность которых с точки зрения достижения успеха в жизни оценива-

лась респондентами, главными назвали позитивные личностные качества и характеристики (усердная работа, честность, амбициозность, хорошее образование), но также и социальные умения (знакомства, политические связи). Последние считаются неэтичными и нарушающими принципы справедливости, однако в современном словацком обществе они часто являются фактором успеха людей в жизни. Сравнение оценки факторов аскриптивного и производительного характера – т.е. богатство родителей, образование родителей, пол или усердный труд, честность, решимость уехать работать за границу – показало, что словацкие граждане считают производительные факторы достижения успеха в жизни более важными.

По восприятию социальной справедливости жителей СР можно разделить приблизительно на три категории. Около четверти из них не имеет отчетливого представления о степени социальной справедливости в словацком обществе. Те люди, у которых есть определенное представление по этому вопросу, делятся на две примерно равные в количественном отношении категории: половина думает, что в Словакии существует равенство шансов достижения успеха в жизни, и другая половина придерживается противоположного мнения.

Три основных класса различаются между собой в следующих сферах: оценка справедливости неравенств доходов в словацком обществе, взгляды на причины бедности, виды деятельности, осуществляемые с целью повышения уровня жизни.

Существующие различия в доходах и разные возможности людей с более низкими и более высокими доходами критичней оценивают бедные люди, располагающиеся на нижних позициях в системе стратификации, люди с низким уровнем образования, с левой политико-идеологической ориентацией, члены профсоюзов, служащие и ремесленники. Менее критически, т.е. позитивней их оценивают предприниматели, богатые, находящиеся на высших позициях в системе социальной стратификации, более образованные люди и люди с правой политико-идеологической ориентацией.

Профессии преимущественно физического труда, не требующие высшего образования и квалификации, считают материально недооцененными прежде всего люди с низким образованием, низким общественным положением, бедные, жители села. Напротив, люди с высшим образованием, высокими доходами, принадлежащие к высшим общественным классам чаще считают недооцененными те профессии, которые требуют квалификации, в которых преобладает духовная или управленческая де-

тельность, требующие большей ответственности и общественно более значимые, – большинство же считает их переоцененными.

Треть сервисного класса зарабатывает сколько заслужило, но в промежуточном и рабочем классе так думает лишь каждый пятый. Зарабатывает меньше, чем заслужили, 65% в сервисном классе и по 75% в промежуточном и рабочем классах. Представители сервисного класса оценили степень справедливости оплаты своего труда выше всего, а рабочего – ниже всего.

Большинство населения страны считает важнейшей причиной бедности несправедливость, существующую в обществе. Индивидуальные причины бедности – лень, недостаток твердой воли или везения – называет важнейшими лишь треть словацких граждан. В рабочем классе 58% считает важнейшими причинами бедности общественные и 34% – индивидуальные, в промежуточном и сервисном классах соответственно 52% : 39% и 49% : 36%. 62% опрошенных (в большинстве своем представителей низших классов) указывает, что правительство должно больше думать о бедных и лишь 37,8% (преимущественно средний и высший классы) – о среднем классе.

Таблица 3

Виды деятельности, выполняемые с целью повышения уровня жизни (в %)

Деятельность	Доля реализующих в сервисном классе	Доля реализующих в промежуточном классе	Доля реализующих в рабочем классе
Упорный труд	74,5	59,2	54,2
Образование, изучение иностранных языков	73,1	35,7	21,6
Экономия, инвестирование	54,2	38,0	35,1
Поиск полезных зна-комств	41,2	28,6	26,9
Инновации, рационализаторство	30,8	15,8	9,0
Работа за границей	14,6	14,7	15,5
Предпринимательство	21,5	11,3	2,1

Высокой оценке факторов успеха в жизни, таких как упорный труд, амбициозность, честолюбие и хорошее образование, отвечает предпочтение упорного труда и образования как видов деятельности, посредством которых большинство населения стремится повысить свой уровень жизни. Деятельность по поиску полезных знакомств и контактов не соответствует высокой оценке значения таких факторов успеха в жизни, как знакомства и политические связи.

Таким образом, представители основных социальных групп Словакии отличаются своими взглядами на некоторые социально-экономические вопросы и способы решения этих вопросов. Они различаются и в подходах к собственной экономической ситуации, а значит и по образу жизни и культуре. Эти группы могут стать и уже становятся реальными социальными классами изменяющегося словацкого общества.

4.2. Общество на пути либеральной модернизации

Неоспоримый факт – ускоренная индустриализация Словакии пришлось на период реального социализма. После окончания Второй мировой войны словацкое общество оставалось преимущественно аграрным, сельским, т.е. сохраняло «досовременный» облик. В 1948 г. в сельском хозяйстве было занято свыше 60% экономически активного населения. К 1963–1964 гг. восточные регионы Чехословакии превратились в индустриально-аграрные. Это означает, что занятость в промышленности тогда впервые превысила сельскохозяйственную¹. В 1970-е годы доля аграрного сектора снизилась до менее 20%. За годы социалистической индустриализации как основы модерн-проекта советского типа республика совершила долгожданный рывок в развитии – больший, чем за многие предшествующие исторические этапы. По показателям структуры народного хозяйства ей удалось преодолеть отставание от промышленно развитых Чешских земель в 50–80 лет, существовавшее в первые послевоенные годы. В течение довольно короткого времени Словакия достигла и перевеса городского населения над сельским, хотя темп урбанизации был ниже по сравнению с индустриализацией. В 1950 г. доля горожан составляла 26,2%, в 1970 г.

¹ *Londák M. Ekonomika na Slovensku po štyridsiatich rokoch komunizmu. – 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja. Bratislava, 2013, s. 200.*

– 37,0%, в 1980 г., наконец, преодолела границу 50%¹. Цивилизационные сдвиги происходили в атмосфере массового созидательного настроя².

Социалистическая или индустриальная модернизация основывалась на политике полной занятости, нивелизации оплаты труда, позитивной дискриминации нижних слоев в сфере образования. Заработок не предопределял, как раньше, положение в общественной иерархии, его важным фактором стал значительно возросший уровень образования населения. По переписи 1980 г. в категории 25–29-летних лишь каждый четвертый гражданин Словакии обладал неполным (восьмилетним) средним образованием, тогда как у людей старше 60 лет – свыше 80%³. В первом, а особенно во втором послевоенном поколении сформировались многочисленные средние и высшие слои словацкого общества. Вскоре после следующей смены систем, в 1993 г., к этим группам принадлежало 44% экономически активного населения, тогда как в 1967 г. – 29%⁴.

Оценивая в самом начале нового века различные периоды современной истории страны, словацкие граждане отдали приоритет 1970–1980-м годам (период «нормализации») и позитивно охарактеризовали 1960-е годы. Наиболее критически они отнеслись к текущему периоду развития⁵: к этому времени реальный капитализм успел продемонстрировать им свою слабую привлекательность⁶. Иначе формировалось отношение людей к реальному социализму. Действительно, большинство словацкого общества (в отличие от чешского), главным образом сельские жители, изначально не было расположено к социалистическому проекту модернизации с характерной коллективистской и уравнилительной идеологией. Но по мере его осуществления и как результат постепенного преодоления периферийного положения страны в современной цивилизации, с ним отождествилось. В сознании значительной части словацкого

¹Strapcová K. Sociálny status a vzdelanostná mobilita na Slovensku v povojnových rokoch 1948–1989. – Triedy a stratifikácia v sociálnej zmene Slovenska. Bratislava, 2008, s. 66.

²Lipták L. Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 1998, s. 317–318. См. также: Коровицына Н. С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М., 2003.

³Strapcová K. Sociálny status..., s. 78.

⁴Bunčák J., Džambazovič R., Sopóci J. Vývoj sociálnej stratifikácie slovenskej spoločnosti v posledných dvoch desaťročiach. – 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky, s. 591.

⁵Пекник М., Плавкова О. Особенности формирования исторического сознания граждан Словакии. – Восточноевропейские исследования. Международный журнал по социальным и гуманитарным наукам, 2007, № 6, с. 103–104.

⁶Kde sme? Mentálne mapy Slovenska. Bratislava, 2010, s. 9.

общества период 1948–1989 гг. тесно связан с улучшением социального положения и ростом личного благосостояния. Поэтому при демонтаже прежней системы и ее трансформации антикоммунистический дискурс в словацком обществе явно не преобладал.

Либеральная (посткоммунистическая и постиндустриальная) модернизация общества в Словакии, как и Центральной и Восточной Европе в целом, преследовала цель перехода к западной – демократической – цивилизационной модели (вестернизации). «Бархатные» революции (и последующие «цветные») осуществлялись в интересах не отдельных классов, а развития гражданского общества и перехода к рыночной экономике в недавнем прошлом преимущественно традиционных обществ восточноевропейского типа¹. Речь шла, прежде всего, об их модернизации политической. Однако при этом подразумевалась полная трансформация жизненных основ, культуры и менталитета народов региона². Сущность и результаты этих глубинных процессов, продолжающихся уже четверть века, а в Словацкой Республике (СР) – в течение четвертьвековой истории самостоятельного государства, раскрывают проведенные в стране конкретные социоэмпирические исследования по завершении поколенческого цикла перемен. По сути, главный вывод специалистов звучит на первый взгляд неожиданно: «Словакия и в XXI в. остается социально консервативной и преимущественно сельской страной. ...Поэтому здесь невозможно в XXI в. создать радикально несельское и космополитичное общество»³. С течением времени развеялись и иллюзии реформаторов о цивилизационных сдвигах в результате естественной смены поколений⁴,

¹ Специфика развития национальных сегментов словацкого общества, прежде всего венгерского (около 10% населения страны) находится за пределами рассмотрения в данной статье. Однако с большой долей уверенности можно утверждать, что общие тенденции либеральной модернизации, как и социалистической, преобладали над их национально-особенными чертами.

² Новую модель модернизации от предшествующей, которую принято считать консервативной, отличала ориентация не столько на материальную, сколько на духовную сторону общественной жизни. См.: Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. Стремление изменить «ментальное устройство» большинства словацкого общества продолжает и поныне восприниматься некоторыми сторонниками и проводниками вестернизации страны как ключевая проблема ее развития. См.: Kde sme? S. 12.

³ Buzalka J. Od štátu slovenského národa k multietnickej demokracii? – Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti. Bratislava, 2013, s. 164.

⁴ Bútorová Z. Ako chutí slovenská samostatnosť: peripetie a paradox vývoja verejnej mienky. – Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti, s. 144.

возможно, именно в Словакии особенно безнадёжные. Более того, многие проблемы консолидации демократии и даже ее регресс оказались следствием уже не только «наследия прошлого», но и самой неолиберальной трансформации¹.

Еще в межвоенной Чехословакии существовало представление о словацком народе как гомогенной коллективности, не обладающей отчетливой социальной и политической дифференциацией. В значительной мере это было обусловлено характером социальной структуры словацкого общества, довольно низким уровнем его образования и благосостояния, слабой традицией гражданского общества в западном понимании. Однако в отличие от западноевропейских стран в Словакии и большинстве других «новых демократий» и после 1989 г. партийные структуры продолжали формироваться на основе политизации культурных или ценностных, а не социально-структурных различий. «Словацкие интересы» долгое время представляла католическая и национально-ориентированная Глинковская словацкая народная партия (ГСНП; в период Словацкого государства 1939–1945 гг. именовавшаяся ГСНП – Партия словацкого народного единства), или «людаки», после Второй мировой войны – национально-ориентированные коммунисты, а в 90-е годы XX в. – партия Движение за демократическую Словакию (ДЗДС) во главе с премьер-министром В. Мечъяром.

Уже в самом начале либеральных реформ понятие «экономическая трансформация» воспринималось весьма различно словаками и чехами. В 1992 г. две трети словацких граждан высказали неудовлетворенность происходившими после 1989 г. переменами. Ровно столько же успело ощутить снижение своего уровня жизни². Так возникла массовая основа раздела федеративной Чехо-Словакии политическими элитами обеих республик в 1993 г., хотя большинство словацкого населения не стремилось к полноценной государственности, по меньшей мере в силу «врожденного консерватизма» (Я. Рыхлик). Возникавшие в словацком обществе в 1990-е годы конфликтные линии в вопросах отношения к политическому режиму и его внешнеполитической направленности в условиях «мечьяризма» вылились в основное противостояние сторонников двух различных вер-

¹ Marušiak J. Už nie Východ – ešte nie Západ? Slovanská politika po roku 1993 medzi tradíciou a súčasnosťou. – 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky, s. 377.

² Krivý V. Štátoprávne postoje a predstavy verejnosti na Slovensku v roku 1992. – 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky, s. 135.

сий модернизации. Одна из них – консервативно-национальная, или так называемый словацкий путь трансформации, по характеру полуавторитарная и неотрадиционалистская. Другая – вестернизаторская, либерально-демократическая¹. Первая ставила под сомнение «генеральную линию» посткоммунистической модернизации – прозападную цивилизационную ориентацию Словакии.

Поляризация взглядов в вопросе направленности развития СР остро обозначилась в период 1994–1998 гг., когда страна, как говорили, «отклонилась» в своем развитии от траектории других центральноевропейских стран (Чехии, Польши, Венгрии). Противоборство двух главных, скорее культурно-политических, линий – «мечьяризма» (его называли «нелиберальной демократией») и «антимечьяризма» – на парламентских выборах 1998 г. в условиях значительной электоральной мобилизации (через оппозиционные политические партии, неправительственные организации и СМИ) завершилось победой либерально-демократического блока. Для Словакии это был второй революционный сдвиг, равный по значению событиям 1989 г. Последовал новый этап общественной трансформации, смысл которого сводился к «усилению стандартных принципов рыночной экономики»². В следующий переломный момент современной истории СР – 2002 г. – широкую правительственную коалицию, находившуюся у власти с 1998 г., сменило правительство правоцентристских сил. Оно проводило политику глубоких экономических и социальных реформ вплоть до 2006 г., осуществив в этот период евроинтеграцию страны одновременно с остальными участниками ее «первого эшелона». Тогда же с десятилетним запозданием Словакия была переведена на «рыночные рельсы» через экспансию иностранного капитала. В 2002–2006 гг. некоторые регионы страны, прежде всего западные, радикально изменили свой внешний облик, а словацкое общество – структуру и принципы существования. Не сразу, но год от году все больше свое место в трансформированной общественной системе осознали представители новых групп и слоев, что привело к важному сдвигу в их электоральном поведении. Однако какие же реальные социальные процессы, составляющие сущность пост-

¹ *Marušiak J.* Konzervatívni komunisti, modernisticki konzervatívci. Konzervatívny diskurs na Slovensku v prvej polovici 90. rokov 20. Storočia. – *Za zrkadlom politiky*. Bratislava, 2010, s. 199.

² *Morvay K.* Stratégia a priebeh ekonomickj transformácie na Slovensku. – *Economický časopis*, 2005, № 3, s. 6.

коммунистической модернизации словацкого общества, этому сдвигу непосредственно предшествовали?

Так называемая реструктуризация экономики страны привела к возникновению категории экономически самостоятельных, т.е. преимущественно мелких, частных предпринимателей, прежде почти отсутствовавшей в стране. В период форсированных либеральных реформ рост их численности значительно ускорился, особенно в среде в наибольшей степени «выигравшей» от них образованной братиславской молодежи. Но и до начала этих реформ, в 2001 г., эта группа уже декларировала второе более высокий уровень доходов по сравнению с сервисным классом, к которому относят высококвалифицированных специалистов и управленцев. Их представленность среди населения, напротив, снизилась. Увеличение различий между группой «самостоятельных» и остальным обществом явилось главной тенденцией социальной динамики в СР на протяжении всего рассматриваемого периода. Другой важнейший структурный процесс заключался в том, что наполовину сократилась доля квалифицированных рабочих и мастеров, доминировавшая в социалистической экономике. Теперь эту роль приняли на себя низкоквалифицированные рабочие, ряды которых пополнились за счет квалифицированных (индустриальная занятость в СР, как и ЧР, продолжает превосходить средние показатели по ЕС примерно на 10%). Из части прежнего рабочего класса сформировался «андеркласс» или маргинализированные слои населения, существующие за счет поддержки государства. В Словакии, как и Чехии, их называют «неприспособившимися».

Переход к рыночной экономике сопровождался распадом крестьянских кооперативов, но и постоянным уменьшением числа единоличных крестьян. В результате в полусельской Словакии произошло падение занятости в сельском хозяйстве с 14,4% в 1989 г. до 3,1% в 2011 г. (ниже среднего по ЕС и соседним странам)¹. Это уже угрожает самому существованию аграрного производства как традиционной сферы занятости населения страны. Снижение числа рабочих и крестьян является причиной стремительного роста в недавнем прошлом несуществовавшей в стране безработицы. С самого начала 1990-х годов Словакия принадлежит к числу европейских государств с высшим уровнем безработицы, а с 2003 г.

¹ Bunčák J., Džambazovič R., Hrabovská A., Sopóci J. Sociálne nerovnosti: storočie zmien. – Ako sa mení slovenská spoločnosť. Bratislava, 2013, s. 50.

сохраняет первенство по количеству долговременно (свыше года) безработных. Оно достигает сейчас 60% всех безработных или 8,6% экономически активных¹. Речь идет о людях, вероятно, навсегда исключенных из общественной жизни, их особенно много в восточных и южных регионах страны. Наконец, за годы реформ не регистрировалось значительных позитивных перемен в структуре сложности труда. Но нарастало, хотя и довольно невысокими темпами, минимальное на рубеже 1980–1990-х годов неравенство трудящихся в доходах (оно все еще меньше по сравнению со странами региона и среднего по ЕС)².

Нынешняя модель социальной стратификации словацкого общества напоминает пирамиду с мощным основанием из нижних слоев (их доля относительно стабилизировалась), невыразительной серединой и минимальной верхней частью. Она не соответствует западноевропейской модели с характерным доминированием среднего класса³. В Словакии этот класс характеризуется слабой представленностью и влиянием в обществе, за годы либеральных преобразований по уровню доходов и престижности труда он был «опущен» на уровень нижних слоев. Неудивительно, что сложившаяся после 1989 г. в СР система социальной стратификации получила определение «темной стороны ее постсоциалистической трансформации»⁴. В целом, после 1989 г. в стране возникли такие виды социальных неравенств, которые были ей в предшествующие десятилетия неизвестны, а нисходящая мобильность преобладала над восходящей, что формировало соответствующий общественный настрой⁵.

Возросший за последнюю четверть века в Словакии масштаб и изменившийся профиль бедности (она теперь предопределяется не демографическими показателями, особенно семейным положением, а положением на рынке труда) все больше воспринимались людьми как несправедливые и незаслуженные. Согласно данным 1999 и 2010 гг., словаки, как и другие

¹ Tieňová správa o chudobe a sociálnom vylúčení v Slovenskej republike. Bratislava, 2012, s. 17.

² Bunčák J., Džambazovič R. Statusové a príjmové nerovnosti ekonomicky aktívnych obyvateľov Slovenska. Analýza výsledkov sociologických výskumov. – Desaťročia premien slovenskej spoločnosti. Bratislava, 2011, s. 218.

³ Džambazovič R. Rôzne podoby chudoby na Slovensku. – Chudoba v slovenskej spoločnosti a vzťah slovenskej spoločnosti k chudobe. Bratislava, 2006, s. 110.

⁴ Sopóci J. Nová podoba sociálnej stratifikácie – odvrátená tvar postsocialistickej transformácie Slovenska. – Sociálna patológia optikou sociologického skúmania. Bratislava, 2013.

⁵ Bunčák J., Džambazovič R., Hrabovská A., Sopóci J. Sociálne nerovnosti na Slovensku. Bratislava, 2011.

народы региона, видели причины бедности скорее в социальных факторах, а уже не индивидуальных, как в 1991 г.¹ Свыше 90% населения расценивает сложившиеся различия в доходах как слишком большие, и свыше трех четвертей желает их снижения. Большинство общества, долгое время остававшегося сельским и не так давно индустриализированного, где поныне сохраняется значительная доля нижних слоев и преобладание спроса на работников ручного труда, считает материально переоцениваемыми профессии высококвалифицированного, управленческого труда и недооцениваемыми – профессии преимущественно физического, рутинного труда².

Посткоммунистическая модернизация имеет и демографическое измерение. Оно заключается не только в превращении рассматриваемой группы стран уже в первое десятилетие после 1989 г. в регион с естественной убылью населения, а особенно после вступления в ЕС в 2004 г. – и с массовой миграцией за рубеж. Именно усилением социальных различий и появлением «проигравших» от смены общественной системы групп общества в Словакии, как и соседних с ней странах, объясняется отчетливое к началу нового века становление здесь новой модели воспроизводственного и семейного поведения. Оно выразилось, в первую очередь, в ослаблении связи между браком и рождением детей или стремительном росте доли внебрачных детей. В течение многих лет во второй половине XX в. этот показатель держался в Словакии на уровне 5–7%, но в 2011 г. достиг 34% всех рожденных детей. Перемены концентрировались в среде людей с низким социальным статусом³. Демографическое поведение высокообразованных женщин при этом по-прежнему характеризуется как «традиционное»⁴. У них по состоянию на 2009 г. всего 18% первых детей рождалось вне брака, тогда как у женщин с неполным средним образованием – 80%⁵.

В Словакии особенно отчетливо проступила связь феномена «свободного материнства» (и общего снижения количества браков и рождений),

¹ Strapcová K. Vnímanie príčin chudoby na Slovensku. – Chudoba v slovenskej..., s. 265.

² Bunčák J., Džambazovič R., Hrabovská A., Sopóci J. Sociálne nerovnosti: storočie zmien, s. 77, 79.

³ Potančoková M. Rodina a životné dráhy mladých dospelých. – Ako sa mení slovenská spoločnosť, s. 109.

⁴ Džambazovič R. Rodinné správanie v demografických dátach. Bratislava, 2012, s. 32.

⁵ Potančoková M. Zmena reprodukčného správania populácie Slovenska po roku 1989: trendy, príčiny a dôsledky. – Desiat'ročia premien slovenskej spoločnosti, s. 56.

не с наступлением второго демографического перехода в результате смены системы ценностей, как за два десятилетия до этого в Западной Европе, а со спецификой социальных перемен в годы реформ. Словакия (в отличие от Чехии) находится к востоку от так называемой линии Гайнала, уже несколько столетий разделяющей европейский континент на два исторических типа семейного поведения, характерных для аграрного востока и индустриального запада. Восточноевропейский тип семейного поведения сохранялся в Словакии и в ходе социалистической модернизации. На ее завершающем этапе в результате политики нивелирования воспроизводственного поведения различных социально-образовательных групп общество современного типа сочеталось с традиционными семейными системами¹. Но, начиная с поколения 1960-х годов рождения, положение меняется. Нижние слои общества отказываются от консервативных семейных ценностей и образцов, однако в силу социально-экономических обстоятельств, а не модернизационных факторов.

Особенность современной цивилизационной динамики словацкого общества – противоположная по направленности периоду социализма – проявилась и в развернувшихся с начала 1990-х годов процессах его дезурбанизации, деконцентрации и увеличении итак немалой (43–44%) доли сельского населения. Одновременно нарастали различия между городом и селом, тем более разительные после завершения политики «стирания граней» между ними в предшествующий период.

На протяжении всего периода неолиберальной трансформации словацкого общества происходил рост небольших городов с численностью населения до 10 тыс. человек и крупных сельских поселений (от 500 до 5 тыс. жителей). Напротив, переживавшие деиндустриализацию города с более 10 тыс. жителей, особенно средние и крупные, как и самые небольшие сельские поселения, характеризовались убылью населения². Миграция из городов в сельскую местность достигла высших значений на пике словацких реформ в 2002–2004 гг. Но снижение численности городского населения регистрируется уже с 1996 г., главным образом, за счет процессов субурбанизации. Люди начали тогда переезжать в окрестности сначала столицы Братиславы, а после 2001 г. и остальных не только крупных, но также средних и малых городов – часто на «малую родину» своих ближай-

¹ Džambazovič R. Rodinné správanie v demografických dátach, s. 101.

² Gajdoš P. Mestá – vidiek – region. – Ako sa mení slovenská spoločnosť, s. 141.

ших предков¹. Произошел своего рода «ренессанс села», связанный не в последнюю очередь с ростом привлекательности жизни в собственных семейных домах, владение которыми традиционно обладает чрезвычайно высокой символической ценностью для всех словаков, отцы и деды которых в большинстве своем были сельскими жителями.

Вместе с тем само село в условиях неравномерного развития после смены систем и углубления его цивилизационного отставания от городов, особенно по показателям слабеющего человеческого потенциала, теряло связь с сельскохозяйственным производством как его экономической основой. Проблемы с занятостью отражались на социокультурной ситуации в селах, составляющих каркас крайне раздробленной поселенческой структуры в Словакии: в 90% их менее 2 тыс. человек. Многие из них, оказавшиеся в наиболее неблагоприятном социально-экономическом положении, переживали депопуляцию, здесь формировались «острова бедности» со своими нормами жизни и ценностями социально-исключенных групп (нередко цыганского) населения.

Пояс проблемных в экономическом, социальном, демографическом, культурном отношениях регионов сформировался в южных и восточных частях страны. Уже к концу 1990-х годов возникло четкое деление на богатый северо-запад (с центром в Братиславе и ее окрестностях – этот регион стал одним из самых процветающих в ЕС, опередив Прагу) и бедный юго-восток. В последующий период, который в Словакии считают посттрансформационным, сложившаяся поляризация сохранилась и углублялась. Появление обширных «отстающих» регионов и поселений, число которых нарастает с запада на восток страны, объясняется словацкими обществоведами не чем иным, как несовместимостью их действительности с культурными образцами нового этапа модернизации².

Несмотря на происходившие после 1989 г. перемены, жители Словакии демонстрировали удивительную стабильность своих базовых ориентаций. Как и везде, переход к обществу потребления сопровождался здесь увеличением важности свободного времени, но более медленными темпами по сравнению с западноевропейскими странами. Труд продолжал

¹ *Gajdoš P. Vývojové zmeny v sociálno-priestorovej situácii Slovenska. – Desat-ročia premien slovenskej spoločnosti, s. 65; Moravanská K. Špecifická suburbanizácie na Slovensku. – Ibid., s. 89.*

² *Gajdoš P. Mestá – vidiek – region, s. 172.*

оставаться для словаков приоритетной по сравнению с досугом ценностью¹. Новое веяние покупок в торгово-развлекательных центрах («покупок для радости и развлечения») не получило в Словакии с ее невысоким уровнем благосостояния широкого распространения, как, например, в Польше. В то же время в СР особенно велика (ровно треть) доля людей, желающих больше времени посвящать оплачиваемому труду (что может быть связано в том числе с высокой долговременной безработицей и сельским или полусельским образом жизни большинства населения). А свободное время словаки чаще других народов посвящают «полезным» видами деятельности – благоустройству своего дома, приусадебного участка и ручным работам. 44% населения Словакии занимается этим в свободное время ежедневно или несколько раз в неделю².

Любопытно, что еще исследование 1984 г. свидетельствовало об устойчивой склонности словаков с их крестьянскими корнями к производительной деятельности и «земельной ориентации» (*zemitost'*) этого народа, характерной, в том числе и для интеллигенции – основная ее часть была интеллигенцией в первом поколении. Способ использования ею свободного времени оказался тогда зависимым от обладания земельным участком в большей степени, чем от социальной принадлежности. Исследователи констатировали: «Интеллигенция (и не только она), владеющая землей, в своей деятельности в послерабочее время похожа на подгруппу рабочих, владеющих землей»³. Последние данные показали, что ситуация с того времени мало изменилась, в том числе в среде городских жителей.

Словацкое общество не отказывалось от своих культурных традиций в период посткоммунистической модернизации, а, скорее, возвращалось к ним. Для Центральной и Восточной Европы в целом после 1989 г. характерна отличная от западноевропейской тенденция десекуляризации и деприватизации религии. «Тезис о нарастании секуляризации прямо пропорционально нарастанию модернизации для исследуемого региона не подтвердился»⁴. Более того, на фоне роста материалистических ори-

¹Chorvát I. Voľný čas na Slovensku v sociologickej perspektíve. – Voľnočasové aktivity obyvateľov Slovenska: poznatky z aktuálnych výskumov. Bratislava, 2011, s. 23.

²Chorvát I. Poznámky ku skúmaniu voľnočasových aktivít na Slovensku v komparatívnej perspektíve. – Desaťročia premien slovenskej spoločnosti, s. 132.

³Radičová I. O zemitosti nášho voľného času. – Sociológia, 1989, № 4, s. 445.

⁴Podolinská T, Krivý V., Bahna M. Religiozita: Slovensko a jeho susedia. – Ako sa mení slovenská spoločnosť, s. 242.

ентаций при «переходе от социализма к капитализму» Словакия стала единственной в Центральной Европе страной, где, особенно в период национального подъема 1990-х годов, произошел рост уровня религиозности. Причем по показателям распространенности и христианской веры, и церковной практики (при стабильном уровне внецерковной практики). Словакия стала одной из наиболее традиционалистских «цитаделей» католицизма в современной Европе. Примечательно, что связь уровня религиозности с социальной принадлежностью ослабла. А с возрастом религиозность возрастает. Сравнение ее уровня для трех поколений нынешних жителей страны показало, что характер религиозной социализации не является значимым: половина людей старшего возраста, выросших в период социализма, принадлежит к категории «сильно религиозных»¹.

Несмотря на значительные сдвиги в социальной структуре населения Словацкой Республики, обусловленные радикальными рыночными реформами правоцентристских сил в 1998–2006 гг., общекультурное, цивилизационное измерение словацкого общества сохраняло свою чрезвычайную значимость при осуществлении его посткоммунистической модернизации. Как свидетельствуют объективные данные, общественное развитие продолжало «отклоняться» от ее «стандартной» траектории и тенденций социальной динамики западного типа и даже шло вразрез с ними². Но это не все. В условиях ухудшения экономического положения широких слоев населения, роста социальных неравенств и недовольства граждан выявившееся «цивилизационное несоответствие» содержало потенциал его политической активизации. В какой форме он проявился?

Со времени парламентских выборов 1998 г. в Словакии набирало силу состоявшееся только к 2002 г. и усилившееся в условиях политической борьбы «за» и «против» реформ после 2006 г. деление общества на сторонников левых и правых партий, практически не выраженное в период «мечьяризма». Этот процесс, вызванный увеличением социально-классовых различий между двумя группами избирателей – «выигравших» и «проигравших» в результате перемен, – достиг максимального проявления на выборах 2010 г. Тогда за оба противоположных политических блока в общей сложности проголосовало четыре пятых избирателей³. Однако

¹ Ibid., s. 246.

² Krivý V. Záver. – Ako sa mení slovenská spoločnosť, s. 387.

³ Gyárfášová O., Krivý V. Vzorce voličského správania. – Ako sa mení slovenská spoločnosť, s. 264.

в течение следующих двух лет поддержка правых партий, выступающих за продолжение либеральных преобразований, резко снизилась: шло не столько межпартийное, сколько межблоковое перемещение голосов избирателей, все больше склоняющихся к идее социального государства. В результате совершился фактически возврат к хорошо известному в новейшей истории Словакии доминированию одной партии – теперь партии «Направление – социальная демократия» (Смер-СД) – под руководством критика экономических реформ 2002–2006 гг. и премьер-министра СР Р. Фицо. Эта политическая партия декларирует себя как левая, но считается национально-популистской («мягкий» популизм в отличие от «твердого» у ДЗДС). На досрочных парламентских выборах 2012 г. впервые за прошедшие после ликвидации монополии Коммунистической партии 22 года партия Смер-СД стала единственной правящей партией. А социально-классовый фактор электорального поведения в сильной мере утерял дифференцирующую силу в пользу этнического и религиозного: в формировании партий вновь возобладала тенденция политизации ценностных ориентаций, а не социально-структурных. Речь идет даже не столько о ценностях, сколько о цивилизационных ориентациях словацкого общества. Впрочем, не одного его в регионе, до Второй мировой войны относившегося преимущественно к аграрной периферии западной части европейского континента.

Важнейшим, многократно подтвержденным результатом социологических исследований в Словацкой Республике является постулат о предопределенности ценностных различий словацкого населения по оси город – село. Все проводившиеся в стране после 1989 г. политические выборы отчетливо свидетельствовали о различиях в электоральном поведении, прежде всего, жителей города и села. Здесь даже принято делить партии на городские и сельские. Сельское население и после «перехода к демократии» предпочитает авторитарный стиль правления, принципы этатизма, социальной защиты, национальные и религиозные ценности¹. Наиболее популярной в среде сельского электората долгое время оставалась ДЗДС В. Мечьяра. Избирательная поддержка партии Смер-СД на первых выборах с ее участием в 2002 г. в городах была несколько выше, чем в сельской местности. Однако на последующих выборах (2006 и 2010

¹ Krivý V. O voľbách a volebných výsledkoch: dlhší pohľad späť. – Desaťročia premien slovenskej spoločnosti, s. 22–23.

гг.) по электоральным показателям она совершила «сдвиг к селу», получив там большинство сторонников. Триумф единственной левой партии Смер-СД на выборах 2012 г. (44,4% всех голосов) определялся ее превращением в новую общесловацкую партию.

В преимущественно городской по составу населения Словакии это было вызвано двумя факторами. Не только стабильно более высокой после 1989 г. избирательной активностью сельских жителей: среди них особенно много тех, чье социально-экономическое положение в этот период ухудшилось, т.е. «проигравших» (они шли на выборы, чтобы, скорее, воспрепятствовать переменам, чем их поддержать). Но и тем, что на рубеже первого и второго десятилетий нового века ряды сторонников Смер-СД пополнялись и за счет горожан. Большую роль сыграло преобладание сельского типа избирательного выбора в самой городской среде. Что соответствует представлению о словацком обществе как по-прежнему в большей степени сельском, посткрестьянском, чем городском, с точки зрения культурной или ментальной¹. А партия Р. Фицо выступила в качестве электоральной наследницы партии В. Мечьяра: регионы, составляющие их «массовый оплот» практически совпадают.

Интересный вывод проведенных в стране уникальных исследований относится к сфере «исторической географии отстающего модерна в Словакии» или «территориально-избирательного наследия» времен Первой Чехословацкой республики 20–30-х годов прошлого века². Были изучены показатели динамики самых больших избирательных предпочтений в 12 наименее развитых регионах Словакии за 84 года. При этом сопоставили электоральные результаты наиболее успешных на рубеже XX – XXI вв. ДЗДС и Смер-СД по этим регионам страны, с одной стороны, и индикаторы их же цивилизационного развития (точнее, отставания, прежде всего неграмотности, а также демографического поведения и др.) по состоянию на 1930 г.³ – с другой. Обнаружена тесная «отложенная» связь уровня общественного развития, существовавшего в межвоенный период, с нынешней политической культурой, которая в рассмотренных регионах по-прежнему характеризуется преобладанием традиционализма. Особен-

¹ Krivý V. Výsledky volieb 12: čo sa zmenilo, čo zostáva. – Slovenské voľby 12: čo im predchádzalo, postoje a výsledky. Bratislava, 2012, s. 82.

² Ibid., s. 48.

³ Roupá M. Demographic behavior and modernization process: a cross-sectional study of fertility determinants in Slovakia 1930. – Slovak Sociological Review, 2012, № 3.

но любопытно, что наиболее популярные словацкие партии 1990–2012 гг. получали максимальную поддержку именно в регионах доминирования вышеупомянутых «людаков» или Глинковской словацкой народной партии и на преимущественно аграрных территориях первой половины XX в. Таким образом, в прошлом «досовременная» общественная среда остается, если уже не социальной, то, безусловно, культурной основой исключительного избирательного успеха крупнейших партий периода демократизации. К их числу, кроме ДЗДС, относится Словацкая национальная партия, а с 2006 в течение более десятилетия – Смер-СД.

В то же время в словацком обществе слабо представлены традиции либеральной направленности, несмотря на рост социальных различий и увеличение электорального влияния города по сравнению с дореформенным периодом. Быстрое «исчерпание» мобилизационного потенциала либеральных политических элит в СР объясняется не только последствиями тяжелых для общества рыночных реформ. Массовые настроения изменились на вершине евроинтеграционного «бума» и еще до начала мирового экономического кризиса в силу вышеупомянутого «цивилизационного несоответствия». В целом, в стране не существует исторических партий, поэтому после 1989 г. многочисленные политические субъекты возникали и вскоре исчезали. Оставались неизменными лишь длительные культурные традиции народов (словацкого и венгерского) как коллективных идентичностей и предпочтение ими политических партий, основанных на трех столпах – социальном, национальном и религиозном, поэтому являющихся партиями «широкого профиля». Причем носителями национальной идеи в СР являются партии не правого, а левого, социально-ориентированного, крыла. Эта особенность общественно-политической жизни, в той иной степени характерная для большинства «новых демократий», регистрируется в Словакии применительно как к второму десятилетию XXI в., так и далеким от него периодам национальной истории XX в.

В переломные моменты развития страны ее культурно-политическая специфика выходит на первый план. Так было на начальном этапе либеральных реформ, накануне образования в 1993 г. самостоятельного словацкого государства, и после их завершения. В 2012 г. сразу после победы партии Р. Фицо Смер-СД и несмотря на нее словацкое общество демонстрировало наиболее высокий даже по сравнению с 1998 г., перед поражением В. Мечьяра и сменой курса, уровень пессимизма. Он соответствовал крайне критическому настрою словаков, свыше половины ко-

торых не соглашалось именно с направлением общественного развития¹. Одновременно резко снизилась и эмоциональная идентичность граждан СР, их чувство гордости за свою страну до самых низких за предшествующее десятилетие значений. Подобные настроения контрастируют со временем индустриальной модернизации периода социализма. Характерная для него высокая социальная динамика восходящей направленности, согласно широко известному исследованию 1967 г. под руководством П. Махонины, порождала во всех группах словацкого общества ощущение принадлежности к более высоким его слоям по сравнению с соответствующими слоями чешского общества².

Первые два десятилетия нового этапа модернизации окончились, скорее, с противоположным итогом. Оказалось, что изменение условий социального продвижения по сравнению с периодом до 1989 г. беспокоит людей даже больше, чем проблемы уровня жизни: распространено представление, что «бархатная» (в Словакии – «нежная») революция не привела к предполагавшемуся равенству возможностей на основе трудового участия. А в сильной мере утерянные социальные права и гарантии оказались для словацких граждан гораздо более значимыми, чем полученные политические права и свободы³. К тому же лишь 39% словаков считает, что может влиять на политические решения больше, чем поколение их родителей в период социализма⁴. Одновременно растет разочарование в результатах евроинтеграции, с которой словаки также связывали завышенные ожидания в решении проблем страны. Всем этим может объясняться стабильно самое низкое в ЕС участие словаков в выборах в Европарламент: в 2004 г. оно составило 17,0%, в 2009 г. – 19,6%, а в 2014 г. упало до 13,0% всех избирателей.

Словацкий пример соотношения традиции и современности в восточноевропейском регионе особенно показателен. Хотя большинство людей живет здесь в городах, часто это первое или второе поколение

¹ *Bútorová Z., Gyárfášová O.* Contemporary Slovakia in public opinion. – Slovakia 2012: trends in quality of democracy. Bratislava, 2013, s. 125.

² *Roško R., Podoláková K., Jančovičová J.* Sociálna štruktúra slovenskej a českej spoločnosti (pokús o komparáciu). – Československá spoločnosť. Bratislava, 1969, s. 495–497.

³ *Bútorová Z., Gyárfášová O.* Slovensko na prahu tretej dekády slobody: kontúry participatívneho paradoxu. – Občianstvo, participácia a deliberácia na Slovensku: teória a realita. Bratislava, 2010, s. 151.

⁴ *Bútorová Z., Gyárfášová O.* Verejná mienka. – Slovensko 2009. Súhrnná správa o stave spoločnosti a trendoch na rok 2010. Bratislava, 2010, s. 248.

городских жителей, что предопределяет ментальные и культурные воззрения словацкого общества, которое и по сей день фактически остается сельским. Шесть из каждых десяти взрослых словаков выросло (возраст до 12–14 лет) в сельской среде, еще двое – в малом городе, тогда как в крупном городе (50–100 тыс.) – едва один из десяти¹. В целом 3/4 млн людей проживают в настоящее время в совершенно ином месте страны, чем то, где они были социализированы.

Духовная культура словаков весьма неоднородная, наиболее многочисленная часть их принадлежит исторически к восточной (Византия, Россия) культурной зоне христианства, или к «востоку». Исторически, по мнению словаков, их страна относится в равной мере близко к западной и восточной культуре (28%), к восточной (35,7%) и к западной (14,4%). «Сердцем», или культурно-аутентично, словацкое общество – всё еще доминирующе сельское и малгородское². Очевидна низкая доля людей, внутренне склонных к крупногородской среде. Лишь немногим меньше половины взрослых жителей двух крупнейших городов – Братиславы и Кошице – внутренне тяготеют к характерной для них среде. Группа людей с малгородской и особенно сельской идентичностью – по сравнению с жителями, отождествляющими себя с крупногородской средой – делает акцент на социальном перераспределении («отнять у богатых и передать бедным») и меньше доверяет богатым людям. 76% жителей страны долговременно проживают в одном месте, т.е. структура расселения относительно стабильна. Широко распространено утверждение: «Здесь я родился, здесь вырос, здесь чувствую себя дома»³.

По оценке социологов, словацкое общество и поныне урбано-руральное с элементами традиционализма. К признакам традиционного общества принадлежат сильная связь с семьей и собственное хозяйство – земля, дом, поселение, его этническая и конфессиональная структура. С традиционализмом связаны черты, метафорически именуемые «укорененностью», «почвенничеством». В сельской среде человек живет неотделимо от природы, в соответствии с правилом «так работали наши отцы, так работаем и мы»⁴.

¹ Krivý V. Dominantné kolektívne identity na súčasnom Slovensku. // Svet mnohých "MY a ONI": Kolektívne identity na súčasnom Slovensku. Bratislava, 2006. S. 96.

² Ibid. S. 98.

³ Danglová O. Lokálne kontexty identity. – Svet mnohých "MY a ONI". Bratislava, 2006. S. 142.

⁴ Ibid. S. 114.

Традиционное общество в той иной степени характерно и для остальных стран Центральной и Восточной Европы. Оно неотделимо от многочисленных низших – постсельских и посткрестьянских – слоев населения этих стран, крайне узкого слоя политической и экономической элиты, их углубляющейся социальной и культурной поляризации, взаимного недоверия «низов» и «верхов» общества восточноевропейского типа.

Несмотря на политические и экономические сдвиги после 1989 г., Словакия и другие посткоммунистические страны региона Центральной и Восточной Европы демонстрируют неизменность ключевой традиции социально-ориентированного национального консерватизма¹. Результаты общественных перемен в странах региона за прошедшие 30 лет подтверждают устойчивость их важнейших культурных параметров перед вызовами «вестернизирующей» трансформации, своеобразие их цивилизационного пути, тяготеющего к восточноевропейским образцам. Осмысление характерного словацкого опыта и в целом восточноевропейского пути развития² (через два этапа общественной трансформации – середины и конца прошлого века) создает плодотворную почву для более глубокого понимания базовых историко-социологических понятий – модернизация, модерн, традиция.

¹*Somolányi S. Slobodné voľby v strednej Európe po dvadsiatich rokoch: čo vypovedajú o stave a perspektívach demokracie? – Slovenské voľby'10: šanca na zmenu.* Bratislava, 2011, s. 21.

²Изучение этой чрезвычайно актуализировавшейся в наши дни проблематики в России после 1991 г. практически прекратилось. Однако на Западе с 1974 г. активно и масштабно функционирует Международный комитет по центрально- и восточноевропейским исследованиям, в центре внимания которого находятся вопросы истории и культуры региона «от Праги до Владивостока» «досоветского, советского и постсоветского периодов».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В середине и конце XX века народы Центральной и Восточной Европы пережили две Великих трансформации, в результате которых изменились их цивилизационные основы. Первая трансформация, или социалистическая модернизация, создала здесь индустриальное, городское и образованное общество. Романтическим финалом соцмодернизации явились «бархатные» революции, инициированные «демонстрационным эффектом» западных стандартов потребления. Движущей силой этих революций стали многочисленные образованные и особенно высокообразованные слои населения, главным образом в первом поколении. Рыночные реформы, или шоковая терапия, выполнили роль инструмента либерально-демократического строительства, перехода от социализма к капитализму.

Вторая половина XX в. тесно переплела исторические судьбы России и большой группы стран, расположенных к западу от нее. На примере этой группы, в основном малых стран, выступающих в роли уникальной социальной лаборатории, в книге выявляются общие закономерности второй модернизирующей трансформации, их вестернизации. На обширном социоэмпирическом материале по трем национальным культурам обосновывается тезис о том, что сложившаяся за три десятилетия общественная система в ряде отношений «отклонялась» или даже шла вразрез, как с национальными цивилизационно-культурными характеристиками, так и с аналогичными социокультурными процессами в странах Запада, тенденциями динамики западного типа и «стандартной» траекторией модернизации.

Исторически сложившаяся дихотомия двух частей европейского континента как проявление их цивилизационной специфики нашла проявление в период их современной интеграции в превращении восточноевропейского региона в периферию западноевропейского. Динамика ценностей после «бархатных», или моральных революций сознания в Центральной и

Восточной Европе продемонстрировала относительную неизменность ее региональной идентичности, в основе которой находятся идеи социальной сплоченности, равенства и справедливости. Это идеи, по сути и лежавшие в основе самой первой «бархатной» революции – польской революции «Солидарности», бывшей социалистическим и рабочим движением. Люди, знавшие о жизни при капитализме лишь по книгам и кинофильмам, ждали от «бархатных» революций прежде всего равенства жизненных шансов на основе трудового участия. А получили повсеместную социальную поляризацию общества, драматический рост социального неравенства и гигантскую дестабилизацию занятости. Результат – исключительное недоверие восточноевропейцев политическим партиям (так, в Чехии лидирует движение Акция недовольных граждан), парламенту, политическому классу. Типичным для общества восточноевропейского типа стал феномен общественного исключения – политического, экономического, наконец, «исключения из жизни» (сокращение продолжительности жизни низших слоев общества и самоубийства). В сильной мере утерянны социальные права и гарантии оказались для граждан намного важнее приобретенных политических прав.

Несмотря на интенсивную имитацию западных идеалов и практик, восточноевропейский регион превратился не только в периферию Запада, но и в разновидность Третьего мира. Любопытно, социальной детерминантой отношения людей к действительности при социализме был уровень образования, а при капитализме – материальное положение домохозяйств. Те, кто хорошо обеспечены, в большинстве одобряют новый курс, а малообеспеченные критикуют. Это группы адаптировавшихся к радикально изменившейся действительности и «неприспособившихся».

Однако исторически общество восточноевропейского типа – это общество культурного, а не экономического капитала, общество интеллигентское. Доля сторонников капитализма, материального неравенства и рыночных реформ, например, в Чехии всегда была и остается не более 5%. Левым, национально-консервативным, традиционалистским восточноевропейское общество остается в начале XXI в., как и столетие назад. Носителями национальной идеи здесь являются партии, практически отсутствующего социального-ориентированного крыла. Слабая связь между демократическими институтами и обществом является потенциальной угрозой легитимности новой государственности, возникшей в результате «бархатных» революций.

Научное издание

Коровицына Н.В

**Как живут центральноевропейцы после «бархатных» революций.
Поляки, чехи, словаки**

Подписано в печать ... 2019 г.

Формат 60 × 90 1/16

Усл. печ. л. ... Тираж 300 экз.

Заказ № ...

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт Европы Российской академии наук

125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96

E-mail: europe-ins@mail.ru

Web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано в типографии «Технология ЦД»

119606, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84, корп. 2